

# **предисловие**

## **СОЦИОЛОГИЯ ПОД ВОПРОСОМ**

*Но что страннее, что непонятнее всего, это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно... нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых... но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это...*

**Н.В. Гоголь. Нос**

Социологическая теория в России по инерции понимается как теория истории социологии, стремится ей быть и неминуемо оборачивается назидательными схематизациями чужих концептуальных систем. Оптика ретроспекции вообще устроена так, что в прошлом теоретической социологии не обнаруживают ничего случайного и неуниверсального, тогда как происходящие в настоящем эмпирические социальные события хаотичны. У нас "теоретическая социология" все еще выступает метонимией совокупности суждений социологических учебников, бесплодной и непрактичной науки. Теория истории теоретической социологии подобна "игре в бисер", представляющей интерес для самих игроков, но не имеющей смысла вне академической среды. Уже написана "Вавилонская библиотека", и воздух пахнет смертью "истории идей": все "интересные" положения воплощены в готовых текстах. Кастовая замкнутость, стремление сохранить последнюю истину для "служебного пользования", нежелание связываться с социальной критикой порождают неспособность встать вровень с веком и отторжение "внешней практики".

В контексте новейшей российской истории позиция хранения Заветов социологических классиков и комментирования Высокой теории, обосновывающая себя представлениями о противоположности истины и пользы, утрачивает былые социальные гарантии своего существования. В начале 90-х годов социальная наука перестала быть нужна Российскому государству в качестве "представителя". Оно потеряло интерес не столько к науке, сколько к самой идеи презентации. - "Плач муз, скорбящих о судьбе Науки, / Скончавшейся в жестокой нищете" не годится для торжеств по случаю интронизации Власти, а это праздник, который в России всегда с нами. - Хотя по старой памяти отечественная социология пытается легитимировать политический режим - то, что не нуждается в ее санкции на легитимность, и обосновывать социальные явления - то, что вообще не нуждается в обосновании, - она отныне ни на что официально не уполномочена. Отсюда отнюдь не следует, что социальная наука никем не ангажирована и тем более не укоренена в социальной действительности. Социология немыслима вне подлинных контактов с социальной действительностью, независимо от их гносеологических интерпретаций.

Социологическая теория только в том случае оправдывает свое наименование, когда выступает предпосылкой и необходимым условием социологического эксперимента во всех его формах: от самого "мягкого" наблюдения до самого "жесткого" лабораторного моделирования. Предпосылкой практического эксперимента в социальной науке может служить лишь "идеальный эксперимент" над сконструированной социологической предметностью, но вовсе не "отнесение" эмпирии к сфере трансцендентального долженствования. Если же концептуальная система не включает в себя "идеального эксперимента", т. е. не моделирует и даже не предполагает производства эмпирических феноменов в искусственно созданных условиях, не проецирует себя в эксперимент и не нуждается в нем, то правильнее было бы называть ее не научной теорией, но учением (Lehre) -

доктриной, имеющей дело с трансцендентальными измерениями сознания. Социология исторически возникла и развивалась в рамках проективно-конструктивного отношения к социальной действительности, не только допускающего рационализацию форм управления, но и прямо ориентирующего на преобразование и контроль социальных явлений. Такое происхождение, как впрочем, и любое другое, нельзя отменить, объявив бывшее небывшим, а оно накладывает существенные ограничения на социологическую практику. Социальная наука - не игрушка на елке "рыночной демократии", она вводит нас непосредственно в суть дела, но раскрывается навстречу лишь тому, кто ее применяет. Поэтому нельзя стать не то что выдающимся, но и просто сколько-нибудь оригинальным историком социологии, не став прежде оригинальным социологом. Социологом же станет лишь тот, кому по силам жить в состоянии осознаваемой экстремальности - в потоке социальных изменений и с прагматически обоснованной верой в их причинную обусловленность. Вопрос не только в том, что отечественным исследователям надлежит признать неплодотворную интерпретацию радикальных перемен последнего десятилетия, нынешнего состояния России, а также ее положения в мире как "катастрофы" или "самых важных в истории страны реформ". Проблема еще и в том, что без событий нет ни социальной действительности, ни социологии. Их надо рассматривать не как "травму" или "триумф рыночной демократии", т. е. в рамках предпонятий политизированного обыденного опыта, а профессионально: научно вычленять и конструировать последовательность социологических фактов. Социология не только академическая дисциплина, но и специфический "образ жизни", предлагающий научный способ восприятия и выражения "социального мира" I, т. е. такой, который разрывает с ненаучным. Ученый уже "по определению", - если он конечно исследователь, а не начетчик или схолиаст, - не может считать, что "социальная действительность", как она есть здесь и теперь, не нуждается в изменениях, а раньше (для нас неважно, когда именно - в 1913 г. или в 1973 г.), возможно, была еще лучше. Социолог лишь тогда "соответствует своей идее", когда придерживается перспективной, а не ретроспективной позиции. Исследователю нет нужды восхищаться или предавать анафеме поток событий социального мира: он должен искать логику статистических тенденций, пытаясь объяснить происходящее.

До сих пор российская социология либо стремилась обосновать социальные явления (включая собственную историю), либо участвовала в работе по легитимации политического режима. На смену велеречивым рассуждениям по поводу чужих комментариев к "вечной" классике и воссозданию "общественного мнения" путем медитаций над выхолощенными опросами-однодневками идет, быть может, другая социология - продуктивная и первичная, открытая и значимая, освобождающая энергию критики и ориентирующая на поиски социальных закономерностей. Доминирующие заинтересованы в понимании этих закономерностей как неподвластных практическому изменению "естественных" или "вечных" механизмов производства событий, и, следовательно, механизмов воспроизведения их собственного господства. Напротив того, доминируемые, желающие изменить свое положение в социальной игре, стремятся понять тенденции социального мира, которые делают их доминируемыми, чтобы иметь возможность упразднить условия их действия. Выявляя статистические законы-тенденции, социология тем самым создает субъективные условия для их преодоления. В этом ее внутреннее родство с политикой: в отличие от утопизма, старающегося изменить социальную действительность рассуждениями о "должном", политические практики ищут опору (нередко неосознанно) в настоящих социальных закономерностях. Политики пытаются выражать

законы-тенденции "социального мира", а социологи - постигать их, и если первые стремятся эффективно действовать, то вторые - открывать условия эффективности действий. Именно поэтому доминирующие в социальной игре, консервативные силы не только не поощряют социологических открытий, но и делают все возможное для того, чтобы редуцировать социальную науку к преподавательской деятельности, к повторению пройденного, пережевыванию классических текстов. Стабильному государству в лучшем случае нужна стабилизирующая его социальная наука, а зачастую оно готово удовольствоваться чем-нибудь вроде классической филологии и страноведения: ведь непознанные закономерности работают на простое воспроизведение государства, они становятся "судьбой", поддерживающей *status quo* социально-политического господства. Социологические открытия потребны лишь доминируемым, которые не рассчитывают унаследовать позицию доминирующих в уже существующей социальной игре, но намереваются играть с правилами и ставками самой социальной игры, ориентируются на более или менее масштабную и радикальную революцию.

Скорее всего, грядущая социология станет применять на деле свою интеллектуальную компетенцию. Возможно, она будет предрасположена к практической критике социального мира: за плодотворными теоретическими новациями всегда стоят не культуртрегерство или снобизм, а стремление к преодолению общественных противоречий, к мобилизации творческих сил и созданию новых возможностей. Становление научного исследования как собственно социальной практики равнозначно становлению практической социологии, предпочитающей вопрос "Что может сделать социальная наука для России?" вопросу "Как социальная наука может оправдать Российскую Федерацию?"

\*\*\*

"Социо-логия" ставит вопрос об условиях действительности самого социологического исследования. "Социо-логическое" изучение социологического исследования как такового граничит с постановкой вопроса о социальной и логической природе самого научного мышления и его привилегированном статусе в познании социального мира.

В социальной науке сталкиваются два течения - "объективизм" и "субъективизм". Предпосылки, из которых они исходят, а также получаемые ими результаты, взаимно отрицают друг друга. Условием возможности первого течения выступает "естественная установка" (в терминах Э. Гуссерля) на реальность изучаемой социальной действительности. Социолог при таком понимании социальной науки получает воспроизводимые факты, применяя объективные способы измерения величин, строит (более или менее изощренные) математические модели для объяснения эмпирической информации и излагает результаты своего исследования в общезначимой форме. Условием возможности второго течения является "феноменологическая установка" на самоочевидную данность субъективных явлений и неочевидность внешнего сознанию социального мира. Такое толкование социального опыта на деле исключает получение общезначимых результатов, объективное измерение и применение математической статистики.

Итак, объективизм с помощью логических средств изучает социальные факты как независящие от сознания вещи, а субъективизм склонен рассматривать социальный мир как совокупность представлений о нем, которые производятся людьми. Коль скоро объективизм признает последними предметами социологического познания элементарные события, то субъективизм склонен считать таковыми предметами конструкции человеческого разума, навязываемые

явлениям, идеальные формы социального порядка. Если объективизм разрывает с донаучными представлениями, то субъективизм, напротив, основывается на мысленных предметах, сконструированных в повседневном опыте. Несмотря на видимую противоположность, эти два течения имеют общий исток в единой истории науки и философии Нового времени. "Естественная" и "феноменологическая" установки оказываются различными формами целостной по сути социальной (т. е. и внетаучной, и внефилософской) установки, которая именно ввиду своего некогнитивного происхождения одна только и способна определять характер как научной, так и философской практики. Поэтому в практике социальной науки так часто встречаются химеры, сочетающие несочетаемое. Самым распространенным явлением современной российской социологии являются "массовые опросы", применяющие объективные методы измерения (или то, что таковыми считается - "с точностью до начитанности") к субъективным феноменам и утверждающие общезначимость полученных результатов. Не только опросы "общественного мнения", но и бесчисленные "отраслевые социологии" утратили бы ореол научности, если бы - вполне в духе когнитивной химеры! - не наделяли предпонятия обыденного опыта статусом социальных фактов.

\*\*\*

Всякое точное определение устанавливается в отношении к неопределенному. Считается, что условием действительности социологического исследования выступает нечто не-исследованное, неотрефлектированное, не-помысленное, но вместе с тем бесспорное и понятное без понятия. Этот неопределенный горизонт (точнее - совокупность горизонтов) вневременного наличия определяется в постулатах, образующих эпистемологический "остов" или "концептуальный каркас" социологии - твердую опору и предел познания одновременно. Такое неисследованное условие действительности социологического исследования мы будем называть присутствием. В самом общем виде, "присутствие" есть фундаментальная предпосылка социологического познания; оно выступает в роли идеализированного объекта знания, создающего необходимые условия для достижения идеально-логического содержания значений мыслимых предметов социологии.

Ближайшим образом, понятие "присутствие" обозначает необъективированные условия научной объективации: натурализованные и овеществленные (а не гипотетические и сконструированные) коренные предметы социологии, интерпретируемые как определения социальной действительности, считающиеся первыми и существенными. "Присутствие" - непосредственная форма, в которой социологическое знание дано научной рефлексии II, и характеризует наличные аспекты социальной действительности, коим приписывается объективное и необходимое значение. Будучи особой идеальностью социальной науки, неким логически недоказуемым фундаментальным "фактом", обладающим самоочевидной достоверностью, "присутствие" играет роль *arche*, т. е. начала социологического знания в двух смыслах этого слова: истока и начальства, господства. Подобно "бытию" в философии, оно возникает в контексте задачи законченного объяснения социального мира и открытия "окончательной истины". "Присутствие" "снимает" концептуальную и онтологическую относительность социологии, утверждая конкретное наличие, наблюдаемость и наглядность общих конвенциональных понятий, наделенных полномочиями социальных фактов.

"341. ...Вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений]. 342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших

научных исследований. 343. Однако дело не в том, что мы не в состоянии исследовать всего - и потому вынуждены довольствоваться предпосылками. Если я хочу, чтобы дверь отворялась, петли должны быть закреплены. 344. Моя жизнь держится на том, что многое я принимаю непроизвольно"III.

Каким же образом социология устанавливает "присутствие"? Путем "двойной игры" с объективизмом и субъективизмом. С одной стороны, "феноменологическая установка" допускает возможность "усмотрения сущности" (Wesensschau) явлений, считая, что субъект содержит в себе самом основания наблюдаемых социальных событий. С другой стороны, представляя подобные "сущности" как "вещи" "естественной установки", наличествующие и действующие независимо от представлений агентов, социология учреждает "присутствие". Она привычно трактует его как несомненный коренной предмет социальной действительности. Любое предметное содержание выражается в терминах "присутствий", поскольку ансамбль "присутствий" есть система постулатов социологии, выступающая местом ее конечного обоснования в границах социально определенных установлений науки. Это относится как к традиционным понятиям "культура", "массовое сознание", "гражданское общество", "средний класс", так и сравнительно молодым "гендеру" или "биографии". Конструкты, используемые "научным сообществом" для исследования социальной действительности, превращаются в ее моменты, позволяя тем самым вписывать эмпирические предметы в социологические теории.

Поясним сказанное примером. Возникшая в недрах философии категория "общественное сознание" пришла в социальную науку под сценическим псевдонимом "массовое". (Любопытно, что в то время как первый член базовой оппозиции исторического материализма "общественное бытие" для нашего социологического сообщества в бозе почил в 1991 г., второй на погост не торопится.) "Массовое сознание" по существу выступает как вненаучные формы опыта, гипостазированные и превращенные в единый самотождественный субстрат, т. е. как science fiction. В социологии эта "непосредственно наличная и безусловно достоверная" "трансценденталия" породила великое множество "сознаний" помельче ("бюрократическое", "городское", "групповое", "политическое", "религиозное", "феминистское", "экологическое"...), каковые до сих пор исполняют инструментальную роль воображаемой среды, наделяющей ощущимой вещественностью "понятийный аппарат" опросов общественного мнения (или глубинных интервью) и придающей объективную значимость произвольным вопросам анкет (или гидов интервью), но не более того. На какие только ухищрения не шли "полстеры", чтобы придать "массовому сознанию" и иже с ним статус познавательно результативного социологического концепта! Поколение "методологов" и "полевых командиров" опросов работало на эту идею, но они так и не сумели удалить "родовые пятна" трансцендентального прошлого и добиться удовлетворительной научной объективации этого "присутствия". Так, в случае "экологического сознания" предполагается, что его обуславливает "общество риска". Если мы принимаем эту гипотезу, то возникает вопрос о принципе определения самого "общества риска". Как показывает анализ, в "центре" подобной структуры располагается некое arche, т. е. "постоянное наличие", наделенное постулируемой независимостью от "общества риска" - "экологическое сознание"IV. В качестве "присутствия" "экологическое сознание" не выводится из социологического опыта, а, напротив, придает смысл любому измерению и наблюдению. Предположения относительно "экологического сознания" постигаются скорее интуитивно или путем непосредственного созерцания (в основном, сообщений СМИ и программных документов экологических организаций) и складываются в некое "изначально данное" содержание,

развертывающееся в массовых опросах или интервью. Таким образом, arche или "присутствие" есть логический круг: "экологическое сознание" вводится посредством "общества риска", которое само организовано вокруг "экологического сознания" как своего "центра" - неподвижного воображаемого источника отношения человека и его социального опыта к природе. В какой мере "общество риска" контролируется и управляет "экологическим сознанием", в такой мере это сознание можно поместить в "центр" - рефлексивный и вместе с тем политический - всех происходящих социально-экологических процессов, располагающийся одновременно вне и над ними. При этом "экологическое сознание" не выступает как нечто абсолютно неизменное, а постоянно создается собственной деятельностью ("риск-рефлексией"), воспроизводя "общество риска". Таким образом проявляется постулат о несомненной данности "присутствия" и неочевидности других социологических предметов.

"Экологическое сознание" приравнивается к первой и последней "реальности", за пределы которой социальная наука не в силах выйти: социолог в нее вовлечен и уже присутствует в ней до всякого исследования: сама постановка вопроса об изучении "экологического сознания" требует, чтобы ученый им всегда уже обладал.

"Присутствие x" - социологический постулат, проявляющий чувственно-конкретное эмпирическое наличие "x", некое "положение дел", которое известно до социологии. Особенность такого рода постулата в том, что он определяется имплицитно. Эта имплицитная дефиниция "x" есть "легитимная практическая схема" как сама собою разумеющаяся "вещь" или "природа" - то, что всеми признается, считается необходимым, всем известно до какой бы то ни было социальной науки и в силу этого делает возможным ее "начало".

Практическая схема в первую очередь есть необходимое субъективное условие практик, их инкорпорированная "модель" или "программа", и лишь во вторую - "понятие". Это не столько продукт конструирующей деятельности мышления, сколько способ действия агента в социальной действительности. Практическая схема - двусмысленный термин, обозначающий двустороннюю структуру, сочленяющую воедино характеристики практики и понятия. Она представляет собой действующее основание классификации и иерархизации социальных феноменов, видения и деления действительности, ставшее личностным свойством в результате социализации и усвоения опыта, интиерилизации социальных отношений. Легитимная практическая схема есть условие производства практик,участвующее в воспроизведстве существующего социального установления, и таким образом - существующего порядка социально-политического господства. Легитимные практические схемы "...существуют реально вне индивидов, которые постоянно к ним приспосабливаются. Это вещи, обладающие своим собственным существованием. Индивид находит их совершенно готовыми и не может сделать так, чтобы их не было или чтобы они были иными, чем они являются. Он вынужден поэтому учитывать их существование, и ему трудно (мы не говорим: невозможно) изменить их..." V. Легитимные практические схемы фиксируют взаимосвязь объективных социальных отношений с субъективными социальными формами, выступающими условиями и предпосылками общезначимых практик агента, т. е. таких, которые признаются другими агентами в качестве интерсубъективных, оправданных.

Mainstream в социологии начинает не с различия собственно научного от всего не-научного, а с отождествления - в лице "присутствий" - с до-научным. Практическим же "началом" социологии следует признать не презентации социальной действительности в форме "присутствий", а "метод" - способ действия науки, позволяющий объективировать необъективированное: "Im Anfang

war die Tat"VI.

"Присутствие" есть "утилитарная перспектива", обеспечивающая иллюзию достоверной самоочевидности и устойчивости "начал" социальной науки. "Общество", "модерн", "повседневность", "семья" и т. д. скорее суть прагматические верования социологического сообщества, нежели конститутивные сущности социальной действительности. - Например, "массовое сознание" выходит за рамки описания частных фактов, субстантивирует социальный опыт, т. е. представляет его в виде целокупности неизменных "социальных вещей". Однако никакое явление социального мира не равно себе, поэтому "присутствие" как самотождественное начало социологической концепции есть всего лишь онтологизация логического закона тождества. - "Присутствие" неявно предполагает возможность "естественного" - натурализованного, овеществленного - представления тождества социальной действительности, которое существует до опытаVII. Институционализированное социологическое представление тождественности предмета исследования есть различение и разрыв с ним (см. Гл. 1). В силу того, что когнитивное представление тесно связано с политическим, "присутствие" узурпирует права представляемых на объективацию, которых они, однако, социологии не делегировали. "Присутствие" - общезначимая и "непосредственно доступная сознанию безусловная данность" - никогда не дано, не является непосредственно пережитым в жизни. Оно скорее может быть квалифицировано как "конструкт второго порядка", т. е. "конструкция", выработанная социологией из мысленных предметов, сконструированных обыденным сознаниемVIII. У нас нет никаких причин полагать, что этот конструкт - не фикция. Но в исторически сложившейся современной ситуации познания "социологическому сообществу" не следует настаивать на фиктивном характере "присутствия", если оно хочет понять социальный мир. С эпистемологической точки зрения никакая социология не представляет социальную действительность и не открывает окончательной общезначимой истины. У нее нет неких естественных, пред-данных предметов. Все в социальной действительности существует в отношениях и не дано непосредственно, независимо от интерпретации. Предмет социологического исследования не может быть непосредственно представлен сознанию, не может быть по-настоящему объективно зафиксирован. Напротив, предмет исследования, данный всегда опосредованно, активно конструируется социологическим сообществом, никогда не бывает абсолютно достоверным, выявляется в определенной перспективе и "на горизонте"... Для "присутствия" нет места в социальной действительности, но, вне зависимости от этого, для него зарезервирована важная структурно-функциональная позиция в системе социологического знания - позиция "неподвижных петель", обеспечивающих движение исследования. - "Присутствие" не живо, не мертвое, оно скорее пребывает в третьем "агрегатном состоянии". - "Присутствия" нет. А признание социо-логией отсутствия выражает приостановку, заключение в скобки "трансцендентальных полномочий" и эпистемологического господства "присутствия". Мы воздерживаемся от суждений (erohe) о существовании самоочевидно достоверных и безусловно необходимых предметов ("присутствий"): "класс", "общественное сознание", "общество"... Но "отсутствие" не означает, что исчезли или потеряны основания социальной науки, и что грядет эра "социологии отсутствия". Принятие социо-логией "отсутствия" равносильно признанию проблематичности оснований социальной науки и поиску этих оснований в соотнесении науки с самой собой, а не с существующим a priori предметом, что бы под ним ни подразумевалось: "высшие человеческие ценности"

или "внутренняя природа социальной действительности", "трансцендентальная субъективность" или "сущность человека". "Отсутствие" отсрочивает трансцендентальные полномочия "присутствия": заключает в скобки наши неявные допущения и предварительные знания. Однако оно не отрицает социальную науку как явление, а дает возможность понять ее внутри системы философских по своей природе постулатов, которых она не видит. "Присутствие", зачем оно? - такой вопрос задает социо-логия. О чем оно свидетельствует? Что скрывается за выбором конкретного "присутствия" на роль *arche*, одного, а не какого другого (см. Гл. 14). - "Присутствие" до сих пор служит моделью "отсутствия" и, скорее всего, впредь будет так же: социо-логия не открывает новую эпоху, а подводит итоги предыдущей. - "Отсутствие" постулируемого "старой" социальной наукой "присутствия" составляет структурную особенность действительности. Хотя наличие референтов у основополагающих социологических фактов и вызывает сомнение, но именно самоочевидные "присутствия" без референтов ("общественное мнение", "элита", "коммуникация"... ) создают видимость естественности социологии. Как говорили схоласты, *manifestum non eget probationem* (очевидное не нуждается в доказательствах). И впрямь, "когда не думаешь, многое становится ясно" <sup>IX</sup>.

"Присутствие" не имеет места, но устанавливает позицию. Как не-место может предоставлять место основанию социологии? Это противоречие разрешается сравнительно просто: не-место позиции по принципу дополнительности замещают онтологизированные (легитимные) практические схемы, т. е. очевидные, натурализованные - гипостазированные, превращенные в подобия субстанций - субъективные условия "повседневных" практик. Подстановку на место "присутствия" легитимных практических схем сравнительно легко оправдать: при определенных допущениях предельное обоснование любой истины может быть представлено в виде универсального и абсолютного "самоосмысления" исследователя, которое ("самоосмысление") рассматривается как "фундаментальное тематическое поле" <sup>X</sup>. Действительно, есть определенная логика в том, что исходным пунктом большинства концептуальных построений, учреждающих социологическое знание, выступают "общественно значимые" "объективные мыслительные формы" <sup>XI</sup>, т. е. легитимные практические схемы. Воображаемое "присутствие" используется социологией в качестве модели реального "отсутствия", и, как следствие, легитимные практические схемы отражают социальную действительность. Нельзя забывать, что, будучи интериоризацией объективных социальных отношений, легитимные практические схемы обладают принудительной достоверностью. Поэтому не надо спешить с выводом, что социальная теория есть схематизм обыденного мышления.

Правильнее было бы говорить об онтологизации легитимных практических схем, выражаяющих исторически конкретные социальные установления. В частности, "присутствие" социолога утверждает исследователя социальной действительности в качестве ее представителя. Это представительство носит не только когнитивный, но и политический характер: обычно социолог исследует "социальные проблемы", т. е. как бы объективирует интересы и символически представляет "пролетариат", женщин, угнетенные национальные и сексуальные меньшинства и т. д.

Как возможно - пусть на уровне рабочей метафоры или в превращенной форме - охарактеризовать научное исследование? Приблизительно так:

"Человек стремится вообще к тому, чтобы познать мир, завладеть им и подчинить его себе, и для этой цели он должен как бы разрушить, т. е. идеализировать реальность мира. Но вместе с тем мы должны заметить, что не субъективная деятельность самосознания вносит абсолютное единство в

многообразие" XII.

Но отчего же "не субъективная деятельность"? Ведь именно (исторически-деятельное) конструирование творит идеальный самотождественный предмет социальной науки - "присутствие". Однако "из какого сора" растет оно, "не ведая стыда"? Самоочевидность и достоверность "присутствия" таятся отнюдь не в несуществующей "природе" социальной действительности (т. е. социальной действительности, положенной не как "история", но как "природа" - онтологически), а в "повседневности"; они носят скорее практический, нежели теоретический характер. Социологическое познание реализуется в непознавательном - социально-политическом - контексте, выступающем сразу (в терминах Г. Рейхенбаха) и "контекстом открытия", и "контекстом подтверждения". "Присутствие" производится внутри социальной практики науки путем подмены абсолютно достоверного и понятного без понятия, очевидного "факта" легитимным предположением "повседневного опыта". С его помощью социология институционализирует себя "как строгая наука" и в то же время осуществляет свою "социально-политическую функцию". Это означает, что, с одной стороны, при помощи "присутствия" социологические концепции обретают "онтологический" базис, а с другой - "присутствие" становится научным убежищем для легитимных практических схем, которые не только социально обосновывают социологию, но и обосновываются ею. Поскольку легитимные практические схемы суть продукт "политики" (государства и, более широко - СМИ, "массовой культуры", различных лобби...), поскольку социология и обосновывает, и обосновывается "реальной политикой". В свете этого, "отсутствие" отнюдь не разрушает социальную науку. Оно стимулирует поиски основания социологии внутри ее и устранение внешнего политического и метафизического основания или, иначе говоря, "присутствия".

Легитимные практические схемы - субъективные условия и предпосылки возможных практик, посредством которых производится/воспроизводится "социальный мир" и которые скрывают его становление и развитие в результате ряда произвольных актов социального конституирования. Они не столько отражают и выражают "социальный мир", сколько цензурируют и канализируют восприятие, мышление, способы выражения агентов, стимулируют одни и подавляют другие представления и действия. Поскольку легитимные практические схемы представляют собой интериоризированные структуры "социального мира", они "автоматически" подогнаны к нему и представляют его агенту как нечто само собой разумеющееся. Легитимные практические схемы не позволяют агенту воспринимать и мыслить, понимать и выражать то, чего он не может воспринимать и мыслить, понимать и выражать. Они лишают агента способности рефлексивно и по-настоящему критично относиться к "социальному миру", обращать свой мысленный взор к пространству возможных социальных различий, овладевать законами эффективности собственных практик. Парадоксально, но агенты знают о "социальном мире" больше, нежели знают.

Обнаруживая когнитивную структуру "присутствия", социо-логия "обнажает прием", показывает организацию социологической теории, ее происхождение из исторически конкретных социальных установлений. Даже если мы сможем увидеть в arche социальной науки неразличимое прежде политическое и вместе с тем метафизическое начало - онтологизированные практические схемы, оно все же само по себе не устраниется. Метафизическое основание неотделимо, как минимум, от политической мобилизации. У "элиты", например, нет никакого основания "присутствовать", кроме относительно релевантных "социальных представлений". Чтобы превратить "элиту" из "присутствия" в "отсутствие", необходимо (однако недостаточно) не использовать этого понятия, научно

доопределяющего легитимные практические схемы.

Практические схемы неравномерно распределены между социальными позициями и всегда легитимны лишь относительно: они не могут быть легитимными для всех без исключения социальных позиций, и то, что кажется справедливым и закономерным, разумным и естественным доминирующим, может вызывать непонимание и возмущение у доминируемых. Поскольку "присутствие" онтологизирует легитимную практическую схему, поскольку оно неявно связано с социальной позицией: практическая схема (субъективная структура) есть интериоризация определенного пучка социальных отношений (объективных структур), опредмеченных в социальной позиции. В силу этого можно установить отношения подобия между "присутствиями" и социальными позициями.

Иными словами, начала каждой социологии могут быть соотнесены с определенной социальной позицией. Отсюда следует, что притязания концепции на когнитивную значимость обосновываются, в конечном счете, не эпистемологически, а социально: исходя из онтологизации легитимных практических схем, которые суть интериоризированные социальные позиции. Потому "последним основанием" социологической теории выступает изоморфная ей социальная позиция, и конкуренция между теориями подобна конкуренции между соотносимыми с ними позициями.

\*\*\*

Социальная наука и "политика". Это значит: социальная наука перед лицом не-науки. Главная трудность здесь заключается в осознании нами того, что перед лицом "политики" социология уже находится перед самой собой, она узнает себя в "политике". Политика есть условие возможности и невозможности социологии в одно и то же время. С одной стороны, "пред-понимание" делает социологическую концепцию возможной еще до ее формулирования. С другой, созданные символическим производством "предпонятия" социального опыта, - коль скоро социальная наука не разорвала с ними, - превращают ее в "одну из" идеологий.

Вопрос о том, что делает социологическую концепцию возможной еще до нее самой, готовит условия свободного отношения социологии к не-социологии. И "социальный мир" и "жизненный мир" политизированы; опыт языка представляет собой политический опыт, поэтому социолог использует понятия, которые уже являются политическими инструментами. Однако существуют рефлексивные процедуры (например, объективация объективирующего субъекта XIII), позволяющие построить иные отношения социальной науки с политикой и тем самым получить возможность свободно отнести к ней. Отрефлектировать связь социологии с не-социологией - значит создать средства борьбы с различными формами символического насилия, осуществляемого "политикой" над социологами. Способность рефлектировать, объективировать, делать явным то, что было скрытым, субъективным, непонятным, представляет собой символическую власть, неравномерно распределенную между агентами и институциями.

Социально-критическая наука, определяющая неопределенное, тематизирующую нетематизированное, дающая неведомому "и обиталище и имя", категорически не нужна доминирующему социально-политическим силам, заинтересованным лишь в легитимации и рационализации сложившегося порядка господства. Итак, научная объективация необъективированного в социальной действительности - проблема не столько эпistemологическая, сколько общественно-политическая.

Напомним, что Э. Гуссерль в "Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии" рассматривает тематизацию как явную и отчетливую формулировку в виде суждений того нетематизированного, каковое уже неявным образом используется наукой. Под нетематизированным

подразумеваются "все индивидуальные предметности, конституирующиеся благодаря оценивающим и практическим функциям сознания" XIV, все то, что допускается фактически существующим "естественной установкой" сознания, наивно полагающей (поскольку она не дает различать тип связи между предметами от типа связи между предметами и сознанием), будто единственно реальный мир выступает коррелятом сознания. Этот неотрефлектированный главный постулат (Generalthesis) есть то радикальное нетематизированное знание, которое обосновывает ее, а тематизация оказывается его предикативным принятием в качестве объекта феноменологического ероhe. Заключая нетематизированное в скобки, феноменология выявляет само условие возможности Generalthesis "естественной установки", а именно, феноменологически нетематизированную интенциональность, трактуемую как такое отношение сознания к своему корреляту, которое не постулирует существование интенционального предмета. Согласно Э. Гуссерлю, феноменологическая тематизация есть объективация всех нетематизированных идеальных и трансцендентальных структур сознания. Напротив, для М. Хайдеггера вовсе нетематизируемое, ускользающее от всех мыслимых объективаций и предикаций, выступает условием возможности тематизации XV. Развивая эту линию анализа начал науки, Ж. Деррида (в своем знаменитом "Введении" к "Началу геометрии" Э. Гуссерля) увязывает принципиально нетематизируемое с различием между тематизируемым и нетематизируемым, доказывая недостижимость гуссерлианского окончательного основания (Endstiftung) науки с помощью тематизации.

После такого краткого экскурса в философию мы можем позиционировать наш подход к основанию социальной науки следующим образом: действительным началом социологии не является никакая "абсолютная система отсчета", будь то полностью объективированное знание (как у Э. Гуссерля), или допредикативное немыслимое (Ungedachte) (как у М. Хайдеггера). (Допредикативный опыт есть опыт неорганизованный и необработанный, не устанавливающий функциональных зависимостей и свойств предметов.) Основанием социальной науки выступает отнюдь не неподвижная трансцендентальная "точка", не логическая связь идей, а исторически изменчивый "угол", образованный объективированным и необъективированным, т. е. текущим, имеющим эмпирический и социально-политический характер различие между тематизированным в исследовании и нетематизированным. Объективированное нельзя понять исключительно из него самого, но его также нельзя понять из необъективированного, взятого самого по себе. Поскольку объективированное есть продукт объективации необъективированного, поскольку его можно раскрыть, лишь исходя из различия "объективированное/необъективированное". Отсюда, социо-логическое мышление не продолжает обыденное, а соотносится с ним посредством различия "объективированное/необъективированное". Невозможно найти "последнее основание" социологии. Да оно ей и не нужно.

Объективированное и необъективированное не могут быть представлены как сущности, связанные единственным логическим отношением. Связь между ними осуществляется практика социальной науки, понятая как научное производство XVI. Знанию противостоит не незнание, а незнание незнания. "Я знаю, что я не знаю". Необъективированное - это движение производства социологического знания, т. е. объективированное необъективированное. Вот почему необъективированное располагается не снаружи, а внутри объективированного. Собственно говоря, социологическое познание развертывается в растворе угла, образуемого предикативным и допредикативным. Далее, условием возможности истины социальной науки является объективация подвижного различия между объективированным и необъективированным. Это различие производит, в свою

очередь, различия между транзитивным и нетранзитивным XVII, между действительным и возможным, наглядным и наблюдаемым, между существующим и наблюдаемым и др. Пользуясь ими, мы можем усмотреть, что не только не все наблюдаемое наглядно, но и не все существующее наблюдаемо. Если же посмотреть на указанные различия с другой точки зрения, то может оказаться, что епископ Беркли несколько погорячился, утверждая, будто esse есть *percipi*: далеко не все наблюдаемое существует. Например, нет ничего нагляднее для "наблюдателя", чем "империя", тематизируемая в массовой коммуникации как большое вместилище тел действующих и вещей. Но иллюзорная непосредственность "большого пространства" - "вместилища", а не несводимого структурного свойства социальных феноменов - есть не более чем неплодотворная абстракция.

Социология - историческая рационально-критическая практика, и ее "сверхзадачей" является создание субъективных условий для производства новых социальных практик - новых практических схем. Следует особо подчеркнуть, что практическая продуктивность социологии вряд ли может быть достигнута вне ее собственно познавательной плодотворности, под которой в первую очередь понимается производство рационального знания. То, что генетически исходным пунктом социальной науки оказываются подвергнутые метафизической сублимации политические представления, непосредственно не отражается на социологической рациональности. Рациональность как сообразованность целей и средств социологического познания на основе "логики" не зависит напрямую от общих оснований деятельности "социологического разума". Несмотря на то, что социологический опыт производится в непознавательном, доксическом контексте, он устанавливается, в том числе, как конструктивный, способный к выработке рационального знания. Социальная наука в состоянии вырабатывать эффективные практические схемы лишь постольку, поскольку она успешно осуществляет собственно научные практики. Напротив, если социальная наука начинает подменять собой или непосредственно обслуживать "политику", она обречена не только на социально-политическое, но и на научное фиаско. Коль скоро социология дистанцируется от (научно обоснованной) социальной критики и объективации допредикативного опыта, она попадает в орбиту легитимного дискурса государства или корпоративного управления, а производство специфичных для нее практических схем перераспределяется между интеллектуалами или философами. Чем больше социология замыкается в границах уже легитимных практических схем, тем меньшей символической властью она обладает. Пытаясь формулировать за политиков цели политического действия или напрямую помогать претворять их в жизнь, социальная наука лишь теряет время. Напротив, научно объективируя условия осуществления этих целей и укрепляя свою автономию относительно власти, социология в состоянии усилить результативность политической практики XVIII.

По меньшей мере непрофессионально полагать, будто отношения социальной науки с политикой исчерпываются дилеммой: "Должна ли социология быть оппонентом любой власти и тем служить обществу или она призвана просвещать власть и этим отвечать на социальный вызов?", - но еще наивнее думать, что "дальнейшее развитие России в сторону демократии и гражданских структур лишает смысла эту дилемму" XIX. На деле, оппозиция социологии/политика вовсе не обязательно связана с непосредственным вмешательством государственной администрации в научное производство; противостояние социальной науки власти не равно политической борьбе: его действительным содержанием являются усилия по созданию условий, необходимых для автономизации истины от давления политических структур. Скорее, оппозицию социологии/политика следует

представить как противопоставление объективированного и необъективированного, научного и доксического. В контексте отношений между научным и политическим полями доксаXX, т. е. явление в смысле кажимости, "мнение" как обыденное пред-знание и здравый смысл, выступает субSTITУТОМ политики. Докса - это логически невозможное знание прежде знания: подчиняясь социальному принуждению, агент "знает" действительность, не зная, что? он знаетXXI. Позитивным условием повиновения выступает иррациональный характер власти: социология содержательно подчиняется символическому насилию политики в той мере, в какой последняя не поддается пониманию и не объективирована. Политика как таковая не преодолевается ни критической рефлексией, ни революцией: нельзя упразднить саму политику, можно лишь изменить режим. - Проблема не в том, что политика всегда есть господство, а в том, что, определяя условия возможности социального существования, она производит свойства агентов такими, какими ей нужно: вписанными в нее, согласованными с существующей системой социально-политического господства, а потому и воспроизводящими эту систему. И никакая "демократия", никакие "гражданские структуры" не в силах упразднить безличное принуждение со стороны социальных структур и, в частности, символическое насилие. Вот почему учреждающее социологию различие социальная наука/докса не подлежит "снятию".

\*\*\*

Настоящая книга не дает простых ответов на сложные вопросы. Стало быть, она не учебник.

Наш первый исходный тезис: социо-логия означает такую научную точку зрения, которая внутренним условием самотождественности любого предмета исследования считает различие. Социально-историческое различие не может быть снято никаким тождеством. *Ego cogito* "субъекта социологического познания", выражающее единство его познавательных способностей, - т. е. то, что заранее представлено и установлено во всех *cogitationes* и обеспечивает самотождественность "объекта социологического познания", - имеет своим необходимым условием интеграцию агента в производство социальных различий, т. е. в социальные отношения. Только социально-историческое различие, означающее отношение агента к другому агенту и социальным предметам, делает возможным его отношение к самому себе и тождество *ego cogito* - "присутствие" социолога. *Me esse* может быть идентифицировано с *me cogitare* лишь в том случае, если *cogito* понимается как "техническое" оперирование данностями, универсальная определяющая деятельность "*id, quod cogitet*" ("того, что мыслит"), которая не может быть сведена лишь к мышлению. Социальный опыт структурируется, в том числе, на допредикативном, телесном, дoreфлективном уровне. Это подводит нас к постулированию дoreфлективного *cogito*.- Очевидность самотождественного "присутствия" неразрывно связана с очевидностью субъекта. Действительный социальный агент не имеет облика субъекта, ибо "субъект научного познания" есть атрибут определенных социальных отношений. Производству социологического знания подобает определение социально обусловленного процесса без субъекта. Между прочим, это означает, что самое важное в социологии обретается в социальной практике науки, в ее "отношениях производства", а не порождается индивидуальным сознанием ученого. Следует отказаться от субъекта как основополагающей достоверности познания, конечной субстанции, обеспечивающей деятельное неразрывное единство опредмеченного (т. е. всего того, что воспроизводится в научных практиках) и распределенного (под которым подразумевается та "логика предмета" исследования, которая из него извлекается и становится достоянием агента научного производства). В рамках новоевропейской традиции

трансцендентальный субъект полагается как сущность индивидуального. Трансцендентальный субъект рефлексии - структурная иллюзия, в одно и то же время социальная и гносеологическая, или, если угодно, особое - "субъектное" - состояние агента научного производства. Субъект определяется из своего перспективного характера (формируется в определенных социальных отношениях) и не существует вне мира социальных перспектив. Откуда социолог должен смотреть, чтобы представить самого себя и предмет своего исследования как "присутствия"? "Ортогональный в любой перспективе" субъект - это как бы внешняя по отношению к социальной действительности точка зрения, с которой открывается вид на самотождественный предмет исследования, незыблемые "законы логики" и прочие "правила для руководства ума". Необходимым условием субъектного состояния выступает "эпистемологический разрыв" с социальными условиями существования ученого и "тотализация" объекта, тогда как действительный агент всегда есть социальное различие. Мобильная граница между научным производством и познаваемым предметом есть ансамбль социологических практик.

Наш второй исходный тезис таков: для социального опыта не существует пространственно-временных координат вне него, и бессмысленно помещать социологический опыт в некую космологическую перспективу. Каждый социологический предмет (сущее, различие, событие социального мира) есть "это сейчас", "теперь вот". Сущее подобно *haecceitas* Дунса Скота ("это, здесь и сейчас"). Существование сущего социального мира не имеет никакой предпосланной ему сущности, посему "именно это" эквивалентно "здесь и сейчас" (*hoc est enim = hic et nunc*). Отсюда вытекает, что сущее социального мира бытийствует в форме опространствления-овременения. Мы не понимаем, что есть пространственность-временность потому, что у нее нет причины и цели: пространственность-временность социального мира сбывается просто в силу того, что сбывается, и происходит затем, чтобы происходить.

Пространство-время социального мира выражает необъективированное социологическим опытом, но взятое не само по себе, а в контексте изменяющегося различия между объективированным и необъективированным. Пространственность-временность социального мира, как она понимается в книге, - это существование не столько сущих (всего того, что может стать предметом социальной науки: агентов, практик, вещей...), сколько отношений.

Сущее социального мира есть единство изменения и сохранения, целостность прошлого, настоящего и будущего. Социология традиционно ставила во главу угла изменяющийся предмет. Социо-логия, напротив, фокусирует внимание на предметности изменения, представляя любое сущее как различие. Временность самотождественного предмета отличается от временности различия. Сущее - конструируемый и изучаемый социологией предмет - не есть какая-либо часть социального явления в том виде, в каком оно существует до и вне науки.

Любое сущее социального мира есть то, что оно есть. Напротив того, социальное отношение не есть в-себе-и-для-себя-сущее, нечто позитивное, "присутствие". Оно является "связкой" упорядоченности и изменчивости, в которой сущие социального мира (включая агентов) выступают лишь опосредствующими звенями, связующими моментами.

Хотя предмет конституируется лишь "в соотнесении" с "социальной реальностью", его там нельзя "найти" или "открыть". Вместе с тем, "социальная реальность" - это не случайный результат произвольных действий социолога. Возникшая в качестве условного звена в цепи социологического объяснения, прагматически обоснованной фикции, "социальная реальность" в процессе логического конструирования занимает место отсутствующего

присутствия, невозможного основания социального мира.

Социологический mainstream редуцирует социальную действительность к метафизическим сущностям, выступающим в роли "атомов" или элементарных "социальных форм", т. е. "присутствиям". При этом логическое содержание теории также редуцируется к "присутствиям", поскольку они являются "абсолютными" началами социологии, которые даны чувственно.

"Старая социология" занята сведением социальных различий к тождествам.

Социо-логия сводит различия - если вообще сводит - к другим различиям.

Смыслом различия может быть лишь другое различие. Социология, по видимости столь восприимчивая к различиям, демонстрирует неспособность воспринимать, мыслить и выражать несамотождественность событий социального мира кроме как в виде нарушения или сокрытия тождественности. Социология до сих пор толкует "отсутствие" как извращенную форму "присутствия", а различие - как частный случай идентичности.

Социологический опыт обладает связностью в пространстве-времени социального мира в силу того, что он является различием.

Пространственность-временность нельзя свести к социальной предметности или эмпирической фактуальности, потому что она не может быть ни воспроизведена, ни присвоена агентами. Иначе говоря, пространственность-временность есть нечто и нераспредмеченное и неопредмеченное социологическими практиками, однако получающее смысл лишь в перспективе опредмечивание/распредмечивание.

Пространственность-временность играет в социальной науке роль необъективированного, поскольку социологические практики не в состоянии вызвать в ней и наследовать от нее такие изменения, которые были бы ей имманентно присущи; она не создается и не воссоздается в практике науки. В силу этого и социальные отношения, не могущие быть воспроизведенными в экспериментальной деятельности, выражаются, в том числе, через пространственное-становление-времени. Сходным образом, различие между "социальной реальностью" и "социальным миром" как различие между совокупностью всех условий в причинно-следственных сериях социальных событий и тем, что находится вне социально обусловленного, может быть связано с отношением опредмечивание-распредмечивание: "социальная реальность" не есть опредмечивание или распредмечивание социологических практик, тогда как "социальный мир" конституируется этими процессами.

Социальная реальность может быть концептуализирована в форме отсутствия присутствия в том смысле, что она есть не-предмет, не-наглядный и не-наблюдаемый. То есть она не находится за пределами всего, доступного социологическому исследованию, а отрицает любое наблюдаемое тождество в качестве производящей основы как эмпирического социального мира в целом, так и всякого сущего в нем в отдельности. Поэтому социологический mainstream, представляющий не-предметную социальную реальность в виде самотождественной вещи, создает рационализированный образ своих политических мнений, и не более того. Лишь признание отсутствия присутствия позволяет раскрыть подлинное начало социальной науки.

Главная мысль "Начала социологии" предварительно и вкратце может быть сформулирована так: "социальная реальность" представляет собой функцию постижения статуса социальных фактов и феноменологических идеальностей социологии, равно как и метод их постижения, - она есть конститутивная возможность социологического мышления, пространственно-временной горизонт объяснения "социального мира" в терминах причина/следствие. В свою очередь, "социальное отношение" есть ни что иное как пространственно-временное

становление, производство/воспроизведение социальных различий. Для того чтобы изложить эту мысль, потребовалась целая книгаXXII.

## глава 1. ПРОБЛЕМА СОЦИОЛОГИИ

*Что значит знать? Вот, друг мой, в чем вопрос.  
На этот счет у нас не все в порядке.*

**И.В. Гете. Фауст**

Социологическая теория есть теория "социального мира"<sup>1</sup>, и социологическое познание есть институционализированное исследование. Оно создает специфический образ такого "мира", возникающий при проецировании на социальную действительность концептуальной схемы, предопределяющей практики социолога (см.: [2]). В итоге социальный мир всегда является социологу как уже в общих чертах познанный, и все социологические проблемы оказываются принципиально разрешимыми. Социологическое исследование - это направленное на социальный мир обнаружение (Entbergen).

Социология составляет себе концептуальную схему социального мира. Однако составить концептуальную схему значит не только, что "сущее" (ens) социального мира<sup>2</sup> как-то представлено в социологии, но еще и то, что оно предстало перед исследованием во всем, что ему присуще и его составляет. Сущее социального мира приходит, размахивая белым флагом эксперимента и теоретической нагруженности, чтобы его можно было отличить от явлений неопосредствованной социальной действительности, - хотя на деле оно может быть неотличимым от них. Где социальный мир становится концептуальной схемой, там к сущему социального мира приступают как к тому, на что направлен социолог (интенциональный предмет), что он хочет презентировать, иметь перед собой и тем самым в окончательном виде пред-ставить перед собой. Концептуальная схема социального мира означает собой не столько систему категорий, организующую социологический опыт и отражающую социальную действительность, сколько социальную действительность, понятую как концептуальную схему. Сущее социального мира берется в социологии так, что становится сущим только тогда, когда оно представлено представляющим и устанавливающим его социологом. Социолог как таковой конституируется вместе с предметом социологического познания, т. е. в первичном акте противопоставления. Только в этом акте определяется и возникает субъект познания, а сущее социального мира объективируется - выносится в предметное противостояние.

Социология начинает с присутствия, как математика начинает с "пространства" и "математической точки" - с изначальных неопределенных самотождественностей. Присутствие - это беспредпосыпленная данность (в том числе, данность тематическая, а не только эмпирически-предметная), видимая непосредственность, то, что не вызывает сомнения социолога, им пред-ставлено и установлено, уже известно научному знанию. Присутствие есть презентация как способ выражения сущих социального мира, посредством которого они являются, становятся актуально данными, ясными. Чувственно-сверхчувственный "субстрат" презентации как раз и обеспечивает очевидность присутствия. Социология утверждает присутствие неких сущностей<sup>3</sup> - "класса", "социальной группы", "семьи", "личности" - как присутствующих сущих социального мира, достоверных в их фактичности. В качестве непосредственной достоверности, - того, что налицо как бы само по себе и понятно без понятия, достоверно для всякого сознания, - присутствие устраняет все допущения, поскольку

отодвигает их к эмпирической данности<sup>4</sup>. Присутствие "понятно без понятия" в том смысле, что предполагается, будто оно может функционировать без эксплицитного и исчерпывающего указания признаков, наличествует вне своего означающего и указывает лишь на самое себя. Иными словами, присутствие наделено значением (денотатом), но не смыслом (содержанием): оно настолько самоочевидно, что не нуждается в концепте и потому не подвержено концептуальной относительности. Какова бы ни была природа присутствия, его сложное, но единое значение призвано обеспечить целостность суждений о нем, не прибегая к эксплицитно определенному содержанию. То, что содержание присутствия элиминируется, предполагает его общедоступность, необходимость, очевидность.

Социологический опыт предстает "встречей" агента научного производства с объективным, принудительным *fait accompli* - присутствием. Социологический предмет есть переопределенное как данность или заданность научного познания присутствие существующего социального мира. Значение присутствия состоит, во-первых, в том, что оно постулируется как непосредственная достоверность, все же прочие социологические конструкты имеют опосредованную и выведенную из него достоверность, т. е. им устанавливается иллюзия беспредпосыльности социологического познания. Во-вторых, присутствие отвечает на вопрос, каким образом может быть вообще дано сущее социального мира, и задает некое общее - пусть абстрактное, но предметно единое - видение социального мира. "На самом деле" присутствие существует в качестве эпистемологической структуры, изоморфной структурам социальной действительности. Оно является тем первоначальным пунктом развертывания социологического познания, где в абстрактном виде, в отвлечении от внутренних различий настоящее вне пространства-времени фиксируется как абсолютное, т. е. как себетождественность существа-в-опыте и его атрибутивные свойства<sup>5</sup>. Главное, что заключено в идее присутствия - это равенство с собой существующего социального мира, возведенное в ранг онтологического принципа, который служит отправной точкой разнообразных социологических построений<sup>6</sup>. Самотождественно присутствующее в некоем синхронном присутствии в роли субстанциального начала социального мира фигурирует под разными именами во многих социологиях: от марксистской (носителем присутствия здесь выступает труд как субстанция общества) до феноменологической (трансцендентальный субъект).

Присутствие не есть действительное начало социологии, предвосхищающее всякое иное начало. Оно не может обосновать само себя в точном смысле этого слова, поскольку его "непосредственность" имеет условиями своей возможности, как минимум, опосредование социальными отношениями, в которых производятся социологические знания. Представляется невыполнимым требование постичь в критической рефлексии все социальные и эпистемологические опосредования или исключить их на практике с помощью какой-либо организации социологического исследования. "Присутствие" есть pragmatically обоснованная - с точностью до изоморфизма социологического опыта и социальных отношений - вера исследователя в "непосредственность", "данность", "себетождественность", et caetera, et cetera.

В социологии представить что-либо, какие-либо сущие социального мира, - значит поместить перед собой наличие как предмет<sup>7</sup>, как противостоящее, соотнести с представляющим исследователем, и вынудить войти в это определяющее отношение<sup>8</sup>. Социология отождествляет бытийствование сущего социального мира с субъект-объектным отношением - присутствием сущего для устанавливающего научного представления:

"К пред-мету, "противо-поставленному", относится, во-первых, состав, "что" пред-стоящего (*essentia-possibilitas*) и, во-вторых, само предстояние противостоящего (*existentia*). Предмет есть единство предстояния и состава. Состав в своем пред-стоянии сущностно отнесен к устанавливающей деятельности пред-ставления как удостоверяюще-обеспечивающего, планирующе-проектирующего процесса. <...>

Бытие есть теперь предметная противопоставленность. Вопрос о предметной противопоставленности, о возможности такого противо-поставления (а именно устанавливающему, рассчитывающему представлению) есть вопрос о познаваемости" [4, с. 178-179]9.

Истолкование социолога как субъекта, а социального мира как объекта познания, сведение бытийствования любого сущего социального мира к субъект-объектному отношению, овеществляет обе стороны этого отношения, делает социологию технической наукой<sup>10</sup>. Социология не только проверяет, но и институционализирует социальные факты. Речь идет уже не просто о концептуальной схеме социального мира, а о концептуальной схеме отношения социологии к этому миру. Чем объективнее представляется сущее социального мира, чем субъективнее, т. е. активнее и наступательнее, выставляет себя социолог, тем неукротимее социологическое исследование, и социология как наука о социальной реальности оборачивается наукой о социологе, социологией социологии. Социальный мир превращается в концептуальную схему, в социологическое представление во всех смыслах, и познать его можно, только изучая *homo sociologicus*, то, как он воспринимает и понимает социальный мир. Социология рассматривает социальный мир как наличное постоянство - совокупность сущих или предметов социологического исследования. Результатом такого рассмотрения становится выявление некоей основы<sup>11</sup>, обосновывающей и эмпирический социальный мир в целом, и каждое сущее в нем в отдельности.

Социальная наука пытается выразить в понятиях отношения основание/обоснованное, как они реализуются применительно к сущим социального мира и социальному миру, т. е. постичь отдельное сущее и социальную действительность в целом из их основы. Социология есть представление своего предмета в свете его основания, как того и желал доктор Фауст: "...А понял бы, уединясь, / Вселенной внутреннюю связь, / постиг все сущее в основе..."<sup>12</sup>. Производящая основа как единство множества, как целостность предмета социологии (нередко называемая "социальной реальностью" и якобы содержащая в себе все мыслимые сущие социального мира) является прообразом научного открытия. Социологическое познание не ноэтико-ноэмматическая структура, а социальные практики<sup>13</sup>, момент конституции социального мира. Раскрывая социальный мир как взаимосвязь изначальных факторов, исследователь стремится не только познавать, но и управлять, не только объяснять общество, но и "реформировать" его. Социальный мир мыслится не как спонтанно возникший и изменяющийся, но как нечто политически обустроенное и научно окормленное.

"Присутствие" служит исходным пунктом науки как непосредственно и наглядно данное рефлексивно-созерцающему взору "еще до всякого теоретического мышления" [5]. Эта тема особенно важна для нас, потому что в социологии интерес к предмету нередко преобладает над интересом к знанию<sup>14</sup>. Кроме того, позиции даже такой сильной версии априоризма, как феноменология, в обществознании за последние годы усилились и в тех областях, которые традиционно считались вотчинами позитивизма<sup>15</sup> [6]. "Присутствие" сущего социального мира - несводимая "естьсть", событие, а не само сущее или его "сущность". Непосредственное присутствие определенного и определимого в

своем феномене сущего есть "идеальный тип" феноменологической очевидности. Содержанием этого "идеального типа" выступает возможность явления сущего социального мира и достоверность его определимости и определения. В пределе присутствие сущего социального мира - это отношение субъекта познания к объекту, сама объективность. (Всеобщая значимость присутствия может быть достигнута, если оно будет противопоставлено в качестве объекта абсолютному субъекту.) В качестве интеллигibleйной структуры сущего социального мира, присутствие (das Anwesen) для социолога большая реальность, чем само присутствующее (das Anwesende). Присутствие присутствующего не "вне" сущего-в-опыте, оно есть единство "понятия" с непосредственной достоверностью социологического опыта. Присутствие присутствующего есть, во-первых, "данность", обнаруживаемая в сущем-в-опыте, и, во-вторых, "схема", прилагаемая к нему, чтобы сделать его рационально постижимым. Присутствие поддается определению вне конкретного сущего-в-опыте, как "присутствие вообще", т. е. "универсалия". "Присутствие вообще" как возможность очевидности и открытости социологического опыта не дано в нем самом, находится за пределами любой действительной личной перспективы и может быть сопоставлено с "бытием" метафизики. Социология мало что может сказать о "присутствии вообще", потому что, не принадлежа социологической очевидности, оно задает этот тип очевидности. Присутствие вообще - это то, что представимо в сущих социального мира. Оно лишено собственного содержания, но лишь исходя из него, как из регулятивной возможности данности, фактичности в социальном познании, формируется социологическое видение. Суть этого видения задается оппозицией "присутствие вообще/социальная теория", понимаемой как оппозиция "неопределенная непосредственность/определяющее опосредствование"<sup>16</sup>. Но социологическое видение не исчерпывает социологию как таковую. Социология есть также и социальное действие. Нельзя утверждать, что практика есть нечто, абсолютно противоположное теории. Всякая теория не только не возможна вне практического контекста, но и возникает и функционирует посредством специфической системы не только социологических, но и социальных практик. В отличие от естественных наук, в которых данность предмета опосредствуется методом исследования, социологический mainstream полагает себя в состоянии как бы непосредственно схватывать присутствие сущего социального мира. Апеллируя к присутствию, социология тем самым уже предполагает возможность самой себя. Присутствие обосновывает иллюзию пред-данности сущего социального мира, его независимости от метода социологического исследования.

Каков характер социологического опыта, в результате которого сущее-в-опыте становится наличной данностью? Изначальным присутствием, выступающим условием возможности самого предметного представления сущего социального мира и потому фундирующим все остальные присутствия, является cogito ergo sum - наличие социолога<sup>17</sup>. Cogito ergo sum проявляет фикцию беспредпосыпочноного мышления: (в рационалистическом мифе науки) считается, что присутствие социолога ничем не обусловлено, в то время как все другие присутствия им опосредствованы. Допущение какого-либо присутствия означает, что социолог, во-первых, сам определен как присутствие и, во-вторых, принимает участие в этом сущем-в-опыте. Исследователь воспринимает сущее социального мира сквозь призму присутствия: в социологическом опыте дано не сущее, а его присутствие. Такое восприятие не есть нечто естественное. Условием его действительности служит исторически конкретное научное производство. Присутствие de facto прозрачно, но оно опосредствует отношение

исследователя к сущему-в-опыте, задает форму социологического опыта. На первый взгляд, присутствие выступает как абстрактный социологический факт, "сущее есть". Однако присутствие, например, социолога означает не только то, что он вообще существует, но и определенный ансамбль свойств, присущих "социологу" (профессиональные практики, информационные схемы...). Присутствие социолога - это та точка зрения, которая делает возможным социологическое видение как таковое. Присутствие играет роль структурирующего центра, поднятого над прочими конструктами и обеспечивающего целостность первоначального социологического факта "социолог", т. е. организующего эпистемологическую структуру<sup>18</sup>. Отсутствие [сущего социального мира] представляет собой то, что присутствовало, либо то, что могло присутствовать или могло не присутствовать, либо то, что не могло присутствовать, либо то, что будет присутствовать, либо то, что может присутствовать или не присутствовать, либо то, чего присутствовать не может. Все, что дано в присутствии, каким-то образом уже существует в отсутствии. Вне присутствия сущее социального мира представлено своим отсутствием. Отсутствие изучается как уже-не-присутствие, либо как еще-не-присутствие: в самых общих чертах, структуры отсутствия могут трансформироваться в прошедшие события и деструктурироваться отсутствием как "пережитки" прошлого присутствия, или стать будущими событиями, которые своими возможностями "притягивают" к себе присутствие.

\*\*\*

В социальном мире различие имеет место до тождества. Мышление основывается различием<sup>19</sup>. Именно различие есть условие действительности мышления. Его "несубстанциальной субстанцией" выступает система различий<sup>20</sup>. Социологическое мышление не является здесь исключением: для того, чтобы мыслить какое-либо сущее социального мира как предмет, мы, прежде всего, должны отличать его от чего-то другого. "Сущее" и "событие" социального мира суть схемы различия. Для социальных различий нет координат вне них. Внутренним содержанием социологического мышления служит различие социальных условий. Всякий опыт - это опыт различия, оно первичнее тождества, поскольку является его условием и производит его предпосылки. Предметное противопоставление объекта субъекту социологического познания следует понимать опосредованно, из обнимающего их социального мира. Социологические понятия фиксируют социальные различия. Отождествлению предмета предшествует различие: собственно различия конституируют себетождественность предмета научного опыта как его отношение к себе. Ни отсутствие, ни присутствие не имеют абсолютного значения: существенно отношение между ними, положенное как различие. Отсутствие не тождественно не-присутствию. О не-присутствии социология вообще ничего не может сообщить: оно есть нечто внешнее значению. Присутствие есть всего лишь отсутствие отсутствия, а отсутствие - отсутствие присутствия.

Социологическое видение, прежде всего, есть "точка зрения" на социальные различия. "Точка зрения" социальной науки - возможность упорядочивания социальных различий, событий; она равнозначна совокупности условий, при которых исследователь различает различия. Социальное различие не только различает, но и объединяет, однако, оно не опосредствует и не синтезирует. Всякое сущее социального мира определяется не через родовое понятие и видовое отличие, а через множество социальных различий: от различия к различию. Понятие "сущее" проявляет социальные различия, данные прежде предмета исследования.

Социальная наука мыслит различие не в нем самом, а как представленное. Она концептуально опосредствует, погружает его в причинно-следственные отношения и подчиняет тождеству предмета, рассматривая его не как таковое, а как различие между предметами. Производимое от социального, социологическое различие и разделяет, и объединяет, и опосредствует, и синтезирует. Всякое социологическое различие, в сущности, выступает определением, а всякое социологическое определение устанавливает различие. Именно различие является бытийствованием социологического опыта. Социология стала бы трансцендентальной эмпирической дисциплиной, если бы было возможно постичь социальное различие чувственно, не относя его к тождественному предмету, минуя всякое понятийное опосредствование. Коль скоро это не так, ничто в социальном мире не может быть представлено исключительно чувственным образом.

Сущее есть нечто, присущее социальной реальности. Социолог может исследовать что-либо лишь настолько, насколько оно "есть" в социальной реальности (*ens in se*). Он может знать о чем-либо лишь постольку, поскольку оно относится к социальной реальности. Последняя, однако, не заключает в себе сущее социального мира, скорее социологи склонны приписывать ей характеристики предмета. Она является действительной возможностью необходимого (т. е. фактического) наличия, но не самим необходимым наличием. Все социологическое познание и знание находится в охватывающем горизонте социальной реальности. Социальная реальность - это не сущее, а пространственно-временной "горизонт" объяснения социального мира, укорененный в практиках агента. При этом следует иметь в виду, что пространственно-временной горизонт есть совокупность всех возможных событий социального мира, поскольку они предопределены, оформлены и ограничены различием социальных различий, положенным как упорядоченность-изменчивость, принадлежность и необратимость последовательности событий<sup>21</sup>. "Социальная реальность имеется", или "Социальная реальность имеет место" - таков концептуальный горизонт для исходного облика социальной реальности. Она не может бытийствовать, не может присутствовать, ибо если бы она присутствовала, то не оставалась бы уже социальной реальностью, а была бы сущим, одним из сущих социального мира. Практики конституируют отношение агента с социальной реальностью как различие объективированного и необъективированного. В своем осуществлении практика действительно "есть", т. е. положена в социальной реальности. Отношение между агентом и социальной реальностью оказывается, прежде всего, смысловым отношением<sup>22</sup>. Социо-логически содержание данного отношения может быть представлено как различие. Различие - это не сами социальные различия, а различимость, возможность всякого концептуального (социологического) различия, иное социальных различий, понятое как производство<sup>23</sup>. В практиках свершается явление социальной реальности, агент "прикасается" к бытийствованию, а социальная реальность "практикует себя": социальная реальность и сущее социального мира "сопринаследует" друг другу. Или: социальная реальность и практики принадлежат событию, в событии практик агент сопрягается с социальной реальностью. Социальная реальность не есть тотальность различий, но процесс их производства/воспроизводства. Различие "сущее социального мира/социальная реальность" оказывается различием между объективированным и необъективированным, между тематизированным и нетематизированным, между предикативным и допредикативным опытом. Откуда оно берется? "Реальность" восходит к латинскому *res* - вещь. Социология начинает с того, что представляет сущее социального мира в его

реальности, а затем подставляет на это место реальность сущего социального мира, трактуемую как его присутствие. Социальная реальность представляет собой бытийствование социального мира как реальность сущего социального мира. Последнее, в свою очередь, представляет собой реальное сущее или сущее социальной реальности. Реальность сущего социального мира - это социальная реальность, бытийствующая в модусе перехода к сущему социального мира (ср. [7]). Социальная реальность переходит к сущему социального мира, которое выходит в социальный мир как присутствие. Термин "присутствие" возвещает, что сущее социального мира будет рассматриваться со строго определенной точки зрения: как то, что выделено своим отношением к социальной реальности. Реальность сущего социального мира есть присутствие, и социальная реальность, которая есть сущее социального мира, - это присутствие. С одной стороны, в присутствии осуществляется открытость социальной реальности (под которой мы разумеем априорные условия возможности истины, данные как различие "объективированное/необъективированное" и только в нем), а с другой - оно есть бытийная структура сущего социального мира. Значит, мы можем указать на присутствие сущего социального мира как на "место", в котором сущее приравнивается к социальной реальности<sup>24</sup>. Сущее, которое есть в социальной реальности, может быть "приравнено" к реальности сущего социального мира, взятой в качестве социальной реальности, которая есть сущее социального мира. Иными словами, в определенном отношении<sup>25</sup> сущее социального мира "совпадает" с социальной реальностью, и данное "совпадение" опосредованное. Этим опосредствованием является различие "сущее социального мира/социальная реальность", восходящее к различию между объективированным предметом и необъективированным горизонтом его познания. Оно эксплицитно проявляется, когда мы пытаемся "схватить в понятиях" социальную реальность, и для этого отличаем его от сущего социального мира, и наоборот. Различающим элементом этого "онтико/онтологического" различия выступает различающееся не- тождество сущего и социальной реальности. Человек как таковой не есть отношение с социальной реальностью, но социальный агент, полагаемый наукой в качестве сущего социального мира, есть отношение с социальной реальностью. Агент может находиться в отношениях с сущим социального мира лишь постольку, поскольку он вовлечен в социальные отношения.

\*\*\*

Отметим особо, что социальное отношение "аксиоматически" задается как причинное отношение, каковое полагается в форме статистической тенденции, вероятностного механизма производства событий социального мира (социальных различий)<sup>26</sup>. Такая "производящая структура" не есть ни просто социальное явление, ни инструментальный конструкт или интерсубъективный консенсус "научного сообщества", навязанный явлению. Мы явным образом определяем социальное отношение как объективную структуру, существующую, в конечном счете, независимо от воли и сознания людей. Если социальное отношение допускается в качестве тем или иным способом проявляющейся причины социальных различий, то тем самым оно устанавливается как пространственно-временная структура. Дело в том, социальное явление становится предметом социологического исследования лишь в том случае, если определяется как сущее социального мира, под которым понимается совокупное целое всех условий в ряду причин социальных событий. В таковом качестве социальный мир немыслим вне пространства-времени, поскольку необходимым условием раскрытия причинно-следственных связей является фиксация одновременности и близости сущих. Точнее, пространственно-временная

структура социального мира предстает как объяснительная классификация сущих по их принадлежности (близости) к тем или иным необратимым сериям событий (причинно-следственным рядам). (Однако речь здесь идет о таком типе пространственности-временности, который не встречается в физическом мире<sup>27</sup>.) Почему мы объединяем пространственность социального мира с его временностью? Потому, что изменение структуры принадлежности многообразий социальных различий, совершающееся даже при неизменности их последовательности, воспринимается наблюдателем как спонтанные, необъяснимые сдвиги, нарушающие (с точки зрения старой структуры принадлежности) "социальную логику" или принцип причинности. Если мы фиксируем исключительно каузальные связи, абстрагируясь от структуры близости, которой оснащены необратимые последовательности социальных различий, то легко может оказаться, что из-за изменения этой структуры различия придется группировать по-другому, т. е. для того, чтобы объяснить те или иные события, надо будет конструировать причинно-следственные ряды, отличающиеся от прежних. А поскольку одномерная логика временности "не видит" второго измерения - пространственности, постольку подобные реконструкции квалифицируются исследователем как субъективные и необоснованные, а их возможная логика оказывается для него недоступной. Невозможно дать всестороннее одномерное описание социального мира: ни пространственность-упорядоченность, ни временность-изменчивость, взятые сами по себе, изолированно друг от друга, не исчерпывают вариацию социальных различий.

Пространство-время социального мира можно изобразить как совокупность множества всех сущих и определенной (в разных исследованиях - по-разному, в зависимости от имеющихся ресурсов и поставленных целей) на этом множестве "социальной топологии", задаваемой непосредственным указанием подмножеств, которые ее составляют. Социальная топология - такая система подмножеств множества всех сущих социального мира, что объединение и пересечение любого числа этих подмножеств будет принадлежать этой системе. Подмножества, образующие настоящую систему, называются "открытыми" (наполнимыми и исполнимыми) и конструируются как необратимые последовательности близких друг к другу сущих. Открытое множество "пропускает" через себя социальный мир, открывает, раскрывает его. Оно конституируется изменчивостью упорядоченной совокупности образующих его сущих. Эта изменчивая упорядоченность интерпретируется как взаимная близость (сходство) серии социальных различий, образующих пучок причинно-следственных рядов: сущие, принадлежащие данному открытому множеству должны образовывать необратимую последовательность событий и должны по определенным критериям быть ближе друг к другу, чем к сущим из другого открытого множества. Отсюда описать социальный мир - значит выявить множество сущих и задать в нем топологию, что в свою очередь равносильно определению тех множеств различий, которые считаются открытыми, т. е. таких особенных областей событий, что переход из одной в другую сопровождается нарушением непрерывности характеристик, скачком, качественным изменением. Социологический смысл топологических структур исчерпывается социальными отношениями. Открытое множество - "геометрическое место" сходимости последовательностей относительно однородных социальных различий. Примерами открытых множеств могут служить "государственная администрация", "академическая наука", "армия", "адвокатура", "здравоохранение", "промышленно-финансовые группы". Им соответствуют институционализированные социальные позиции, закрепленные в устойчивых, легитимных или юридически гарантированных статусах. Социальная топология описывает упорядоченное (пространственность) и

изменчивое (временность) соотношение существ социального мира, их взаимосвязь, проявляющуюся в форме повторяемости-изменчивости, статистического распределения по открытым множествам. Еще одной принципиально важной для социальной топологии формой оказываются многообразные изоморфизмы между последовательностями социальных различий. Открытые множества - ансамбли серий социальных различий - систематически противопоставляются друг другу, различаются одно от другого, и система различий между социальными различиями разворачивается и сама себя означивает. Все возможные гомологии (сходства в различиях) событий социального мира обосновываются, в конечном счете, тем, что существуют открытые множества. Социальная топология "указывает" на вероятностную логику эмпирических данных - принадлежность/последовательность, связность совокупности социальных различий, а также всевозможные изоморфизмы этих совокупностей. Наделенная качественной природой, она несводима к простым перечислениям и объединениям. Социальная топология выступает местом сходимости последовательностей социальных различий, значением их расхождения и сближения в процессе изменений. Понятие "социальная топология" акцентирует то обстоятельство, что от одного открытого множества к другому меняется не просто "социальная дистанция", мера социальной близости, а внутренняя форма и качественная специфика, присущая схождению/расхождению серий социальных различий. В этом плане традиционные для социологии понятия "институт" или "группа" суть лишь частные, довольно специфические случаи открытого множества, описывающие лишь стабильные предметы исследования, внутренние и внешние изменения которых прекратились. Представляя подобное подобным, моделируя систему открытых множеств ее собственным строением, т. е. открытыми множествами, социальная топология тем самым делает шаг по пути к упразднению представления означаемого через означающее.

Все предметы социологического познания тем или иным способом конструируются исследователем в "концептуальной рамке" пространственно-временн?й структуры социального мира. Механизм, статистически порождающий наличие распределение (фиксированного вида) различий в пространстве-времени социального мира, т. е. выступающей объясняющей их причиной, может быть интерпретирован как социальное отношение. Социальное отношение есть стенографическое имя пространственно-временн?го становления как производства/воспроизводства социальных различий (подробнее см.: Гл. 11.). Социальная наука в большей степени обладает способностью выражать пространственно-временные, нежели какие-либо иные отношения и аспекты социальной действительности, а потому использует их как своего рода субSTITУты социальных отношений, т. е. объясняет социальные различия в терминах пространства-времени социального мира, и тем самым сообщает всему пространственность-временность.

\*\*\*

Социальные отношения как таковые в целом суть социальная реальность. Сущее социального мира никогда не существует без социальной реальности и социальная реальность не бытийствует без сущего. Существование сущего социального мира в социологии представляет собой отношение с социальной реальностью, выражающее принципиальную обусловленность всех событий социального мира. Сначала бытийствование сущего социального мира полагается бытием-сущим, затем бытие-сущим отождествляется с бытием-данностью, далее бытие-данностью концептуализируется как присутствие<sup>28</sup>. Присутствие сущего социального мира, в свою очередь, является реальностью сущего. Но реальность сущего социального мира - модус данности социальной реальности. Отсюда можно

заключить, что сущее социального мира не было бы тем, чем (кем) оно является, вне отношения с социальной реальностью. Различие "сущее социального мира/социальная реальность" есть концептуализация действительного отнесения сущего социального мира к социальной реальности, как различие между тематизированным и нетематизированным.

В социальном мире не существует ничего безусловно необходимого.

Социологические закономерности имеют вероятностный характер. Все события социального мира свершаются с некоей вероятностью. Практики представляют собой ансамбль вероятностных событий, которые агент может реализовать. В этом аспекте социальная реальность выступает вероятностью вероятностей социальных событий. С определенной долей условности данная "вероятность второго порядка" может быть охарактеризована как трансцендентальная. Это отвечает интуитивно вкладываемому в "социальную реальность" смыслу: она дает ответ на вопрос, какое событие социального мира необходимо (реализуется с вероятностью равной единице), а какое - невозможно (реализуется с вероятностью равной нулю).

Сущее социального мира и социальная реальность раскрываются социологическому мышлению всегда в различии, т. е. из онтико/онтологического различия, под коим подразумевается различие

"объективированное/необъективированное". В социологии онтико/онтологическое различие дано уже как двойственность субъекта и объекта: исследователь противопоставляет себя как сущее - социальной реальности как горизонту предметности (*Gegenstandlichkeit*) познания. Социальная реальность, взятая как упорядоченность/изменчивость, принадлежность/не обратимость последовательности событий есть различие само по себе. Онтико/онтологическое различие соотносит различия, понимаемые как сущие социального мира, с различием самим по себе, т. е. с социальной реальностью. Это различие устанавливает не опосредованное никаким тождеством первичное (логическое) отношение между "сущим социального мира" и "социальной реальностью". Оно собирает воедино, с одной стороны, все социальные различия как различия между сущими социального мира, и пространственно-временные различия - с другой. Тем самым различие "сущее социального мира/социальная реальность" есть условие возможности изоморфизма социальных и пространственно-временных различий.

Онтико/онтологическое различие не является концептуальным дополнением к сущему социального мира или социальной реальности или действительным отношением между ними: оно - "объяснительная структура", в которой и из которой являются себя сущее и социальная реальность. Различие "сущее социального мира/социальная реальность" как различие

"объективированное/необъективированное" является "объяснительной структурой" в том смысле, что она есть необходимый момент любого возможного социологического опыта<sup>29</sup> (подобно тому, как различие "явление/вещь сама по себе" лежит в основе вопроса И. Канта о том, как возможны синтетические суждения *a priori*). В таковом качестве оно выступает имманентным обосновывающим контекстом "открытости" социальной реальности и социологического опыта. Открытость - модус данности социальной реальности опыту, означающий, в конечном итоге, ее осмысленность и объяснимость, обусловленные различием "объективированное/необъективированное", а не то, что науке дана социальная действительность в себе и для себя. Но

"открытость" не есть другое имя сознания, она - само "положение вещей".

Открытость дана как различие "объективированное/необъективированное" и лишь в нем. В качестве осмысленности и объяснимости открытость не добавляет к

социальной реальности некие атрибуты сверх того, что? она есть. Открытость социальной реальности обладает характером пространственности-временности. Присутствие сущего социального мира есть горизонтная открытость способов его бытийствования. Так как социальная реальность есть бытийствование социального мира как реальности сущего социального мира, то социология всегда исходит из него и ориентируется на него. Отсюда, все социологические понятия должны относиться к данным возможного социального опыта.

Присутствие сущего социального мира представляет не сущее, а само присутствие. Присутствие - всего лишь (описываемый в системе социологических различий) означаемый референт. Он не является абсолютной данностью, но, испытывая конструирующие воздействия социологического познания, производится научным производством<sup>30</sup>. Любое социологическое различие - это всегда различие между сущим социального мира и социальной реальностью. Существует ли что-либо прежде онтико/онтологического различия или различия "объективированное/необъективированное"? Само различие, различие как таковое существует до сущего социального мира и социальной реальности. Это утверждение справедливо, потому что всякая практика, вне и независимо от какой-либо социологии, является различием.

В самом общем виде, социальная реальность открывается в практиках посредством различия "сущее социального мира/социальная реальность", означающего упорядоченность-изменчивость (либо принадлежность/необратимость последовательности событий) и являющегося условием различимости всех социальных различий. Это различие есть онтико/онтологическое, т. е. диалектическое, логико-гносеологическое различие между тематизированным и нетематизированным, предикативным и непредикативным, и его нельзя онтологизировать<sup>31</sup>. Однако спонтанная склонность социологии к "научному реализму"<sup>32</sup> de facto делает популярной именно онтологическую интерпретацию различия "сущее социального мира/социальная реальность", что позволяет исследователям вписывать социальную действительность в свои концепции.

Дело в том, что в подавляющем большинстве социальных теорий онтико/онтологическое различие является в строгом смысле основополагающим, поскольку выступает формой отношения основание/обоснованное. "Социальная реальность" или ее субSTITУты (такие как "социальная система", "общество", "социальное действие" и т. п.) в таких теориях служит причиной сущих социального мира, полагается основой видимого многообразия социальных явлений. Здесь социальная реальность бытийствует как основание, субстанция социального мира, и как реальность сущего социального мира, и как исходное различие. Такое различие представляет собой "фрактал" социальной теории, в котором закодировано строение любого ее элемента. Мы же не рассматриваем социальную реальность как причину или производящую основу всех сущих социального мира, в силу чего исходное различие приобретает не онтологический, а диалектический характер.

Вместе с тем, социальная наука рассматривает любое социальное различие или событие социального мира как сущее, т. е. предмет своего познания.

"Нормативное ядро" установки этого познания можно представить следующим образом. Во-первых, все социальные различия отличаются по их принадлежности (пространственность) к зафиксированным ранее необратимым последовательностям событий (временность), каковые изучаются с целью установления статистических закономерностей. Во-вторых, все социальные различия (или сущие социального мира) определяются в зависимости от принадлежности к необратимым последовательностям событий путем задания пространства-времени социального мира. В-третьих, изменения сущих описываются в терминах

причинно-следственных отношений, т. е. в рамках регулярных необратимых последовательностей социальных событий, интерпретируемых как время социального мира. Такая методологическая установка идентифицирует познание с представлением пространственно-временного поведения существ социального мира. В сущности, социальная наука связывает каждое объективированное социальное различие с различием "объективированное (предмет исследования)/необъективированное (социальная реальность как пространственно-временной горизонт социологического познания)". Посему эмпирическое исследование вряд ли может претвориться в жизнь без онтологизации социальной реальности (приписывания ей статуса "одного из" объективно существующих предметов исследования), влекущей за собой онтологизацию пространства-времени социального мира<sup>33</sup>.

Следует различать реализм относительно существ социального мира, утверждающий, что многие предметы социологических теорий существуют, и реализм относительно теорий, утверждающий, что они "...являются истинными или ложными независимо от того, что мы знаем..." [9, с. 41]. По мере перехода от социальной теории к эксперименту силы социологического номинализма тают. "Прямое" доказательство существования существ социального мира заключается в способности агентов научного производства практически оперировать с ним, измерять его или "...каким-либо образом понимать его причинные силы" [там же, с. 281]. Вердикт о реальности какого-либо предмета социологической теории выносят "действия" агентов, а не их медитации.

Применение любой социологической теории нуждается в специфическом "аппарате" измерения, исключенном из измеряемой совокупности социальных различий<sup>34</sup>. В границах эпистемологического разрыва между предметом исследования и исследователем комплекс измерительных средств (как ментальных, так и материальных) находится на стороне исследователя. Каждое социальное различие существует и имеет смысл только в связи с конкретными средствами измерения в конкретной ситуации измерения<sup>35</sup>.

\*\*\*

Предицируемая посредством открываемых практиками различий социальная реальность структурирована как пространственность-временность всего существ социального мира. Схемы пространственности и временности сводятся к социальной реальности, но не принадлежат к ней. Пространство-время *per abusum* есть имя производства/воспроизведения (время) социальных различий (пространство). Производство/воспроизведение социальных различий делает возможным введение пространственно-временной метрики социального мира. Социальная реальность как небытийственное бытийствование социального мира есть возможность возможности любой возможной социологии. Она - условие возможности социологического опыта, и в силу этого - "предмет социологии" (ср. [10]). Будучи возможностью существования социологического познания, возможность возможности традиционно обозначается как трансцендентальное условие. В качестве условия возможности познания существовать и не существовать, социальная реальность не является понятием (схоластической универсалией, отражающей некую абстрактную общность существ социального мира) или всеобщим родом (чьим видом могла бы стать социологическая теория), но состоянием или способом осуществления социологии. Критерии социальной реальности не отделимы от нее самой. Коль скоро она является конститутивной возможностью социологического мышления, фоновые определения социальной реальности (через суждения о существовании тех или иных предметов исследования) содержатся в любом социологическом тексте. Именно потому, что социология опирается на тетические суждения, она пренебрегает и пытается

практически устраниТЬ эксплицитные представления о социальной реальности. Социальная реальность - небытийственное бытийствование, то, что позволяет быть социологическому мышлению и опыту, т. е. смыслообразующее a priori как условие действительности любого познавательного акта, направленного на социальный мир.

A priori здесь есть условие возможности любого социологического опыта в пределах диспозиций и способностей социолога как агента научного производства. Данные условия возможности опыта не отсылают нас к некоей онтологически изначальной реальности. Социальная реальность описывается онтически и a posteriori.

Социальная реальность - *cuius nihil maius cogitari possit* - стоит у истока любой социологической структуры. Исток - это то, откуда и посредством чего социологическая структура является тем, что она есть, и такой, какой она есть. Всякое социологическое объяснение исполняется через социальную реальность, но что объясняет саму социальную реальность? Проявляясь в виде пространственности-временности, но никогда ею не исчерпываясь, социальная реальность раскрывается как структурированное и структурирующее основание социологического познания: универсальная пространственно-временная структура, не сводимая в опыте ни к чему другому (сущему социального мира, событию социального мира, ничто...), т. е. упорядоченность-изменчивость всего сущего.

Таким образом, социальная реальность не есть множество всех существ социального мира и не сводится к отношениям основание - обоснованное.

Социальная реальность является пространственностью-временностью социального мира. Пространственно-временная концептуальная схема сводит социальную реальность к ее собственной онтологической (пространственно-временной) метафоре. Данная метафора открывает широкие перспективы для социологического объяснения, поскольку позволяет объединять в рамках родовидовой структуры события социального мира, структурно-генетически не связанные. Это равносильно утверждению, что не существует событий вне социальных отношений. Эмпирически оно оправдано, поскольку, прежде чем выявлять причинно-следственные связи между событиями социального мира, "научному сообществу" надо быть уверенным в их существовании<sup>36</sup>. Отказ же от допущения всеобщей опосредованности обрекает социолога на немоту: о Хаосе он абсолютно ничего сказать не может. Пространственность-временность, полагаемая как упорядоченность-изменчивость, служит началом, точкой отсчета понятийной системы, в которой социология выражает содержание социального мира. При этом изменчивость синтезируется в упорядоченности (как моменты времени в пространстве: необратимая последовательность событий принадлежности), а упорядоченность синтезируется в изменчивости (как пространственная близость во времени: принадлежность необратимой последовательности событий).

Социология познает агента через его практики, которые могут быть представлены как отношение с социальной реальностью. Агент, подобно любому другому сущему социального мира, есть отсутствие социальной реальности. Иными словами, социо-логически агент определяется различием "сущее социального мира/социальная реальность", поскольку он отделен от социальной реальности, не обладает полнотой бытийствования.

Идеализация и типизация множества конкретных социальных различий приводит к попыткам структурировать их, представить как результат действий некоего порождающего различия. Конститутивное различие "сущее социального мира/социальная реальность" как различие

"объективированное/необъективированное" делает возможным определение всех эмпирических социальных различий. Двойственность сущего социального мира и социальной реальности как двойственность тематизированного и нетематизированного образует изначальный предмет социологического мышления и дискурса. Данный предмет - социальное различие в принципе, вокруг которого выстраивается любой возможный социологический дискурс, поскольку различие (истолкованное, например, как различие социальных позиций) есть структура любой действительной обусловленности событий социального мира. Такая структура делает осуществимыми практики как события социальной реальности, а не как события в социальной реальности. Суждения о каждом эмпирическом социальном различии всегда зависят от фиксации социального различия как различия "сущее социального мира/социальная реальность", которое только и учреждает социологический опыт. Это конституирующее различие есть разрыв: объективированное сущее социального мира отделено от необъективированной социальной реальности перманентным отсрочиванием и разъятостью, они различаются по месту и времени<sup>37</sup>. Различие "сущее социального мира/социальная реальность" коннотирует с имманентной социальному миру упорядоченностью-изменчивостью, но как таковое не может быть сведено к наличной форме.

Итак, социальная реальность и сущее социального мира различаются. При этом последнее занимает в различии "сущее социального мира/социальная реальность" такую же структурную позицию, как отсутствие - в различии "отсутствие/присутствие", т. е. сущее как тематизированный предмет "изоморфно" отсутствию. Присутствие и отсутствие взаимообусловливают друг друга подобно тому, как взаимообусловливают друг друга необъективированное и объективированное, социальная реальность и сущее социального мира. В отношении присутствие/отсутствие агент находится "на стороне" отсутствия, поэтому он описывает присутствие посредством отсутствия.

Различие "сущее социального мира/социальная реальность" не объясняет социологическое знание сущего социального мира и социальной реальности, а обуславливает его. В силу этого социологическое мышление и дискурс являются лишь мышлением и дискурсом различия "сущее социального мира/социальная реальность". Различие "объективированное/необъективированное" составляет социолога. Посредством этого различия социолог познает именно сущее социального мира (т. е. фактически постигает отсутствие социальной реальности), одно из которых есть он сам, а не социальную реальность. Сущее социального мира получает свое значение в системе социологического дискурса от присутствия или отсутствия.

\*\*\*

Присутствие не поддается сведению к какой-либо производящей структуре социологического опыта: в нем есть неустранимый метафизический элемент - бытийственное явление как основание самого себя, начало причинно-следственного ряда<sup>38</sup>. Нельзя установить значение присутствия в какой-либо социологии (объективистской, субъективистской и т. д.) вне связи с базовыми идеализациями и принятой в ней концепцией истины. Между тем, концепция истины, как показывают история философии и социология науки, детерминирована социально. Несмотря на то, что философские понятия в социологическом дискурсе обретают иной смысл, существует "избирательное средство" между социологией и метафизикой: все социологии в той или иной степени метафизичны, все метафизики по-своему социологичны. Поэтому можно использовать монтаж как принцип социологического теоретирования, сопоставляя и философскую, и социально-теоретическую оптику, монтируя

фрагменты социологического и метафизического дискурса в виде последовательности самостоятельных единиц.

Социологические понятия сами по себе не могут быть истинными или ложными, а лишь релевантными или нет, валидными или нет. Социология формализует единство означающего (понятия) и означаемого (сущего социального мира) как семантическое отношение. Это отношение асимметрично: в нем доминирует означаемое, понимаемое как присутствие. Поскольку в семантике утверждается примат означаемого, поскольку она предстает как единственная возможная (в силу того, что присутствие непосредственно достоверно, очевидно, фактично). Это натурализует социологическое понятие, камуфлирует конструирующую роль научного мышления. Смысл социологической теории определяется, в том числе, порядком теоретического дискурса: системой исключения, принципами упорядочивания, условиями и способами приведения дискурса в действие (см.: [11]). Порядки теоретического дискурса в социологии многообразны и относительны, а семантика и прагматика теории не есть нечто само собой разумеющееся. Так называемая ясность или очевидность социологической теории - лишь один из возможных порядков теоретического дискурса, по преимуществу перформативного: притязания на беспредпосыльность и безотносительную общезначимость суть притязания на власть. Ясность диктует, что понятно, а что должно быть отброшено как непонятное, она определяет теорию, как нечто внешнее. Выбор той или иной социологии предопределяет политический выбор социолога.

## глава 2. СОЦИОЛОГИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИОЛОГИИ

*...Для нас невозможно рефлектировать постоянно и явным образом над всеми нашими мыслями; в противном случае наш разум рефлектировал бы над каждой рефлексией до бесконечности, никогда не будучи в состоянии перейти к какой-нибудь новой мысли. Так, например, сознавая какое-нибудь наличное ощущение, я должен был бы постоянно думать, что я думаю о нем, и так далее до бесконечности. В действительности же я должен перестать размышлять над всеми этими размышлениями, и должна явиться наконец некоторая мысль, которую мы оставляем, не мысля о ней...*

**Г.В. Лейбниц. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии**

Протекающий в изначальной интуиции процесс всегда уже перемешан с антиципациями, в нем неизменно в большей степени присутствует аперцептивная со-направленность, нежели действительно данная интуиция - именно в силу того, что объект, каковым бы он ни был, не является чем-то изолированным и выделенным; он всегда является объектом, расположенным в горизонте типичной повседневности и пред-знания.

Э. Гуссерль. Опыт и суждение. Исследования к генеалогии логики  
Социология как возможность самой себя выступает не в виде ансамбля логических отношений между истинами, но в виде социальных форм практик, становящихся формами социологического мышления. Социолог изначально является практиком, заинтересованным агентом социальных отношений, всегда уже ориентирующимся в социальном мире, а не теоретиком, отвлеченным наблюдателем. Социология исходит, в том числе, из предпосылок, которые не могут быть обоснованы методами самой социологии<sup>39</sup>. Определенные условия

научного познания не укладываются в логику исследования, а предшествуют ей, поскольку социологическое постижение надстраивается над привычно-доверительным и заинтересованным, инструментальным и практическим пред-знанием, отягощенным личностными смыслами исследователя, которые являются условиями возможности мышления<sup>40</sup>. Социолог не может быть идентифицирован с его когитальным состоянием и когнитивными практиками, и познающий никогда не тождествен познаваемому. Представления о деятельном и интерсубъективном характере социологического познания надо дополнить представлениями о его онтологической и социальной обусловленности.

Социологическое мышление поэтому следует рассматривать как "технологическую структуру", имманентную научному производству.

Необходимо различать рефлексивное и тетическое в социальной теории от дoreфлексивного и нететического, - того, что принимается ученым за очевидное и само собой разумеющееся, известное до всякой социологии<sup>41</sup>. Научный язык социологии не только "надстраивается" над пред-суждением (*Vor-urteil*), допредикативным опытом<sup>42</sup>, нетематическим полем переживаний<sup>43</sup>, недискурсивными практиками, но и невозможен без них. Социальные факты, любые события социального мира могут быть объяснены лишь исходя из практического контекста, причем объяснение выступает способом бытийствования ученого<sup>44</sup>.

Здесь следует интерпретировать сознание как (символические) практики<sup>45</sup> (*praktische Bewußtsein* K. Маркса), а не как целокупность теоретического дискурса. Социологическое объяснение интегрировано в социальную реальность как одно из сущих социального мира. Социологическое объяснение не может быть лишь ценностно-нейтральным истолкованием, возникающим непосредственно из академически-незаинтересованного чистого созерцания, оно еще и жизненно-практическое участие исследователя в социальных отношениях. Для "социальной техники" социологическое объяснение это не просто рефлексия по поводу события, которое могло бы существовать и без этого объяснения, - напротив, социологическое объяснение участвует в производстве этого события, а в некоторых случаях претендует на конституирующую, хотя и подчиненную, роль<sup>46</sup>. Социологическое объяснение не определяется единственно ансамблем познавательных практик социолога: условием действительности социологического объяснения является "онтологическое соучастие" социолога и социальной реальности, практическая захваченность исследователя, нахождение "посреди" социального мира и доставляемая таким расположением "внутри" социального мира его "открытость", "раскрывающий" характер практик (ср. [15]).

Подчеркнем, что открытость раскрывается как различие между объективированным и необъективированным и лишь в нем. Социологическое познание возможно лишь постольку, поскольку сущее социального мира становится открытым, т. е. объективируется в свете различия "тематизированное/нетематизированное". Социологическое объяснение всегда есть практически-озабоченное объяснение социального явления как чего-то "инструментального", не существующего безотносительно к социальному и поэтому в первую очередь отвечает критерию пригодности. Отсюда вытекает стремление к непрерывному улучшению, совершенствованию социологического объяснения. Характер социологического объяснения объективирует не только критико-рефлексивную, но и активно-преобразующую позицию науки по отношению к ее предмету. Объяснить - значит, сверх того, определить свою позицию в социальном мире, ибо социологическое объяснение есть момент этого мира.

Помимо контролируемых сознанием идеально-типовых образований, социологическое объяснение всегда наделено "структурным" или допредикативным, дoreфлексивным аспектом: "объяснительная структура"

(например, у Э. Дюркгейма "объяснительными структурами" выступают "социальный факт" и "социальная действительность", понятая как *causa sui*) не есть элемент сознания, она не может быть деконструирована, а затем воспроизведена по рефлексивной схеме. Существование допредикативного опыта предполагает, что первичная концептуальная система, кодифицируемая естественным языком, не имеет универсального характера, поскольку любой язык есть модель ("исчисление") практик, а не "дом бытия", неустранимая среда бытийствования агента. Необходимым и всеобщим "посредником" между агентом и социальным миром скорее выступают практики, без которых агент не может обойтись даже в абстракции. Действительность социального агента - это его и других агентов практики, взятые вместе с телесностью. Практики, осуществляющие отношение агента с социальным миром, составляют как событийный горизонт, так и базис пред-объяснения. Их универсальность конституируется социальными отношениями и заключается в выходе за пределы любой возможной наличной ситуации. Открытость - условие действительности любого возможного социологического знания. Логически данное условие представляет собой отношение социальной реальности к социальному миру, которое можно изобразить как отношение необъективированного к объективированному. В открытости социальная реальность раскрывается практикам социолога как множество присутствий (необъективированное) социального мира (объективированное).

Социолог объясняет социальный мир особыми научными артефактами - "объяснительными структурами", которые действуют сами по себе и которые ученый может не объяснить - они фактически сами себя объясняют и задают горизонт социологического познания. Объяснительные структуры изначальнее, чем теоретические установки социологической рефлексии, и образуют ее основу и предпосылку. Социологическое мышление *en gros* является пространственно-временной структурой объяснительных структур.

Социологическое объяснение представляет собой трансцендентный акт, выходящий за пределы сознания социолога<sup>47</sup>. Агент знает лишь содержание своего сознания, и если он может познать сущее социального мира, то лишь потому, что существует социальное отношение, производящее эту трансцендентность до всякого сознания. Социологическое объяснение - знание того, что происходит в действительности - изначально обусловлено открытостью социального мира, существованием социальных отношений, переходящих границы сознания вообще и социологического мышления в частности. Иначе говоря, социологическое объяснение определяется движением различия "объективированное/необъективированное", каковое осуществляется научным производством во взаимодействии с различными социальными силами.

Следовательно, допредикативное и дорефлексивное "онтологическое объяснение" ("открытое", явленное в социальной реальности) совершается не на уровне теоретического сознания, а практически, как способ бытийствования агента, объективирующий необъективированное. В первую очередь оно есть условие эффективности социальных практик, а уж затем - понятие социологии. "Онтологическое объяснение" обретается в ходе объективирующих социальную действительность практик и непременно включено в их процесс. Объективирующие практики не просто условие "онтологического объяснения", они суть "онтологическое объяснение" как таковое, если опереться на интуицию, дающую сознание как практики (*praktische Bewußtsein*). Подобная слитность "онтологического объяснения" с объективирующими практиками предполагает, что субъект и объект не расколоты, а нераздельны/неслияны, поскольку объяснение обосновывается не субъектом или объектом порознь, но различием между

объективированным и необъективированным. Говоря метафорически, "онтологическое объяснение" - не "предикат" социального мира, а его "субъект", равно как и практики - это не "предикат" агента, а его "субъект". Практики захватывают, вовлекают в себя агента. Именно они, а не объясняющий агент являются субъектом "онтологического объяснения". Этот субъект, однако, не может быть с исчерпывающей полнотой определен дискурсивно. Естественно, что социолог не может ограничиться инструментальным, прагматическим истолкованием, неразрывно связанным с породившим его практическим и недискурсивным контекстом: ему будет просто нечего сказать, тогда как он вынужден сообщать о результатах своей деятельности в дискурсивной форме. Поэтому собственно социологическое объяснение (являющееся не способом бытийствования социолога, а одним из видов познания) начинается лишь на рефлексивном уровне. "Онтологическое объяснение" (т. е. в сущности "предварительное", не ставящее перед собой задачи *ergum cognose causas*) по отношению к объяснению социологическому выступает необходимой предпосылкой и неустранимым нетематизированным "горизонтом". Его можно представить как объединение в процессе практик "горизонта" объясняющего агента и "горизонта" объясняемого сущего социального мира. Точнее говоря, социологическое объяснение устанавливается различием между "онтологическим" и собственно социологическим объяснением.

\*\*\*

Мы исследуем лишь тогда, когда помним, что( значит исследовать. В исследовании социолог проецирует себя в то, чем он не является и отрицает то, что( он есть. Для него исследовать - значит встречаться с иным, нежели социологический, опытом бытийствования, причем само бытийствование уже каким-то образом определено до онтологии. На правах социального института социология устанавливает всякое отношение к сущему как представление и определяет социальный мир в исследовании, так что сущее социального мира институционализируется как предмет представления<sup>48</sup>. Восприятие рефлексии как основополагающего отношения социолога (отождествляемого с субъектом) к социальной реальности делает возможным ее определение как предметности (см.: [4, с. 184]).

Всякое познание мотивировано социальными интересами, выражает обусловленную точку зрения, и в этом смысле существует "...только перспективное "познавание"..." [16]. Не существует замкнутого в себе социологического мышления, из самого себя логически обосновывающего закономерность своих имманентных представлений. Теоретическое мышление обусловлено наличной жизненной ситуацией мыслителя: "за каждой теорией стоят аспекты в(дения", присущего определенной социальной позиции [17, с. 108].

Поэтому социальный мир протеичен: он никогда полностью не выявляется социологическим исследованием. Социологическая теория не может охватить его весь, целиком, но фиксирует лишь отдельные ракурсы, открывающиеся с неизбежно частичных точек зрения, а "тотальность" или "всеобщий вид" ускользает, - как храм Василия Блаженного: "...На соразмерном основании вознеслось здание, симметрию которого не увидишь ни с какой стороны. Оно все время что-то скрывает..." [18].

Социологическое мышление не есть *sui generis*, условие собственной возможности, хотя бы в силу того, что тематическая действительность любого предмета социологического познания фундируется его не-тематической возможностью. Правомерно рассматривать социологическое сознание не как коррелят эмпирического явления, а как факт самой являемости социального мира или "открытости" социальной реальности. Порождающей структурой, которая

определяет социологическое мышление и благодаря которой ему вообще может быть что-то непосредственно дано, открыто является бытийственное, практическое отношение агента к социальному миру, располагающееся "до" или "по эту сторону" интенционального отношения.

Социология начинается с наблюдения, принимающего все таким, "как оно есть", но мы знаем, что такое начало является результатом. Социологически это означает, что агент повинуется социальному миру, признает данный мир единственным возможным, поскольку в процессе фило- и онтогенеза его когнитивные структуры оказались объективно увязаны с социальными.

Любая теория неизбежно основывается на дoreфлективных нететических тезисах, поскольку социолог открыт миру, практически считается с ним, хочет он того или нет. Эти нететические тезисы, которые не мыслятся как собственно концептуальные суждения, выражают доксу - отношение основополагающего непосредственного принятия действительности, служащего основанием любого другого отношения к ней (см.: [19, с. 37]).

Докса есть ансамбль непосредственных (в том числе, неинтенциональных) отношений агента с социальным миром, который может быть с некоторой долей условности истолкован как весьма специфическая форма познания, выраженная в неэпистемическом опыте. Докса отнюдь не выпадает из сознания, но всегда оказывается запредельной суверенному разуму. Жизненно-практический (включая допредикативный, нерефлективный) опыт дает социологу нечто, недостижимое теоретически. Рефлектируя над жизненно-практическим опытом, исследователь нередко искажает его, рационализируя нерациональное, придавая черты "постсовременности" архаике и т. д. Для того, чтобы получить действительно научное знание о социальном мире, необходимо реконструировать донаучное "неявное знание" во всей полноте и сложности его структуры. Поэтому социология не существует "как-строгая-наука", открывающая абсолютную истину вне зависимости от доксического опыта ее агентов, будь то рафинированные интеллектуалы, "красные профессора" с рабфаковским прошлым, андроиды или марсиане.

Неэпистемический опыт социального мира нельзя растворить в разуме. Между предельными понятиями социологической теории и предпонятиями<sup>49</sup> и первичными ориентациями доксического опыта, на которые она эксплицитно или имплицитно опирается, существует отношение соучастия. Это отношение задает горизонт, в котором изначально движется социологическое исследование.

Не существует "чистого субъекта", данного "до и отдельно" от социальных отношений. Социальный агент не рождается трансцендентальным субъектом, и прежде чем приступить к феноменологической редукции, он вынужден интериоризировать социальные отношения в процессе социализации, производить практики, участвовать в социальной коммуникации и т. п. Агент не может познавать социальный мир, находясь вне доксического отношения на правах бестелесной, несоциальной, внепрактической и внеязыковой сущности. Коль скоро доксический опыт - опыт социальных различий, то самое чистое мышление о сущих социального мира будет стигматизировано его элементарными структурами, изоморфными структурам социального порядка. Доксический опыт формирует для всех других видов социального опыта (и, быть может, не только социального), во-первых, базовую систему различий, неразрывно связанную с легитимными социальными различиями, принятыми категориями социальной перцепции. Во-вторых, он обусловливает такие имманентные любому опыту структуры, как способ синтеза и форма отождествления [социальных предметов]. Прежде чем стать предметом социологии, докса выступает ее условием.

Практики как бытийственные структуры открыты в сущностной связи с

открытостью социальной реальности. Доксическое отношение выступает необходимым элементом бытийственной конституции социального агента. Оно не эмпирически-историческое (познавательное) а priori в смысле Э. Кассирера или К. Хюбнера, а конститтивное а priori социальных практик. Доксический опыт как опыт социальный, опыт тела, практик и т. д. не может быть представлен как всего лишь модификация опыта чистого сознания или познания<sup>50</sup>. Скорее наоборот, опыт чистого сознания является частным случаем доксического. Но эта первичность [доксического опыта по отношению к опыту чистого сознания] не предполагает, что доксический опыт непременно обуславливает опыт чистого сознания, а сам есть нечто необъяснимое, принципиально необъективируемое. Напротив, мы полагаем, что доксическое отношение объяснимо, постижимо, прояснено, хотя бы уже в силу того, что доксический опыт осознается как нечто отличное от опыта чистого сознания все же самим сознанием. Доксический опыт отнюдь не есть некий абсолютный или суверенный опыт. Будучи изначальным во времени (первичнее структур интенциональности) и открытым, непредметным и предпонятийным опытом социальных различий, дающим агенту "первичные ориентации" в социальном мире, пред-понимание (Vor-verstandis), доксический опыт является условием действительности любого осознания социального мира<sup>51</sup>. Но не более того. То есть доксический опыт выступает условием действительности, а не порождает опыт чистого сознания. Первичность (во времени) доксического опыта заключается в том, что он воспроизводит и производит основную систему социальных различий, обосновывающую и служащую предпосылкой для всех остальных форм социального опыта, включая философский, поскольку философ - вне зависимости от того, что он сам об этом думает - тоже является социальным агентом.

Трансцендентальный субъект Э. Гуссерля как источник всякого конституирования располагается над социальным миром: между ним и объектами нет причинно-следственных отношений. Такой субъект есть ничто. Ничто, в свою очередь, подобно бытию, поскольку в них обоих нет сущего, они "онтологически отличны" от него [20]. Гносеология, субъектом которой выступает ничто, совпадает с онтологией. (Присутствие овеществляет ничто, представляя относительное и изменчивое онтическое как абсолютное и всеобщее в онтологическом горизонте.) Напротив, социальный агент есть вещное и обусловленное вещами сущее социального мира, поэтому он имеет внутреннее основание, и его гносеология не может быть сведена к онтологии. Следует ли отсюда, что доксический опыт может быть релевантно выражен в эпистемологических схемах? Нет. Поскольку доксический опыт не есть только познание, он не может быть целиком категоризирован: не умешаясь полностью "внутри гносеологии", он выходит в онтологию. Доксическое бытийствование-в-социальном-мире есть там-и-уже-бытийствование, для которого эпистемологические потенциальные горизонты осознания и открытости опыта преображаются в первичное по отношению к познающему сознанию "онтологическое объяснение" живущего-в-социальном-мире присутствия агента. Существование "онтологического объяснения" указывает на изначальную захваченность социального познания доксическим отношением. Первичные структуры доксического отношения суть первичные структуры социологического объяснения ("онтологическое объяснение" как предобъяснение), а опыт практик, социальный опыт предшествует любому возможному социологическому опыту. Если социологический опыт есть воспринимающее познание, то социальный опыт шире и включает в себя исполнение и испытание событий социального мира. Область применения социологической теории, строго говоря, ограничена сферой возможного социологического опыта (хотя мы и не пытаемся свести его

содержание к видам и свойствам сущих социального мира). Тем не менее, опираясь на доксус, социологическая теория стремится - по аналогии - охватить социальный опыт.

Насколько "экстенсионал" теории связан с регионом возможного социологического опыта, настолько "интенсионал" предмета этого опыта - его качественная определенность - задается применяемым наукой методом. Отсюда, присутствие как предмет социологического опыта не может иметь всеобщей и необходимой значимости, а обусловлено средствами социологического познания. Отсюда вовсе не обязательно делать вывод, что в действительности существуют лишь социальные отношения, а объясняющее социологическое мышление (коль скоро оно не в состоянии объяснить социальную реальность, т. е. ответить, почему она имеет место) есть их сублимация или система их означающих. Просто социологическое мышление не надо представлять как спонтанную творческую активность, как суверенное сознание, "владеющее" социальной реальностью по праву интеллектуального первородства или полученного от "первой философии" благословения.

Социология возможна лишь в том случае, если до познания социолог включен в отношения, охватывающие и его, и предмет его исследования. Доксический опыт - это опыт не-предметный и дорефлексивный. Однако не существует беспредметного опыта, просто в доксическом дано не отсутствие сущих, а нетематическая возможность их присутствия, т. е. сущие еще не тематизированы как предметы. Из неопределенности предмета и допредикативного характера доксического опыта вытекает невозможность получения в нем какого-либо предметного знания: доксические знания суть до-рациональные пред-знания. Доксическое отношение не выводит за пределы социального опыта, но позволяет правильно объяснять его в целом. Оно представляет собой жизненно-практический опыт социального мира как опыт практик, связь с социальным миром, предшествующую любой мысли о нем. Поскольку нетематическая данность предшествует конституированию любого тематического предмета, поскольку любой возможный тематизированный социологический опыт обосновывается доксическим опытом. Будучи предпосланным всякому предметному социологическому познанию, доксическое пред-знание не только имплицитно является его нетематической частью, но и выступает его конститтивным условием. Доксический опыт - не просто специфический вид "восприятия" или "переживания", а условие действительности тематического рефлексивного социологического опыта. Его внутренним содержанием выступает данность или "открытость" социальной реальности "открытыму" навстречу ей агенту, т. е. различие между объективированным и необъективированным. "Открытость" - "естественный свет разума" (*lumen naturale*), раскрывающий присутствие. В качестве условия и предпосылки социологического познания докса сама входит составной частью в социологическое познание, становясь одним из возможных предметов научного исследования.

Открытость представляет собой открытость навстречу истине доксического опыта, т. е. навстречу тематизации нетематизированного. Доксическое отношение есть необходимый структурный момент бытийствования агента: без него невозможно различение "объективированное/необъективированное". Оно не требует никаких предваряющих/вводящих и опосредствующих практик.

Допредикативный доксический опыт нерефлексивен, предметы его неопределены и текучи (поскольку предмет всегда есть знание о нем, а знание предполагает рефлексию), а различие "свойства/предметы" еще не оформлено в суждениях и т. д. Формируя непредметные, нетематические смыслы, допредикативный доксический опыт производит основу, обосновывающую любой артикулированный смысл, коль

скоро тематическая действительность любого предмета конституируется только на базе его нетематической данности. Будучи пространственно-временны?й структурой, доксический опыт может быть объяснен из пространственности-временности социального мира, т. е. он самореферентен. Это не означает, что он является "смыслом" социальной реальности. Скорее, доксический опыт выступает "смыслом" эмпирического социального мира. Доксические пред-знания ("верования" в терминологии Х. Ортега-и-Гассета) это не представления, имеющиеся у агента, а представления, которые суть сам агент [21, с. 405]. Они усвоены и присвоены, инкорпорированы агентом, воплощены в его практических схемах и способностях, инструментальных навыках. Доксическое отношение образует основание человеческой жизни, поскольку ставит агента в присутствие самой социальной реальности (см.: [21, с. 409])<sup>52</sup>. Опыт сознания производится агентом, а не сознанием. Доксические знания не являются свободным выбором чистого разума, здравого и расчетливого, но функционируют как диспозиции, выросшие из привычек, и склоняют действовать определенным образом в той же мере, что и думать (см.: [22]). При этом доксические пред-знания - это не какие-то иррациональные не-знания, а еще не артикулированные до-рациональные пред-знания.

Социологическая рациональность базируется на до-рациональном пред-объяснении, на донаучной очевидности *lumen naturale* доксы. Прежде чем "понимать" и/или "объяснять" социальный мир, социология устанавливает с ним определенные отношения и тем или иным образом (от полного принятия до тотального отрицания) соотносится с доксой<sup>53</sup>. Социология может воспользоваться доксическим пред-знанием в качестве *docta ignoratia* (*a la* Николай Кузанский), т. е. интерпретировать его как знание о незнании, из которого вырастает собственно научное исследование.

Понятие доксы указывает на то, что первичным является не противоположность (*Gegensatz*) социолога и предмета его исследования, а их практическое единство. Это вовсе не означает, что докса беспредметна, просто ее "повседневная предметность" есть инобытие "фоновых практик" и не совпадает с научно конструируемой. Доксическому опыту присуща действительная неопределенность, поскольку он не то же самое, что опыт самотождественности или "самотождественность бытия сознания" как отношения сознания к себе. Напротив, доксический опыт является различающим движением от одного сущего социального мира к другому сущему, соединяющему разъятое в пространстве, а прошлое - с настоящим и будущим. Содержание неопределенности доксического опыта составляет пред-знание, "встроенное" в любые доксические практики. Это пред-знание фиксирует в лучшем случае лишь различия между событиями социального мира, но, не будучи мышлением о мышлении, не поднимается до синтеза и отождествления интенциональных предметов.

Докса - всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность социального мира, предваряющая схему социологического познания, и в этом смысле ничем не заменима. Еще до всякой социологической рефлексии социальный мир дан нам "всегда уже" как мир, интерпретированный в языке, в предположениях доксического опыта. Доксические предположения со-полагаются событиям социального мира. Более того, они со-утверждаются как условия возможности этих событий. Социологический дискурс начинается с попыток выразить и эксплицировать то, что "и так" известно до него. Процесс образования социологических понятий, начинающийся внутри этой языковой и повседневной исторически-деятельной истолкованности, есть всегда лишь продолжение обыденного мышления на естественном, "разговорном" языке в контексте практик и внутри осуществленной им интерпретации социального мира<sup>54</sup>.

Как возможно доксическое или практическое (первичное, дорефлексивное, нететическое, допонятийное) знание социолога о мире? Необходимым и достаточным условием его возможности является гармония<sup>55</sup>, непосредственная общность субъективных и объективных структур, практических схем и социальных отношений [24]. Такое согласование категорий перцепции социального мира и структур самого социального мира обеспечивает его восприятие как чего-то очевидного, само собой разумеющегося<sup>56</sup>, позволяет утверждать, не рефлектируя и даже не подозревая об этом, множество положений о социальном мире.

Определение интенционального предмета познавательных практик служит рефлексивным переходом от обосновывающей возможности доксического отношения к предметной действительности социологического опыта. Отсюда ясно: неинтенциональный предмет доксического опыта обладает определенным потенциалом понятийной артикуляции. Непосредственно достоверное и непосредственно осознаваемое присутствие есть - в терминологии Э. Гуссерля - данность или репрезентация доксического опыта социолога. Ближайшим образом, допонятийная или "естественная" "понятность" социальной действительности является бытийственной определенностью присутствия (см.: [25, с. 12]). В доксе социальные структуры (объективные и субъективные) предстают как естественная реальность. Докса может быть уподоблена историческому *a priori* М. Фуко [26]: она выступает не условием истинности суждений о социальном мире, но "условием реальности", являющимся их необходимой основой. То познание, которое М. Хайдеггер определяет как укорененный в бытии-в-мире (*in-der-Welt-Sein*) модус бытия сознания (*Dasein*) (см.: "Бытие и время" 13, а также [27]), и есть собственно доксическое познание. Все "непосредственно данное" социологу опосредовано социальными отношениями, в которые он интегрирован. Присутствие принадлежит не столько социологическим, сколько социальным практикам.

## глава 3. ПРИСУТСТВИЕ В СОЦИОЛОГИИ

*И все, что временно, изменчиво, туманно,  
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.*  
**И.В. Гете. Фауст**

"Есть" (*ist*) - синоним "присутствует" (*anwest*) [28]. Социологическое вопрошение "Что есть *x*?" институционализирует *x* в качестве присутствия. Мышление присутствия - социо-логическое мышление тождественности. "Себетождественность предмета" социологического исследования представляет собой логическое полагание отношения присутствующего, данного в его присутствии (*Anwesen*, *Anwesenheit*, но иногда так же *Vorhandenheit* или *Gegenwartigkeit*), к самому себе<sup>57</sup>. Если мы полагаем сущее социального мира, то оно "есть" в социальной реальности. То, что "есть" в социальной реальности и поскольку оно "есть" в ней, не может не быть "самотождественным предметом". Предмет социологического опыта не может в одно и то же время быть самим собой и не быть самим собой, поскольку в таком случае суждения опыта были бы в одно и то же время истинными и ложными. Исключение не-тождественности сущего выступает "трансцендентальным условием" возможности его социологического познания. Все эти рассуждения надо воспринимать *cum grano salis*, поскольку самотождественность предмета - всего лишь субстанциалистская иллюзия. Применительно к социологическому исследованию самотождественность предмета гарантируется связностью конечного синтетического мыслящего субъекта, снимающего все социальные различия в

концептуальном опосредствовании и подчиняющего их тождеству.

Сущее социального мира полагается социологией как присутствующее в значении постоянного. Сюда в первую очередь относится то, что присутствующее имеет неизменное содержание, форму, границы. В этом отношении оно есть по преимуществу интенциональный предмет. Сущее социального мира превращается в само-показывающееся присутствующее - открытое постоянство, очевидное и непосредственно достоверное в своем присутствии как своем настоящем вследствие того, что оно становится ?????? социологических практик, опредмеченным и институционализированным делом социологии. Отношение социолога к сущему при этом полагается как постоянство настоящего момента раскрывающих исследовательских практик. Сущее социального мира, институционализированное в качестве присутствия присутствующего, раскрывается социологическими практиками как доступная научному производству собственная определенность [этого присутствия], как такое-то и такое-то.

Присутствие присутствующего является не само научное знание, а его производство, которое можно представить как социологические практики, взятые вместе с их социальной формой.

Присутствие (в смысле *Leibhaftigkeit* Э. Гуссерля) - тождественное самому себе единство, к которому относится многообразие воспринятого в опыте. Если мы принимаем "себетождественность присутствия", то разрывы в нем можно объяснить, лишь исходя из того, чем оно не является - из отсутствия. Что социология может сообщить о происхождении и статусе присутствия? Присутствие обнаруживается не как само актуально сущее социального мира, но как при-сущий ему способ существования. При этом существование сущего социального мира идентифицируется с наличной данностью как присутствием присутствующего, а отсутствие либо выносится за скобки, либо низводится до положения вспомогательного элемента социологического дискурса, "проявляющего" и "закрепляющего" значение присутствия. Это возможно в том случае, если сущее отождествляется с "естественностью", а существование - с очевидностью. Утверждается, что присутствие непосредственно и достоверно есть, что оно дано социологу, хотя бы и в форме становления из первоначально возможного в действительное или процесса перехода присутствие-отсутствие. Присутствие устанавливается относительно присутствующего (сущего-в-настоящем) и социальной реальности<sup>58</sup>. Можно говорить как о присутствии некоего присутствующего или сущего, так и о присутствии как таковом. Если присутствующее допускает недискурсивное определение, то присутствие - только дискурсивное.

Присутствие непосредственно относится и отсылает к социальной действительности (как совокупности универсальных условий существования присутствующего, социальных отношений и т. п., задающих как форму социологического опыта, так и конфигурацию открытости социального мира), и, вследствие этого, означает ее. Другими словами, абстрактное и обобщенное понятие присутствия транзитивно. Оно есть означающее не только для особенного конкретного присутствующего (т. е. описательно свидетельствует об определенном социальном факте), но и для социального мира, который обнимает это присутствующее как контекст означения или рамка референции.

"Присутствие" не исчерпывается формой понятия, своим значением, это еще и форма передачи опыта. В свете онтико/онтологического различия как различия между объективированным и необъективированным мы можем утверждать, что присутствие есть и сущее и социальная реальность. Это так в силу того, что подвижная граница между ними проходит "внутри" самого присутствия, а посему присутствие представляет собой "бытийствование сущего социального мира",

выходящее в социальную реальность, захватывающее ее. Присутствие собирает присутствующее в открытости, располагающейся в различии "объективированное/необъективированное".

Очевидность - это не "просто" наблюдаемые нейтральные факты: ее нельзя изолировать от системы (регулирующих практики людей) значений и ценностей, равно как и от теоретического контекста (хотя зависимость социальных фактов от понятий и представлений агентов вовсе не исключает существования явлений неподвластных их сознанию и воле). Присутствие как очевидность принадлежит адекватному социологическому опыту<sup>59</sup>:

"Очевидность... есть опыт сущего и притом сущего так, как оно есть, - так-сущего, - т. е. обращенность умственного взора к самому сущему. (...)  
Любая очевидность есть схватывание самого сущего или так-сущего в модусе "оно само" при полной достоверности его бытия, исключающей... всякое сомнение" [30].

Сущность мышления есть восприятие как перевод греческого слова ((((), что означает: "...заметить какое-то присутствующее, замечая, взять его перед собой и принять как присутствующее. Это берущее-перед-собой-восприятие есть представление в простом, широком и одновременно сущностном смысле, в котором мы даем присутствующему стоять и лежать перед нами так, как оно стоит и лежит" [31, с. 142]. В действительности восприятие не есть процесс, происходящий "внутри" агента, а является собой вид практик, практическое взаимодействие с социальным миром. Социолог представляет себе сущее социального мира, противостоящее ему в опыте и соотносится с ним.

Сущее-в-опыте представляется социологу, а он становится его представителем. Таким образом сущее социального мира превращается в "предметность представления", а истина - в "достоверность представления" [32, с. 48], в достоверность знающего себя социологического знания. Социологическое мышление получает свою сущность из бытийствования сущего, которое означает "присутствие (Anwesen) присутствующего, наличие наличествующего"; мышление - это представление, ре-презентация наличествующего [31, с. 143].

В горизонте социологического опыта простое присутствие присутствующего (данность конкретного, обыденного сущего) или в-себе-присутствие трансцендирует себя: соединяясь с пред-ставлением предмета - социологическому исследованию, оно превращается в в-себе-и-для-себя-присутствие или присутствие как бытийствование сущего - трансфеноменальное представление о пред-ставлении<sup>60</sup> как "подлинно сущей" наличной данности, которой при-суща полнота смысла (см.: [33]). Такой "смысл" есть не что иное, как трансцендентальная структура бытийствования агента (структурный момент трансцендентальной субъективности), предваряющее условие любого возможного опыта. Это означает, что присутствие сущего социального мира выступает онтологическим условием всех его онтических проявлений - априорной структурой трансцендентального Я агента. Понятие "присутствие" описывает сущность сущего социального мира, установленную как значение, которое имманентно сущему и дано вместе с ним. Присутствие как бытийствование сущего - это не онтический предмет, эмпирическое сущее социального мира. Оно скорее представляет собой предмет феноменологического, по Э. Гуссерлю, т. е. чистого, адекватного восприятия, подобного интенциональному акту чистого сознания. Присутствие проявляется не горизонтально, "как определение видов некоторого рода", а вертикально, "как установление родословной" [34]. Присутствие не принадлежит поверхности как необходимому уровню, от которого познание движется вглубь - оно доступно не всякому, а лишь исследователю, конструирующему его в "логоцентристском"

социокультурном контексте; своей "фундаментальной неподвижностью" и "покойной безопасностью" оно обосновывает социологическую игру, само оставаясь вне ее (см.: [35]). Присутствие есть всеобъемлющее условие возможности, континуум, не знающий лакун, разрывов и складок. Идентифицируя некое сущее социального мира (или некое представление о сущем социальном мире) как присутствие, социолог тем самым предпредставляет его себе как явственно определенный, очевидный предмет познания, пред-стоящий исследователю в качестве устойчивой достоверности, поскольку "...истинно все то, что я воспринимаю весьма ясно и отчетливо" [36]. Ясность и отчетливость, полагаемые в качестве критериев истины, на самом деле суть критерии интуитивные. Базовым критерием истинности метафизика считает очевидность, которая доступна лишь простой констатации, но не обоснованию: "...Истина есть идея, единичный случай которой есть актуальное переживание в очевидном суждении. Отсюда сравнение со зрением, созерцанием, восприятием истины в очевидности. И как в области восприятия невидимость чего-либо не означает его небытия, так и отсутствие очевидности не означает неистинности. Истина относится к очевидности аналогично тому, как бытие чего-либо индивидуального относится к его адекватному восприятию. Отношение же суждения к очевидному суждению аналогично отношению наглядного допущения (в качестве восприятия, воспоминания и т. п.) к адекватному восприятию. Наглядно представленное и принятое за сущее не только мыслится, но и присутствует в акте так, как оно в нем мыслится. <...> Переживание совпадения мыслимого с присутствующим, пережитым, которое мыслится, - между пережитым смыслом высказывания и пережитым соотношением вещей, - есть очевидность, а идея этого совпадения - истина. Но идеальность истины образует ее объективность" [37, с. 307-308]61.

Присутствие есть, во-первых, наличие, состояние, положение сущего социального мира. Во-вторых, присутствие означает фактичность, "вещественность" сущего социального мира. В-третьих, присутствие - выявленное, раскрытое, и в этом смысле - произведенное социологом сущее социального мира. Присутствие есть выступление сути, сущее в его данности, обнаруживание сущности, непосредственное настоящее, очевидность, самопроявление положения вещей. Социологический дискурс с необходимостью является представлением присутствия, поскольку он истинен лишь потому, что восходит к непосредственной истине Присутствия как своего "первосмысла": самоявленность (*Selbsterscheinung*) предметной данности сущего представляет собой совпадение интенционального содержания акта сознания с положением вещей (*Sachverhalt*), т. е., по Э. Гуссерлю, истину (см.: [38]). Но в качестве эмпирического явления сущее социального мира само себя не показывает (оно существует и дано в социологическом опыте лишь опосредованно, в отношениях и через отношения с другими сущими социального мира), поскольку не является априорной структурой трансцендентальной субъективности. Если сущее социального мира само-себя-в-себе-показывает как присутствие, то присутствие есть трансцендентально-априорная структура.

Присутствие - это пребывание в настоящем; оно есть со-бытие "там" и "здесь", со-временность "тогда" и "теперь" [39, с. 75]. Присутствие есть при-бывание в открытость социологического опыта-постижения. Присутствие как при-бытие сущего социального мира означает, что присутствующее имеет место быть. Присутствие присутствующего предмета исследования - его пре-бытие в затрагивающей существование социолога открытости социологического опыта. Присутствие присутствующего предмета является, таким образом, истиной в

себе<sup>62</sup>. Этот предмет есть данность конкретного сущего социального мира, касающегося существования социолога.

Всякое выводное (дедуктивное или индуктивное) знание о предмете социологического исследования в конечном счете предполагает его причастность присутствию, т. е. "структуре", не требующей для своего рассмотрения соотнесения с чем-либо иным, находящимся за ее пределами. Присутствие очевидно в том смысле, что все его свойства могут быть (однозначно и определенно) усмотрены непосредственно из него самого: при-существо раскрывает суть предмета, оно есть пребывание и прибывание сути. Именно данная самоочевидность обосновывает, в конечном счете, все знания о предмете социологического исследования. Присутствие предмета означает не вообще-бытие, но так-а-не-иначе-бытие, открытое социологическому опыту существование в качестве данного определенного присутствующего - конкретного сущего-в-опыте. Присутствие есть нахождение предмета, обращающееся к социологу, затрагивающее его пребывание.

Вследствие этого необходимо поставить вопрос об онтологическом статусе бытийствования самого присутствия, т. е. о бытийствовании сущего, "структурой" которого оно является. Очевидно, что это присутствие не является ни сознанием, ни рефлексией: его смысл заключен в нем самом. Поэтому присутствие (т. е. сущность, выходящая в существование в качестве эмпирически развернутой, доступной непосредственному созерцанию затронутого ею социолога) обретает обоснование лишь в опыте социолога. (Субъект и объект процессуально взаимоопределяются в движении опыта [29, с. 48].)

Социологический опыт не сводится к непосредственному внутреннему переживанию, предшествующему субъект-объектному отношению. Социологический опыт выступает преимущественным способом включения агента в научное производство<sup>63</sup>, а формой его [социологического опыта] объективации является присутствие - социологическая метафора бытийствования сущего социального мира<sup>64</sup>.

Как возможно социологическое созерцание присутствия? Оно возможно лишь как афицирование созерцания присутствием ("всякое возможное для нас созерцание чувственно" [40, с. 136]), поскольку то, что не проявляет, не раскрывает себя в социологическом опыте, не может быть воспринято социологом<sup>65</sup>. А как возможно представление о присутствии в социологическом мышлении? Только путем дискурсивного соотнесения с всеобщим понятием социологии - "присутствием". Следовательно, содержание представления о присутствии задается созерцанием самообнаруживающегося, самопроявляющегося, самораскрывающегося в опыте социолога предмета, а форма связи созерцаний, т. е. суждения о присутствии, определяется всеобщими понятиями, данными a priori<sup>66</sup>. Говоря социологически, "ту функцию, исполнение которой все еще ожидалось кантовским схематизмом от субъекта, а именно функцию предваряющего приведения в соответствие чувственного многообразия с фундаментальными понятиями, берет на себя сегодня вместо субъекта" научное производство [41].

Проблема в том, что, согласно восходящей к И. Канту традиции, любой объект сознания складывается из чувственно созерцаемого a posteriori и оформляемого активно действующим рассудком a priori: рассудок привносит универсалии в данные чувственно уникалии. Напротив, по Э. Гуссерлю (см.: [48]), интенциональность (*intentio*) и ее предмет (*intentum*) взаимопринадлежат друг другу, а интенциональные предметы обладают структурной целостностью в смысле изначального единства уникалий и универсалий, которые находятся в самих вещах; при этом чувственное и категориальное созерцание как однородные дающие интенции действуют вместе и

одновременно, так что чувственное созерцание раскрывает индивидуальные характеристики интенциональных предметов, тогда как их всеобщие характеристики и всеобщие отношения усматриваются категориальным созерцанием. Таким образом, интеллект не противопоставляется чувственному созерцанию, а объединяется с ним (они лишь по-разному дают интенциональные предметы), и не бывает предметов памяти, мышления или воображения, существующих независимо от предметов перцепции: это одни и те же предметы интенциональных актов. Отсюда, в частности, вытекает, что априорность, понятая как интуитивная данность, носит универсальный характер (см.: [52]), в силу чего все интендированные предметы даны *a priori*, причем априорность есть атрибут бытийствования, т. е. и субъекта, и объекта (см.: [25]).

Интерпретируя интенционально конституированные переживания и акты сознания в духе М. Хайдеггера как конкретно-жизненные деятельностные отношения социолога, мы можем истолковать самоманифестацию феномена (или интенциональную данность) как открытость того, что присутствует в социальной реальности, как показ сущим социального мира самого себя. Иными словами, категориальное созерцание - момент любого конкретного созерцания социолога. Это конкретное созерцание дает не имманентный сознанию феномен, в котором только светится трансцендентное сущее-в-себе (""За" феноменами феноменологии не стоит по их сути ничего другого..." [25, с. 36].), а сущее социального мира как оно есть, сам же феномен представляет собой открытое социологу сущее социального мира (себя-в-себе-самом-показывающее [25a, с. 28]).

Тут, однако, возникает вопрос: может ли эмпирическое сущее социального мира быть (непосредственно открытым социологу) "феноменом феноменологии"? В "феноменологическом смысле" феномен есть не эмпирическое явление социального мира, а бытийствование сущего, под которым подразумевается ансамбль "основоструктур" "бытия сознания" (*Dasein*) [25a, с. 37]. "Основоструктуры" суть трансцендентально-априорные структуры<sup>67</sup>, служащие "смыслом и основанием" всех эмпирических явлений ([25, с. 35]) - смыслом или способом бытийствования сущего социального мира, т. е. они как раз и являются тем, что мы называем присутствием. Сказанное не означает, что сущее социального мира абсолютно и исчерпывающе открыто социологу, ведь открытость реализуется одновременно и как скрытость, которая обусловлена не внешне, эмпирически вследствие ограниченности исторически конкретных познавательных возможностей социолога и т. п., но внутренне, трансцендентально - самой структурой социологического познания (ср. [25, с. 220-225]). Открытость - это всегда возможная открытость, включающая в себя возможность скрытости. Иными словами, невозможна тотальная объективация социального мира. Посему движущей силой социальной науки служит не объективация как таковая, но различие между объективированным и необъективированным.

Открытость шире предметного представления и интенциональности, она - собственное содержание присутствия социолога как агента, объективирующего необъективированное. Социологическое объяснение исполняет открытость сущего социального мира и поэтому выступает способом существования социолога. Если социологическое объяснение - способ существования социолога, то его метод выступает также методом изменения этого существования.

Сущее социального мира самовозвещает-самообнаруживает, являет себя социологическим практикам таким, какое оно есть само по себе, а не в виде заведомо неподлинной кажимости чего-то подобного ноумену И. Канта, что лишь располагается за явлением, не присутствуя в нем. Оно равно феномену как самому сущему в его открытости, понимаемой как данность различия "объективированное/необъективированное" в практиках агента. Сущее

социального мира - это, с одной стороны, вещь сама по себе, ставшая вещью-для-агента и поэтому неотделимая от практик агента, которым раскрыта, и имманентная социологическому опыту, а с другой - именно вещь сама по себе, трансцендентная этому опыту.

Противоречивое явление открытости реализуется в пределах динамичной оппозиции модуса подлинности (*eigentlich*) модусу неподлинности (*uneigentlich*) (ср. "Бытие и время", с. 175-180). Подлинность и неподлинность - в равной мере нередуцируемые определения открытости, равноправные смыслообразующие a priori<sup>68</sup>. Подлинная открытость представляет собой собственно открытость, т. е. объективированное в различии "объективированное/необъективированное", а неподлинная - скрытость, т. е. необъективированное в этом различии. Открытость не есть простое отсутствие скрытости, но специфическое отношение научного производства к сущему социального мира. Коль скоро открытость и скрытость суть необходимые структурные моменты самого социологического познания, любое сущее социального мира в одно и то же время открыто и скрыто для него.

"Социальные факты не есть ни вещи, ни идеи, они - структуры" [43], и, подобно другим открытым социологией структурам, относительны: с одной стороны, социальные факты наделены объективными значениями, а с другой - субъективными и неэпистемическими смыслами, которые оказывают детерминирующее воздействие, как на предмет исследования, так и на научное производство<sup>69</sup>. Социальный факт образуется некоторым числом изменчивых и некоторым числом постоянных моментов. Константой социологической действительности и выступает присутствие - структура социально-исторического a priori<sup>70</sup>. Оно является одним из компонентов ядра социально-исторического a priori, сложившегося в социологии.

Презумпция самопроявления, самораскрытия присутствия в опыте социолога, равно как и отождествление социологического мышления с суждениями этого опыта, указывает на то, что мы перешли от простого присутствия к присутствию как представлению о пред-ставлении, от сущего социального мира - к сущему-в-опыте социолога. Возникает вопрос: может ли сущее присутствовать, но не бытийствовать? Да, сущее может присутствовать, не существуя, если оно обладает статусом "тени" или "призрака" [44].

Социальные отношения - не факт социологического опыта, а необходимые условия и предпосылки любых практик, любого познания, любого опыта. Доксическое отношение - основа любого опыта. Однако социологическая рефлексия отдаляет присутствие от доксического опыта социолога. Соотношение социолога с сущим не есть чистое созерцание. Что такое социологический опыт? Специфический для социолога способ бытийствования-в-мире: человек существует "в профессии", осуществляет себя в исследовании и т. д., конституируя свои исторически, социально, культурно обусловленные практики (в том числе и практическое понимание общественных реалий) в качестве социологического опыта. Социологический опыт есть, прежде всего, специфический и относительный (в смысле - неуниверсальный, т. е. региональный, ситуативный и локальный, производимый в социальных отношениях) опыт агента исторически конкретного научного производства. Социолог не может постичь сущее, не "почувствовав себя" в акте постижения (ср. [45]). В социологии достоверно то, что удостоверено опытом социологов.

Как доксический, так и социологический опыт выражают конечность человеческого познания - его обусловленность и отличие от идеи бесконечного божественного познания. Бесконечное созерцание само творит созерцаемое сущее, а конечное - есть чувственность и как таковое нуждается в рассудке

[46]. Но принципиально здесь то, что именно в силу конечности агента всякий социологический опыт выступает пространственно-временным опытом. У социологического опыта нет абсолютного - непосредственного или "естественног" и самоочевидного - основания (такого, например, как "повседневность", понятая в духе А. Шюца). Коль скоро бытийствование есть пространство-время, то все (включая чувственность, сознание и мышление) относительно, т. е. опосредовано отношениями, исторично и локально.

"Опыт, таким образом, есть опыт человеческой конечности. Опытен в собственном смысле тот, кто помнит об этой конечности, тот, кто знает, что время и будущее ему неподвластны. Опытный человек знает границы всякого предвидения и ненадежность всех наших планов. Опыт достигает в нем своей высшей истины, высшей ценности. <...> Опыт [par excellence это относится к доксическому опыту - Ю. К.] учит признанию действительного. Признание того, что есть на самом деле, - таков, следовательно, подлинный результат всякого опыта..." [47].

Социологическое познание обладает структурой опыта. Конечность опыта делает невозможным беспредпосыльное социологическое мышление. В опыте достигается расширение для социолога границ возможного, переход к действительному.

Социологический опыт сам по себе наделен "смыслом", а посему частично интеллигилен и претендует на роль всеобщего интерпретатора. В таком своем качестве он предстает "органом" в(дения социальных различий<sup>71</sup>.

Социолог не обладает в непосредственной и достоверной форме реальностью сущего социального мира как объекта познания. В доксическом опыте сущее социального мира дано непосредственно, но не как реальность или объект.

Достоверность и реальность сущего социального мира всегда раскрываются в той или иной системе опосредствований. Присутствие устраниет обособленность непосредственности и достоверности, внутренне объединяя их. Однако это конститутивное единство представляется не вещью вне отношений и не необходимым процессом, а как неопределенная проблематичность, социальная и вместе с тем социологическая. Бином непосредственность/(опосредованная) достоверность имеет свой горизонт в присутствии. Проблема непосредственности/достоверности в случае каждого конкретного присутствия разрешается по-разному, и это решение представляет локальную структуру исторически-конкретного научного производства, чьим продуктом оно является. Границами присутствия, определяемыми не в плане его протяженности и длительности, но как моменты, обусловливающие его конечность, являются именно социально-исторические структуры научного производства.

Присутствие сущего социального мира - это не абсолютная, изначальная или последняя истина, но и не конвенциональная фикция, а более или менее полезный и эффективный (и скорее менее, нежели более) инструмент, существующий лишь в связи с породившим его социологическим производством. Присутствие сущего социального мира имеет эпистемологический статус общей гипотезы, допускающей проверку и исправление. Но для социологии это особая общая гипотеза. Присутствие сущего социального мира есть вопрос, который социология ставит самой себе относительно возможности обоснования самой себя. Едва социологическая теория выходит за пределы ни к чему не обязывающих размышлений о кажущихся либо самоочевидными, либо естественными предметах ("общество", "культура", "коммуникация", "социальная группа"...), как сразу она становится проблемой для самой себя.

Противоречие между непосредственностью и достоверностью является проблемой не отдельной социологической теории, но проблемой обоснования

любой социологической концепции, любых исследовательских практик. Это - проблема того, чем является социологическое знание в своем социальном значении. Ибо если существует социологическая теория как систематическое опосредованное знание, она должна существовать и как необходимый момент неопосредованных научной рефлексией социальных практик.

## глава 4. УСЛОВИЯ ВОЗМОЖНОСТИ И УСЛОВИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

*Выход за пределы сущего совершается в самой основе нашего бытия.*

**М. Хайдеггер. Что такое метафизика?**

Необходимыми условиями любого действительного социологического опыта выступают социальные отношения. Это так, поскольку условиями действительного социологического опыта и описания являются реально существовавшие в прошлом предметы и опредмеченные практики. Однако экспликация этих исторически относительных причинных условий не производит автоматически аподиктических знаний, чья истинность не нуждается в объяснениях. Научное объяснение не обязательно предстает как дедуктивно-номологическое, но всенепременно - как причинное. Оно в себе самом имеет структуру наброска, устанавливающего причинно-следственные связи между социальными явлениями. При этом допустимо трактовать причинные отношения как контингентные или статистические, вырастающие из взаимодействия порождающих механизмов, которые производят события с той или иной вероятностью.

Объяснению обычно предшествует интенциональное понимание: прежде чем приступить к объяснению, социология описывает свой предмет; любой акт получения описания, дающего представление о предмете, есть понимание, а социологическое понимание ("на что похож объект объяснения") представляет собой предварительную характеристику причинного объяснения; обыденное же понимание ("что он подразумевает") является предварительной характеристикой телеологического объяснения [49].

Социология объясняет практики социальных агентов через их необходимые условия и предпосылки, которые, в свою очередь, являются результатами предыдущих практик. Поэтому социологические объяснения могут изменять практические схемы и, соответственно, практики агентов. Значит, влияние социологических представлений необходимо ввести в социологическое объяснение в качестве предпосылки изменения практик. Решающей для социологии проблемой являются отношения, складывающиеся, во-первых, между научной интерпретацией социологического знания и его не-научной (например, политической) интерпретацией, а во-вторых, - между социологическим объяснением и обыденным пониманием. Социальные практики непосредственно регулируются практическими схемами, выполняющими, между прочим, функции описания социального мира и самоописания агентов. Социологическое объяснение противостоит обыденному пониманию, социология соперничает с самописаниями своего предмета. Существует традиция, заменяющая причины основаниями, а объяснение - пониманием (см., например, [50, 51]). Однако - если отвлечься от схоластических споров о различиях "причина/основание" и "объяснение/понимание - причинное объяснение" в терминах порождающих механизмов представляется наиболее общей формой раскрытия сущности изучаемого предмета, и не существует ничего принципиально не объяснимого в

этих терминах [52]72. Всякое объяснение социологического опыта в терминах условий возможности, не являющихся причинными и историческими, недействительно: *ab posse ad esse non valet conclusio*. Любое социальное явление не возникает из ничего, из лона "самое себя полагающей идеи" и не существует вечно, от "создания мира", но "имеет определенную историческую дату своего возникновения и движется в направлении к (тоже исторической) дате своей гибели" [53, с. 437].

Как согласовать возможность социологии с устанавливаемыми ею границами социологического исследования? Иначе говоря, как возможно знать то, что называется "социальным фактом"? Всякая ли социальная событийность может быть преобразована в знание? Любая мысль о независимом от воли и сознания социолога факте осуществляется в социально обусловленных и исторически относительных рамках, заданных, как минимум, доксой и социологическим производством. Это означает, что социология не является исключением из установленного ею принципа объяснения социального через него самого.

Социологическое познание как ансамбль социальных практик может быть лишь причинно объяснено действительностью исторически относительных социальных отношений, в то время как непричинное объяснение на языке условий возможности, а не условий действительности, является ненаучным.

Например, у Г. Зиммеля на вопрос: Как возможно общество? - отвечают "a priori положенные в самих элементах [элементах общества - индивидах - Ю. К.] условия, посредством которых они реально синтезируются в "общество""", причем процессы, совершающиеся в индивидах и обуславливающие их бытие-обществом, понимаются "...не как причины, по времени предшествующие результату, а как частные процессы синтеза, которые мы совокупно называем обществом" [54, с. 512]. Эти социологические априорности, с одной стороны, так или иначе, определяют "...действительное протекание обобществлений, как функции или энергии душевного процесса...", а с другой - "...они суть идеальные логические предпосылки совершенного, хотя в этом своем совершенстве никогда, быть может, не реализованного общества..." [54, с. 513].

Г. Зиммель постулирует существование особого класса сущностей ("a priori положенные в самих индивидах условия"), которые обеспечивают возможность познания эмпирических сущностей так, что последние могут быть познаны в опыте и описаны только в результате соотнесения с первыми. Другими словами, основа сущих-в-опыте находится вне их, они не могут служить объяснением и контекстом самих себя, тогда как "условия возможности" выступают объяснением и контекстом для сущих-в-опыте, но сами не могут быть объяснены и помещены в контекст, поскольку это ведет к бесконечному регрессу объяснения. "Условия возможности" опыта социологического познания и описания сами не могут быть познаны и описаны, поскольку внутренне не зависят от отношений с чем-либо. Но почему "условие возможности" может быть *ens a se*, а сущее-в-опыте - нет? Почему условием фактичности сущего является его опосредствование некоей основой существования, познания в опыте и описания, в то время как "условие возможности" невыразимо и существует непосредственно, вне отношений?73 Такое необусловленное "условие возможности" не нужно для причинного объяснения действительного, а именно причинное объяснение есть объяснение научное.

Истина, не нуждающаяся в объяснении, возможна, если *ratio cognoscendi* нередуцируемо к *ratio agendi* и *ratio essendi*, но на самом деле все эти rationes взаимосвязаны<sup>74</sup>. О, если бы человек - как это мнилось М. Шелеру - обладал "сущностью a priori" [55]! Но, увы и ах... Поскольку сущие социального мира с необходимостью суть сущие-в-социальных-отношениях (т. е. являются условиями действительности друг для друга), поскольку все они могут

быть объяснены и описаны друг через друга, не прибегая к объяснению и описанию через трансцендентальные означаемые. Социология как производство социологических практик не имеет априорных границ и, следовательно, для нее в социальном мире не существует ничего принципиально невыразимого, и ансамбль социологических практик может беспредельно развиваться. Условием действительности социологического познания выступает следующее: во-первых, все сущие опосредствованы<sup>75</sup>, существуют в социальных отношениях, и не существует непосредственных атомарных сущих, которые суть то, что( они есть вне каких-либо социальных отношений; во-вторых, нельзя объяснить наличные опосредствованные сущности через не-наличные и непосредственные, как нельзя трансцендировать социальные практики (не некие конкретные познавательные или политические, а практики как таковые), перейти через них как через нечто эмпирическое, случайное и впредь обходиться уже без них.

Присутствие - это горизонт, в котором сущее дано как присутствующее.

Способом самораскрытия присутствия сущего является присутствие социолога. На вопрос "что есть присутствие?" социолог отвечает собственным присутствием, которое выступает обнаружением присутствия. Присутствие социолога неявно отождествляется с присутствием как таковым. Присутствие социолога - специфический жест социологического мышления, а не модус трансцендентального субъекта. Оно не есть (обладающий неизменной сущностью) пребывающий предмет, но - способ бытийствовать (по аналогии с Weise zu sein M. Хайдеггера).

Присутствие социолога - то, что? он собственно есть. Ближайшим образом, практики социолога есть именно то, чем является его присутствие. Идет ли речь о присутствии социолога и присутствии другого сущего социального мира, мы имеем дело с одной и той же форма бытийствования: между ними нет никакого "трансцезуса"<sup>76</sup>. Присутствие социолога всегда и в первую очередь есть со-присутствие с сущими социального мира. Оно, с одной стороны, не имеет предпосланной ему "сущности", равно как и других субстанциальных определений, а с другой - не сводится к ощущениям и переживаниям или постижению трансцендентальных идей. Это, однако, не означает произвольного характера присутствия социолога.

Реальность социальной реальности не нуждается в научном доказательстве или наивной вере в нее, но дается присутствием самого социолога. Это присутствие не трансцендентно сущему социального мира: оно существует в действительном социальном мире, у которого нет ничего трансцендентного. Вместе с тем, сущее социального мира не имманентно присутствию социолога, поэтому у него нет ничего "внутри". Социологическое познание как самообонаружение (Begegnen M. Хайдеггера<sup>77</sup>) сущего социального мира, его выхождение навстречу исследователю осуществляется в (обусловленных социальными отношениями) практиках.

Социология превращает присутствие агента научного производства (не субъекта и не сознание, а социальное существование социолога, его самого, как он есть) в способ представления или перспективную точку зрения, вынесенную за пределы присутствия присутствующего. При этом присутствие присутствующего в объективистской социологии описывается как независимое от социолога наличное бытийствование, а в субъективистской - как его представление. Определяя присутствие социолога (и наравне с ним все остальные присутствия) через отношения с другими сущими социального мира, мы тем самым снимаем как объективистскую, так и субъективистскую интерпретации. Но бытийствование-в-отношениях есть пространственно-временная форма.

Пространство-время как форма конституирования присутствия представляет собой взаимодействие, взаимосвязь, взаимообусловленность и сосуществование сущих

социального мира. В таком качестве пространство-время выступает условием действительности любого присутствия: не существует изолированных сущих социального мира, вне взаимодействий с другими, а, следовательно, - вне пространства-времени как места встречи различного, места социальных отношений. Социальную реальность нельзя непосредственно, без опосредствования пространством-временем, сделать предметом социологического мышления. Социальная реальность обычно идентифицируется с "налично-сущим социального мира вообще" или же с единством "всех налично-сущих социального мира вообще", т. е. смешивается с социальным миром. Но строго говоря, социальная реальность всегда дана в измерении социальных отношений, как раскрывающееся в них пространство-время.

Правильно понятая социальная реальность выступает предпосылкой объяснения всякого сущего социального мира, в то время как "естественная социологическая установка" предполагает ей присутствие, определяет ее, определяет как сущее - через представление. Социальная реальность открывается социологу, прежде всего как множественность сущих социального мира, но она - не определенное и определимое сущее, а нечто такое, что нетематически присутствует в каждом социологическом исследовании. Сущее - понятие не вещное (*Substanzbegriff*), а основанное на отношении (*Funktionbegriff*)<sup>78</sup>, что отличает нашу трактовку от социологического субстантивизма, который онтологизирует эмпирическое сущее социального мира. Действительное уразумение социальной реальности возможно лишь в горизонте отношений, полагаемом как горизонт пространства-времени. Социальная реальность шире, чем все сущее, социолог всегда находится внутри нее и не в силах выйти за ее пределы. Она является горизонтом всех частичных горизонтов социологического познания, в котором только и дано исследователю любое сущее социального мира. Невозможно выстроить социологическую теорию так, чтобы она выпала из социальной реальности, стала индифферентной к ней, поскольку любое исследование является поиском социальной реальности, социологическим решением относительно нее.

Чтобы постичь генезис социологической предметности, открыть ее онтологический базис, следует "вынести за скобки" сущие социального мира и выйти к социальной реальности, как таковой. Социологическое мышление объясняет одно сущее социального мира через другое, но социальную реальность так объяснить нельзя, ибо она обусловливает само социологическое мышление. Если интерпретировать доксу как "предварительные знания" о любом предмете социологического исследования, то социальная реальность - "предварительные знания" о социальной предметности как таковой, претворенные в "аксиомы" социологии, которые в силу этого не могут быть научно обоснованы, но обосновывают все социологическое знание. Представляя сущее социального мира как сущее социального мира, социологическое мышление определенным образом относится к социальной реальности, но никогда не полагает ее как таковую, поскольку она глубже и первичнее сознания. Социальная реальность есть непредметная сущность, являющаяся условием действительности (социальной) предметности как таковой. Отделение социальной реальности от сущих социального мира предполагает процедуру, сходную с "феноменологической редукцией" эмпирического социального мира<sup>79</sup>. На языке феноменологии социальная реальность означает конституирование изначальной пространственности-временности.

Укорененность социолога в социальной реальности позволяет интерпретировать научные практики как ее "открытость" (*Offenheit*) - возможность обнаружения, явления, актуальности, данности в различии

"объективированное/необъективированное". Элементарная форма открытости - расположенность (Befindlichkeit) в социальных отношениях в качестве агента, интегрированность в них. В этом заключается радикальное отличие агента от трансцендентального субъекта: он изначально расположен в пространстве-времени социальных отношений. Онтологически вовлеченность в социальные отношения означает, что агент есть не равная себе самой данность, "наличное", как синоним чего-то абсолютно объективированного, а контингентная "заданность", способная не только сама становиться другой, но и изменять, структурировать социальный мир, переходить границы утвердившегося универсума предметности, приближаясь к его социальному-историческим альтернативам, т. е. выходить за пределы сущего социального мира в целом, вступать в отношение с ним. Активно-преобразующий характер, субъективное структурирование являются предпосылками открытости как различия "объективированное/необъективированное". Изначальный способ познать социальную реальность - практически изменить социальный мир.

"Онтологическое объяснение" осуществляется через изменения, события практик. Социальная реальность не есть нечто сначала определенное, а затем открываемое: открытость означает возможность единства социальной реальности до разделения на противоположность субъекта и предмета, возможность соотнесенного с практиками "онтологического объяснения" в социологии<sup>80</sup>. Доступ к социальной реальности открыт агенту не в ощущении ее как чувственной вещи, а в событиях практик. Практики суть онтико/онтологическое определение агента, опосредствующая инстанция в отношении между сущим социального мира и социальной реальностью. В "модусе бытийствования"<sup>81</sup> социологические практики выходят в социальную реальность: как способ бытийствования, как допредикативный внеучастный опыт агента научного производства они не являются интенциональными актами, не тематизируют готовые предметности социологии и их понятийные отражения. Несомненно, практики как иное социальной реальности не более, чем один из модусов ее данности, но не она сама.

Социальная реальность - всегда событие, свершение (Geschehen) открытости. Однако социологическое объяснение не есть непосредственная интуиция или некие "фоновые практики", несовместимые с опосредствованным общезначимым познанием. Будучи фиктивными образами социальной реальности, социологические конструкты служат, тем не менее, орудиями практик, открывающих доступ к социальной реальности.

Социальное отношение недоступно непосредственному усмотрению, не является само себя социологическому опыту, но познается опосредовано, при помощи интеллектуального конструирования. Постулируемое наукой социальное отношение - вещь в узком смысле, т. е. бытие, трансцендентное сознанию ученого, а не просто теоретический конструкт, организующий социологический опыт.

Социальное отношение является условием действительности всякого присутствия; это "место", открытое для социальных явлений и вмещающее их; это чистая открытость - разрывы и сближения - предшествующая каким-либо предметным определениям. Социальное отношение не идентифицируется с отдельным множеством сущих социального мира, оно не есть, но имеет место.

Социальное отношение представляет собой пространственно-временное становление как производство/воспроизводство социальных различий: практик, их результатов, условий и предпосылок: вещей, представлений, диспозиций... - вообще всего того, что может выступать в обществе в качестве различия.

Однако социальное отношение не существует до социальных различий, в виде некоей элементарной пространственно-временное<sup>82</sup> формы вне процесса социальных

различий - неподверженной эмпирическим случайностям формы, у которой нет истории. Иными словами, социальное отношение - производство/воспроизведение социальных различий, которое ни самодостаточно, ни элементарно-просто: оно есть исторически обусловленное и различающее производство/воспроизведение социальных различий.

Присутствие и отсутствие не являются модусами социальной реальности. Социальное отношение есть присутствие отсутствия<sup>82</sup>, т. е. ни присутствие ни отсутствие, ни заполненность ни пустота - это опространствливание-овременение, т. е. ни пространство ни время, это событие, т. е. ни полагание ни отрицание. (Термин "опространствливание-овременение" употребляется Ж. Дерридой в несколько ином значении и восходит к Raum geben и Zeit geben М. Хайдеггера.) Социальное отношение не поддается снятию, не может быть "растворено" в сущих социального мира и не управляемся, не направляется каким-либо трансцендентальным означаемым вроде кантовского a priori.

## глава 5. ИСТИНА И ПРИСУТСТВИЕ

*Мы проводим эксперимент над истиной! Возможно, человечество от этого погибнет! В добрый час!*

**Ф. Ницше. Так говорил Заратустра**

*...Истина = предпосылка того, что ничто не послано и не пред- послано существованию, и что его бытие есть видимость, приход в мир, нехватка ничто, ни какой сущности. Не только без нехватки ничто, но исходя из ничто и идя в него как в то, в чем нет нехватки, и где смысл создает смысл. Одним словом, ex nihilo - но без творца.*

**Ж.-Л. Нанси. Нехватка ничто**

Социологический опыт предшествует научному дискурсу и требует быть высказанным (см.: [56]). Социолог переописывает и интерпретирует любое сущее социального мира с позиций агента, захваченного научным производством: представляет сущим-в-опыте, причем не таким, каково оно есть "в себе", а каким оно может "исполнять роль" присутствия. Наука Нового времени подвергла пересмотру понимание истины как презентации бытия, сведя доказуемость к нахождению согласования между представлениями познания, которые на деле ограничиваются формами чувства и понятиями (см.: [57, 58]). Социальная наука не столько ищет истину, сколько открывает множества феноменов для научного производства. Открытость - не субстанция, а функция, не столько объективированное знание о социальном мире, сколько действия в нем.

"...Традиционное убеждение, что "истина - это соответствие реальности", представляет собой лишь истертую и обесценившуюся метафору. <...> Представление о том, что есть какой-то один язык среди множества других, которому мир отдает предпочтение - язык, расчленяющий вещи на части - было приятным самомнением. Но сейчас оно стало слишком залежальным, чтобы служить чему-либо" [59].

Истина как непотаенность, открытость социальной реальности есть лишь при условии, что существует объективирующий необъективированное социальный агент, т. е. "такое сущее, которое способно раскрывать", причем раскрытие - способ бытийствования этого сущего [60, с. 25]<sup>83</sup>. Такая истина не есть "...своего рода награда субъекту за его познавательный акт и не дается ему просто как завершение этого акта" - она становится поступком ученого,

различием объективированного и необъективированного; ее познание дает возможность "...осуществиться самому субъекту, что реализует само его бытие" [61] как определение неопределенного. Истина как открытость не есть суждение, но конститтивное a priori социологических практик. Поскольку доктринальное отношение составляет конститтивное a priori социальных практик как таковых, то оно не может совпадать с открытостью. Следовательно, открытость можно помыслить, исходя не из социологических представлений (объективированного), а из нее самой (различия "объективированное/необъективированное").

Открытость = возможность различающего отношения к существу социального мира. Сущее является собой в открытости. Схватывание явления существа в открытости как присутствия присутствующего (необъективированного необъективируемого) есть господствующий способ социологического познания. Считается, что открытость социологического опыта обретает устойчивое постоянство и непосредственную данность в присутствии, т. е. в необъективированном. Открытость будто бы обосновывает сущее в целом в социологии. Открытость существа социального мира оказывается его распредмечиванием, свершающимся через практики агента, и последующей интериоризацией вычлененных практических схем. В современной социологии открытость существа социального мира предстает как открытость социальной реальности.

Подобная открытость предшествует социологической истине уже хотя бы оттого, что опосредствует все акты социологического познания. Представления о присутствии существа социального мира "снимает" это опосредствование, поскольку восходит к присутствию социолога как субстантивации возможности и к его способности присутствовать в социальном мире, быть релевантным ему, одновременным с ним и т. д. "Снятие" опосредствования социологического познания открытостью на деле означает утверждение вторичности присутствия относительно социальной реальности: предполагается, что присутствие существа социального мира есть представление чего-то, существующего прежде присутствия, но представленного социологом посредством его собственного присутствия в социальном мире. Мнимый характер такого "снятия" заключается в том, что присутствие существа не есть собственный момент социального мира, но конституируется научным производством. Задавая представление существа в форме присутствия, т. е. идентифицируя сущее с отражением социального мира, социология определяет его как ничто. Определяя присутствие как представление существа социального мира, одновременное с ним самим, социология тем самым и его приравнивает к ничто. Представляется, можно сформулировать "социологическое противоречие" присутствия: с одной стороны, в качестве социального факта присутствие есть модус прошедшего и/или будущего времени и как таковое "выпадает" из настоящего, а с другой, в качестве непосредственной данности, присутствие - модус настоящего. Будучи прошедшим, присутствие представляет социологу актуальное настоящее существа социального мира.

Существо социальной реальности в том, чтобы раскрывать себя предикации, происходить в открытое, истина как самораскрытие различия "объективированное/необъективированное" принадлежит самой социальной реальности. Истина как смыслообразующее a priori есть открытость присутствия существа социального мира присутствию агента, которая осуществляется в его практиках (ср. [25, с. 212-230]). Эта трансцендентальная трактовка (*veritas transcendentalis*) не исключает возможности использования концепции истины как соответствия (*veritas est adaequatio intellectus ad rem* (Thomas Aquinas).

De ver. 1, 1c)), например, в эмпирическом познании<sup>84</sup>. - Социологическая дефиниция истины выглядит приблизительно следующим образом: условием возможности истины социальной науки является объективация различия между объективированным и необъективированным. - М. Хайдеггер обращает особое внимание на двусмысленность этого определения истины: *adaequatio* здесь можно толковать как соответствие познания вещи, либо как соответствие вещи познанию [62, с. 11]. В средневековом понимании истины как соответствия *ens creatum* и *intellectus humanus* речь идет о том, что сущее и идеи направлены друг на друга и неразрывно связаны в единстве плана творения. Истина-*veritas* в сущности есть *conventio* всего сущего между собой в согласии с порядком творения [там же]. (В социологии этому соответствует принцип "онтологического соучастия": эпистемологические структуры, не разорвавшие с предположениями доктринального опыта, суть производные социальных структур, поэтому они и соответствуют друг другу.) Истина новоевропейской науки и философии в целом преображается в истину человеческого присутствия: "Философствование начинается... с сомнения, и похоже на то, как если бы все ставилось под вопрос. Но только похоже. Присутствие, Я (эго) вовсе не ставится под вопрос. Эта видимость и эта двусмысленность критической установки тяготеет через всю новоевропейскую философию вплоть до последней современности. <...> Ставится под вопрос - или еще меньше того, остается за скобками и не осмысливается - всегда только знание, сознание вещей, объектов или, далее, субъектов, и то лишь для того, чтобы сделать еще более убедительной предвосхищаемую достоверность; но само присутствие никогда под вопрос не ставится" [63].

Социологическая истина - исторический артефакт, не существующий вне социальных отношений и не обладающий абсолютной релевантностью. Присутствие сущего социального мира оказывается проспективным продлением присутствия социолога, которому оно раскрыто.

Социология не столько познает предмет, сколько представляет его очевидным, устойчивым и определенным; не только постигает истину, но и производит ее (см.: [64]). Ее основное стремление - утверждение более достоверного знания. Однако единственной достоверностью выступает социологический опыт, включающий воление и желание самого познающего агента: устойчивая достоверность есть то, что удостоверено и признано социологом, вписывается в его представления о социальном мире, удобно и выгодно для него (ср. [62, с. 15-16, 19-21]). Стремление к достоверности социологического познания есть сублимация *libido dominanti* социолога, средство определяющая достоверности социальной реальности исследователю. Истина определяется действиями агента научного производства, направленными на исследование предмета и имеющими конечной целью точное и исчерпывающее знание, выступающее условием доминирования над неистинным или непознаваемым. Истина становится чем-то вроде проективного теста для социолога.

Представления социолога активно встраиваются в социальный мир. Социология, служащая "демократическому сообществу", превращает истину в "инструмент социального прогресса" [65]. А какую истину производит "недемократическая" социология?

Поворот в направлении научного мышления состоит в разрыве истины с достоверностью:

"Чистое представление не различает между достоверностью и истиной. <...> Наука, напротив, должна по существу различать понятие истины от... достоверности..." [66].

Социальная реальность как сторона взаимосоотнесенности-различения

объективированное/необъективированное (различия "сущее социального мира/социальная реальность") не входит в обосновывающий опыт очевидности, поскольку "...само по себе не является собственной достоверностью, не является равным ни себе, ни своему смыслу" [67]. Исходя из различия "объективированное/необъективированное", социология конструирует связь сущего-в-опыте с социологическим *arche* - присутствием как организующим принципом сущего и познания в науке<sup>85</sup>, сообщающим знаниям о социологической предметности объективную достоверность. Социологическое переописание и интерпретация сущего-в-опыте в качестве присутствия есть способ его использования в целях изменения социальных условий существования и возвышения социолога "...до новых задач и способов действия..." [68]. Цель, или назначение, науки заключается в том, что благодаря ней становится возможным "...использовать к нашей выгоде предвидимые нами действия и на основании наших знаний по мере сил и способностей планомерно вызывать эти действия..." [69]. "Знать" неотделимо от "мочь", "быть в состоянии" [70]. Это согласуется с интерпретацией истины как воли к власти. Познавая сущее в его присутствии, социолог рискует приписать ему определенное наперед заданное присутствие.

Присутствие есть не определение сущего, а форма его представления: сущее является представленным (социологу и социологом) или, точнее, произведенным. Идея присутствия есть онтологическая проекция, перспектива, интеграл присутствия социолога. Несомненно, присутствие социолога не тождественно социальной реальности, но оно плодотворно в той мере, в какой позволяет раскрыть через предметно-чувственный социальный мир условия его возможности. Значение "присутствия" задается способом его употребления (см.: [71, с. 331]), зависящим от профессиональной доксы социолога, неявного контекста инструментального "знания каким образом"... (см.: [72]). Социальный мир выступает как проекция, перспектива, спектр присутствия. Присутствие означает "образец" социологической реальности, попытку интеллектуальной реконструкции (потому что "сознание есть бытие, для которого оно в самом его бытии является вопросом его бытия, поскольку это бытие содержит в себе бытие иное, чем оно само" [73]) такой реальности, которая была бы похожа, насколько это возможно, на присутствие социолога.

Прибавление. Несмотря на все вышеизложенное, социологи имеют все резоны не расставаться с идеями истинности и объективности. Пробуя расширить понятие "истина" до понятия "открытость", мы обращаемся к различию между объективированным и необъективированным, а также к соотношению открытого и скрытого, истинного и неистинного в социальной науке. Тем самым мы изучаем условия истинности, что отнюдь не равнозначно сомнениям в существовании социологической истины как таковой. Так же и выявление различия между рациональным и внеациональным, логическим и прагматическим в социальной науке - это поиск факторов, обеспечивающих ее рациональность. Практическая (шире - социально-политическая) плодотворность социологии вряд ли может быть достигнута вне ее собственно познавательной эффективности, вне производства рационального знания. Несмотря на то, что социологический опыт производится в непознавательном, доксическом контексте, устанавливается он, в том числе, как конструктивный, способный к выработке рационального знания.

## глава 6. СОЦИОЛОГ КАК HOMO SOCIOLOGICUS

*Микеланджело придал куполу собора святого Петра самую красивую форму, какая только возможна. Геометр де Лагир, пораженный совершенством этой*

*линии, построил ее эпюру и заключил, что она отличается самой высокой точностью. Кто подсказал эту кривую Микеланджело, который мог выбрать любую другую среди бесконечного множества линий? Да просто повседневный опыт.*

*Именно он, этот опыт, уверенно подсказывает и простому плотнику и блестательному Эйлеру верный угол контрфорса стены, грозящей обвалиться, и он же учит мастера, как придать крылу ветряной мельницы самый выгодный для вращения наклон, и это он помогает человеку ввести в его расчеты такие хитроумные приемы, до каких академической геометрии вовек не дойти.*

### **Д. Дидро. Опыт о живописи**

Говоря о социологе, мы не имеем в виду некое личностное содержание ученого. Социолог - всего лишь сущее-посредством-опыта и сущее-в-опыте, т. е. не эмпирический, а "сконструированный" социологией индивид [74]. Научное производство движется своим агентом, но не индивидуальностью, не трансцендентальным субъектом, и этот агент, определяемый внутри социальных отношений и ничего не значащий вне них, исчерпывает все возможности социологического опыта. Научная дисциплина начинается с "очуждения" (Verfremdung) очевидности социолога - она не демонстрируется, а демонтируется, деконструируется. "Очуждение" позволяет установить дистанцию между эмпирической индивидуальностью и агентом социологического производства, увидеть социологу самого себя и своих коллег в новой перспективе; такое "остранение" является средством социологической критики и самокритики.

Социолог не самотождественен, он не пребывает в равновесии, постоянно направлен на какое-то сущее социального мира<sup>86</sup>, устремлен в будущее, и это различие, отрицание самого себя есть осуществляемая в (социализированном) пространстве-времени практика, а не "...отношение, которое относится к самому себе и в этом к-самому-себе-отношении относится к некоему другому" [75]. Практики социолога суть условие действительности, отличной от него. Его присутствие - не онтологическая константа или человеческая "сущность", предпраленная существованию. У социолога нет "сущности" или изначальной, трансцендентной "природы" - он формируется конкретно-историческим научным производством. То, что придает социологу его характер социолога (в смысле: die Seiendheit des Seienden) не определяется предикативным вопросом "что это?", но заключается в практиках, которые его непосредственно конституируют, полагают вне возможности (ср. [76]).

Социолог - это социологический факт. Отношение научного производства с социологом как его агентом - "несубстанциальная субстанция" социологического опыта. В присутствии социолога происходит "встреча" Я и Другого, вещей-для-меня, вещей-для-него и вещей-для-себя. Присутствие социолога контингентно; оно - возможность быть таковым, каково оно есть, или иным. Оно несамодостаточно и вследствие этого представляет собой непрерывное трансцендирование, преодоление своей границы, выходжение за свои пределы - в бытийствование сущего и интерсубъективность, - проявляющееся в полагании и выражении смыслов. Присутствие социолога отличается и от интеллигibleльного сознания, и от наличного бытийствования вещи, поскольку оно онтически является онтологическим, предметно-чувственно выражает условия возможности социального мира. Онтологическая истина может оставаться проблематично неопределенной, нетематической и непредметной, но ее соприсутствие в отношении социолога к сущим социального мира есть условие любого онтического (фактического) социологического познания.

Присутствие социолога - это всегда бытийствование-в-социальном-мире, так

что нельзя мыслить его отдельно от социального мира, и расщепление на "присутствие социолога" и "социальный мир" производится только в теории. Онтологическое присутствие социолога открывается через социальные отношения, "расположено" в них: онтология присутствия социолога - состояние в "социальных отношениях". Присутствие социолога есть бытийствование-в-социальном-мире, а бытийствование-в-социальном-мире - это общающееся бытийствование<sup>87</sup>, социальное отношение между бытийствованием сущего социального мира и бытийствованиями других сущих социального мира. Отношение бытийствования социолога к бытийствованию другого сущего социального мира является необходимым условием всякого социологического опыта, понимаемого как научное постижение сущего, практическое "овладение" им, его социальное "присвоение".

Социологическое познание направлено на сущее социального мира, которое в социологическом опыте раскрывается как то, что? оно есть, исходя из него самого. Эта направленность определяется присутствием социолога, как трансцендентальным условием познанного в его связности. Присутствие социолога раскрывается как событие социального мира, в нем со-видится социальная реальность, и становится высказанным оно лишь в отношении к социальному миру - в доксе и социологических практиках. Но социальная реальность была бы имманентна социологу лишь в том случае, если бы он был абсолютным сознанием, не нуждающимся ни в чем конкретном, поскольку ему открыты всеобщие законы, по которым производится/воспроизводится социальный мир. Однако перед абсолютным сознанием, владеющим социальной реальностью как своей необходимой сущностью, не стоит проблема познания.

Присутствие предмета соотносительно синтетическому акту, включающему в себя структуры интенциональности и знания, вследствие чего репрезентативные и когнитивные моменты образуют некое единство<sup>88</sup>, а само присутствие конституируется в качестве объекта созерцания и объекта знания и представляется социологу как извне, так и изнутри. Полностью связанное с человеческим существованием, присутствие социолога захватывает социологическое познание. Понятие присутствия релевантно, поскольку отнесено в самом себе к созерцанию присутствия социолога. Мы открываем присутствие социолога в присутствии всякого присутствующего потому, что оно предпослано каждому предмету исследования как сущностная структура социологического опыта, соединяющая онтику и онтологию, созерцание и предельные смысловые возможности социологического дискурса.

Практики, которыми социолог непосредственно устанавливается, полагается в действительности, прекращает небытие и начинает быть самим собой, суть отсутствие присутствия социолога. Указанные практики - онтическая реализация присутствия социолога, но они не являются чем-то внешним для отношения присутствия социолога к его бытийствованию: данное "бытийное отношение" составляет содержание бытийствования социолога, т. е. важны не только акты практик, но и их направленность на собственное бытийствование социолога.

"Онтическо-онтологический характер присутствия социолога" есть пересечение присутствия социолога как предмета практик (= бытийствования социолога) и их актуального осуществления, так что предмет практик и сами практики выступают различием одного и того же - присутствия социолога. Следовательно, практики социолога можно охарактеризовать как практическое бытийствование, содержание которого составляют направленные на него практики, а самого социолога - как практическое сущее. Поэтому социолог не есть наличное сущее социального мира, бытийствование которого для социологии является фактом: его бытийствование для социологии есть, во-первых, проблема<sup>89</sup>, и, во-вторых,

- практики. Человек становится для социологии социологом, когда он существует для нее практически, актуально.

Содержание "бытийственного отношения" социолога к своему бытийствованию (т. е. содержание социологических практик) сущностно связано с научным производством, агентом которого он является: данное содержание - социологическое объяснение. Это означает, что социолог постольку присутствует, поскольку объясняет свое присутствие. И обратно: ввиду практического характера своего бытийствования социолог присутствует так, как он себя объясняет.

## глава 7. ПРИСУТСТВИЕ СОЦИОЛОГА

*I only say, suppose this supposition.*

**Lord Byron. Don Juan, canto I, st. LXXXV**

Социолог фактичен (онтичен), он производит практики фактично. Факт осуществления практик еще ничего не говорит социологу о том, как его объяснять: практики производятся в открытой эпистемологической перспективе объяснения собственной фактичности социолога, реинтерпретации его прошлого и проектирования его будущего. Поэтому социологическое знание сущностно связано с выбором и практической реализацией какой-либо из возможностей присутствия социолога.

Присутствие социолога - его собственное единство и тождество, то, чем он себя полагает как социального агента в самом себе и для самого себя. Но "самотождественность" социолога как отношение к самому себе всегда опосредствовано социальными отношениями, его габитусом и социальной позицией.

Сущностное онтическое свойство присутствия социолога - объяснение - представляет саму социальную реальность. В акте объяснения социолог трансцендирует (переходит) границу между социальной реальностью (онтологией) и сущим социального мира (онтикой), и это трансцендирование, определенное выше как онтологичность онтического, есть *a priori* присутствия социолога и всего социологического познания. Трансцендирование практиками социолога различия объективированного и субъективированного как различия сущего социального мира и социальной реальности - вот что такое присутствие социолога. Такое понимание *a priori* восходит к М. Хайдеггеру, согласно которому трансцендентное есть то, что трансцендирует, "...это не вещи в отношении к Dasein: трансцендентное - это само Dasein" [60, с. 230]. Отсюда следует, что *a priori* укоренено в присутствии социолога, и трансценденция по отношению к существу социального мира впервые осуществляется в преодолении (объяснении) его границы, в акте перехода через нее в процессе социологического познания.

Трансцендентно то, что не имеет основания в предмете, а укоренено в самом процессе социологического познания, взятом как научное производство.

Трансценденция в социологической теории выражает неустранимое конструирование. Социолог трансцендирует, поскольку устраняет всякую наличную данность. Это конструирование сущностно связано с теми социальными отношениями, в которых реализуется социологическое познание. Коль скоро отношения научного производства непрозрачны для вовлеченных в них агентов (не могут быть сведены к осознанным отношениям или отношениям в сознании), практики по социо-логическому конструированию содержат "непознаваемое" как собственный момент. Это "непознаваемое" кодируется в социологическом

дискурсе как "трансцендентное". Итак, трансцендентное может быть сведено к трансцендентальному социологических практик: к тому, что социолог должен реализовать как условия познания. Например, утверждение, что все события социального мира могут быть объяснены, есть "трансцендентальная" установка - продукт научного конструирования. Любое социологическое объяснение предполагает первоначала, остающиеся вне объяснения. Эти первоначала (например, упорядоченность-изменчивость) суть трансцендентальные конструкты. Сущностная определенность присутствия социолога заключается в его открытости, традиционно понимаемой как данность, явленность, открытость ему существующего социального мира. При этом открытость присутствия социолога совпадает с открытостью ему существующего-в-опыте: практики агентов производят различие "объективированное/необъективированное", только благодаря которому может быть явлено всякое существующее социального мира.

Трансцендирование присутствия социолога представляет собой открытость аналитическому вычленению и синтетическому объединению. Открытость присутствия социолога - это открытость существующего-в-опыте, его практики открытия, взятые как практики различия объективированного и необъективированного: основной способ "быть открытым" - различать тематизированное и нетематизированное, предикативное и непредикативное. Сущность (*Seiendheit*) социологических практик заключается в установлении связи многообразного и различного. Однако связь многообразия различного есть возможность, а не действительность, и социолог пассивно синтезирует и активно реконструирует ее, исходя из разрешающей возможности связывания как осуществляющего возможного.

Исходный модус объяснения присутствия социолога не есть очевидность *cogito ergo sum*, так как присутствие социолога затронуто отсутствием, содержит его в себе как неизбежный компонент: присутствие невозможно вне различия "объективированное/необъективированное". Следовательно, присутствие социолога для него самого проблематично, а не аподиктично. Парадокс заключается в том, что *cogito ergo sum* на деле оказывается необъективированным социальным представлением, утверждающим самотождественность мыслящего субъекта, т. е. обыденным сознанием, возводящим себя в философское достоинство. Познавательные практики социолога не только объективируют необъективированное, но и объективируют само различие "объективированное/необъективированное": трансцендируют универсум наличного социологического знания, проблематизируют и переистолковывают его в открывающемся социологу горизонте эпистемологических и социально-политических возможностей. Поэтому практически-проблемное трансцендирование в качестве основополагающей структуры открытости для социолога любого существующего социального мира (т. е. в качестве *a priori*) "обосновывает" присутствие социолога и его практики: тематизация различия "тематизированное/нетематизированное" есть условие эффективности практики социальной науки.

Необходимым моментом присутствия социолога выступает присутствие предмета исследования. Изначальное наличие присутствия предмета исследования в присутствии социолога имеет практическое значение, поскольку со-присутствие выступает неотчуждаемым определением социологических практик. Присутствие предмета исследования - онтико-онтологический аспект трансцендирования социолога. Дело в том, что опыт трансцендирования социологом социальной реальности первичен по отношению как по отношению к опыту присутствия социолога, так и по отношению к опыту присутствия существующего-в-опыте.

Конститутивное со-присутствие социолога и существующего-в-опыте есть взаимодействие

их бытийных возможностей, понимаемое как практическое взаимодействие. Присутствие предмета обнаруживается лишь в присутствии социолога, а присутствие социолога открывается в присутствии предмета. Присутствие социолога не есть ни только объект, противостоящий социологу (созерцаемый и/или мыслимый им), ни только субъект. Присутствие социолога субъективно, но его субъективность того же сорта, что и объективность любого возможного объекта социологических практик. Более строго, присутствие социолога ни субъективно, ни объективно, поскольку оно субъективнее любого субъекта социологических практик, и, вместе с тем, объективнее любого возможного объекта.

Социальные отношения являются необходимым условием и предпосылкой всякого познания, социологический опыт есть опыт научного производства. Присутствие не вещь, а событие, которое случается с социологом, его опыт, но это не событие и опыт "просто" человеческой жизни, а события и опыт социологического производства. Присутствие, входящее в сферу социологического опыта, становится не только "социологической вещественностью", но и "социологической чувствительностью", выражающей "жизнь социолога". "Воплощая в жизнь" высшие ценности науки, присутствие превращается в социологическую политику, или политику социологии.

Присутствие есть, в том числе, обличье ставшего безусловным "научного мировоззрения", которое амальгамировало "идеи" и "ценности", объединило раздельные прежде области науки, политики, эстетики (ср. [78]).

В структуре очевидности социологического опыта заложена "конвенциональная метафизика" присутствия, включающая в себя спектр абстрактных концептов, которые постулируются как фактические, обладающие конкретной достоверностью. Инвентарь присутствий, признаваемых социологией, можно найти, например, в определении ее предмета. В российском варианте второй половины 90-х годов в него входили: социальные общности, социальные отношения и институты, нормы, личность, событие (как действие социального агента) и др., причем особо подчеркивался нефилософский характер социологии, ее опора сугубо на социальные факты [79].

Считается, что социальные различия схватываются в единство мыслимого социологического предмета благодаря интенциальному *ego cogito* социолога, т. е. посредством его самотождественного присутствия. В таком случае "знаю" социолога выражает единство трансцендентальной апперцепции *ego cogito*, а присутствие сущего - представление "живого настоящего" как смыслового "сейчас" в горизонте *ego cogito* социолога, представление, приравненное к самой временноти социального мира.

Социолог - источник происхождения присутствия социолога, присутствие социолога - источник происхождения присутствия [предмета исследования], присутствие [предмета исследования] есть источник происхождения социолога, ибо социолог конституируется исследованием. Присутствие предмета исследования и исследователя неразрывно связаны между собой. Источником происхождения социолога и присутствия предмета исследования является научное производство. Институциональный характер социологического исследования обуславливает опредмечивание сущего в присутствии. Социальная наука "набрасывает" на сущие "расчерчивающий росчерк" или "основную схему" происходящего в социальном мире, и "...такой набросок есть предначертание, каким именно образом познанию в его движении вперед надлежит сообразовываться, связываться..." с раскрытой сферой социологического познания [80, с. 137]. Социологическое исследование встраивается в сущее социального мира, преобразуя его в присутствие. Социальная наука опирается

на проект своего предмета, полученный в результате "набрасывания". Она опирается на присутствие - схему существа социального мира, произведенную научным предприятием, которое является институцией со своими специфическими интересами, определенным социально-политическим статусом, экономическими, организационными и символическими ресурсами.

"...Всякая наука, будь то наука естественная или наука о духе, только тогда обретает в наши дни подлинный вес и авторитет, когда становится способной организоваться как особая институция. Но не потому исследование есть предприятие, что научная работа протекает в институтах, но институты необходимы потому, что у науки как таковой характер предприятия, коль скоро эта наука - исследование" [80, с. 142].

Присутствие для социолога есть социальная действительность в смысле объективности опыта, в смысле *actualitas* и в смысле самопознающей субъективности. Социолог образует из присутствий социологическую действительность, замещающую данную, наличную: в социологии действительно то, что не противоречит социологическому опыту. Присутствие присутствует в роли конституенты социологической действительности, и в то же время оно социологически эквивалентно замещаемому предмету, не будучи предметом.

Присутствие тождественно и не тождественно себе. В нем обнаруживается его иное - отсутствие - и иное отсутствия - присутствие отсутствия, которое и является социальной реальностью, той онтической метафорой бытийствования, которое не есть. Присутствие отсутствия - это отнюдь не представление присутствия. Социальная реальность как присутствие отсутствия есть присутствие отсутствующей основы сущего [социального мира] в целом.

Социальная реальность снимает в единстве становления абсолютность изначальных категорий бытия - пространства и времени, синтезируя их в форме опространствивания-овременения. Содержанием этой формы является, во-первых, овременение пространства (последовательность во времени), понимаемое как становление, текучесть, несамотождественность отношений порядка в социальном мире. Во-вторых, опространствование-овременение - это опространствование времени (одновременность в пространстве), т. е. установление устойчивых моментов во временных последовательностях, генетической целостности серий социальных событий, причинно-следственных рядов. В качестве опространствования-овременения социальная реальность является и условием и результатом самой себя. Здесь необходимо заметить, что сориентированная на метафизику социологическая теория редуцирует

пространственное-становление-времени к социальной реальности, полагаемой как стабильная "себетождественная структура", т. е. присутствие вне

опространствования/овременения.

Будучи становлением, опространствование/овременение приостанавливает присутствие (бытие-настоящим). Оно заключает в скобки в скобки трансцендентальные измерения социальной науки.

Опространствование/овременение является собой недоступную феноменологическому созерцанию сущность, ненаглядную и ненаблюдаемую структуру; оно делает возможным основание социальной реальности и сущего социального мира на различии между ними, понимаемом как различие между необъективированным и объективированным. Однако в силу того, что опространствование/овременение не обладает непосредственно достоверной всеобщностью и необходимостью, не может быть феноменологизировано, оно не в состоянии играть роль абсолютного или метафизического основания.

Социальная реальность есть свершение различного пространства-времени90 - которое всегда дано и принципиально непонятно изнутри сущего - в

событии<sup>91</sup> (как связи целостности) присутствия. Присутствие здесь понимается как полнота единства пространственно-временных модусов, как целостный пространственно-временной поток (ср. [82]), а событие - это явление места, которое предоставляет место всему остальному, появление пространства-времени как такового. Опыт социальной реальности как изначальной пространственности-временности - упорядоченности (время) и взаимоотнесенности (пространство), - является опытом замыкания пространственности-временности изнутри пространства-времени. Опыт социальной реальности представляет собой опыт связанности человека с миром, включающим в себя упорядоченность/расположенность всех свойств и событий.

Присутствие, благодаря которому появляется отсутствие, есть его собственное отсутствие. Присутствие и отсутствие "не одно и то же", они "абсолютно различны, но также нераздельны и неразделимы" [83]. Присутствие и отсутствие со-принадлежат друг другу. Отсутствие таким образом укоренено в присутствии, что возможна лишь ограниченная его открытость познанию: различие "объективированное/необъективированное" не может быть преодолено или устранено. Присутствие можно мыслить исключительно в его отношении с отсутствием: какие бы сущности не стояли за ними, присутствие или отсутствие обретает свое значение лишь ввиду отсутствия другой сущности. Отношение присутствие-отсутствие есть условие действительности любого социального факта: на месте присутствия появляется отсутствие, и наоборот.

Мерой социологической практики могут служить ее собственные эпистемологические альтернативы (см.: [84]). Альтернативой абсолютизации присутствия выступает отсутствие: под присутствием следует понимать не означаемое (свойство или объект), но различие, а именно: различие между присутствием и отсутствием как различие между нетематизированным и тематизированным. Присутствие есть различие - замкнутая структура различия "необъективированное/объективированное", которая конституируется присутствием (внутренний полюс оппозиции) и отсутствием (внешний полюс). Только оба полюса производят различие, производят присутствие, и все, что можно описать с помощью этого различия, относится либо к присутствию, либо к отсутствию.

## глава 8. О НАИВНОЙ И АНГАЖИРОВАННОЙ СОЦИОЛОГИИ

*...Влияние писателя огромно, оно намного превосходит непосредственно совершаемые им действия - настолько, что скучная реальность его действий вообще не перетекает на его влияние, которое не может по-настоящему опереться на нее, чтобы развернуться во всю ширь.*

**М. Бланшо. Литература и право на смерть**

*Мысль - всегда немного одиночество. Когда ее ангажируют, она может отклониться [в сторону]. Я знаю это. Я понял это будучи ректором в 1933 году в трагический момент немецкой истории. Я ошибся. Остается ли философией ангажированная философия? Что знает философ о том способе, которым философия реально воздействует на людей и историю?*

**Беседа с Хайдеггером. "L'Express", 20-26 oct. 1969**

"Беспредпосыплючной" науки не существует, поэтому необходимо исследовать то, что в глазах ученого обладает очевидностью, понятно само по себе -

таков, согласно М. Веберу [85], императив социологии. Одной из важнейших предпосылок конвенциональных понятий, входящих в "здравый смысл" социологического сообщества, являются политические представления. Социология внутренне связана с политикой, поскольку изучает устройство социального мира, который политика пытается "обустроить"<sup>92</sup>.

В социологических понятиях *a priori* задано то, что следует произвести с их помощью, причем трансцендентальное калькируется с эмпирического, изначальное "в(дение)" выводится из перцептивного "зрения" (ср. [86]).

Интерпретируя различие между априорным и эмпирическим как различие между объективированным и необъективированным, необходимо отказаться от понимания априорного как трансцендентального и признать его исторический [87, с. 215], социокультурный и, следовательно, политический характер. Априорные установления не могут подкрепляться фактами, поскольку они сами задают рамки, "...в которых вообще могут выступать факты"; процесс их обоснования заканчивается в "историческом фоне", который сам, в свою очередь, образовался из другой "фоновой глубины" [88]. Иными словами, социологическая концепция (как интерсубъективно конститутивный для социологического опыта априорный элемент) не есть слепок или "отражение" содержания социального мира, она активно продуцирует само это содержание, исходя, в том числе, из социокультурного опыта социолога. Этот жизненный опыт, даже если он переживается как радикально деполитизированный, на самом деле является продуктом политического производства.

Приравнивая социологический опыт к социальному, исследователь нередко не конструирует эксплицитно свой предмет, а использует легитимные практические схемы, составляющие доксу. Какова "диалектика" понятийно выраженного социологического знания и легитимных практических схем, проявляющихся в классификациях и иерархизациях, видениях и делениях социального мира, которые зафиксированы в дискурсе государства и СМИ, системе образования и "массовой культуре", а также в практиках агентов? Практическая схема "содержится" в исполнении любой практики. Легитимная практическая схема не только "заключена" в осуществлении легитимной практики, но и полагается социологией как одно из условий ее возможности<sup>93</sup>. Утверждается непосредственность и неопровергимость легитимной практической схемы, ибо считается, что она всегда предполагана свершающимся практикам. Но легитимная практическая схема не есть знание, тем более, - тематическое или предметное. Она может стать пред-знанием или предпонятием доксы, может даже оформиться в социологическое понятие, но для этого необходима деятельность профессионалов научного производства. Однако насколько понятие сконструировано посредством рефлексии над нетематической практической схемой, настолько понятие не может ее отрицать: понятие будет неадекватным, если оно опровергается условиями своей возможности. В частности, практические схемы агентов составляют часть такого социологического факта, как "нация", в силу чего социологическое понятие "нация" не может им противоречить, но включает в себя определенные смыслы соответствующих социальных действий<sup>94</sup>.

Тематическое, понятийное выражение легитимных практических схем реализуется как "синтез *a priori*" (не по И. Канту), формулирующий новое знание с всеобщей и необходимой значимостью, а потому исполняющий роль "парадигмы" содержательных суждений в пределах социологии в целом. Социо-логическая схема такого "синтеза" выглядит следующим образом. Социологические суждения о существе социального мира обосновываются рефлексией над производящими/воспроизводящими их практиками агентов, а также социальными условиями возможности практик. Практические схемы - одно из

условий возможности практик. "Главные утверждения" социологии получены изучением легитимных практик (нелегитимные определяются через отклонение от них, т. е. как девиантные) и их условий, поэтому теоретическая рефлексия осуществляется над легитимными практическими схемами<sup>95</sup>. В свою очередь, легитимные практические схемы суть интериоризированные объективные структуры и поэтому имеют всеобщее значение<sup>96</sup>. Легитимные практические схемы выступают субъективным моментом социальных отношений. Они доступны непосредственному пониманию и выражают единичный и случайный опыт агентов так, как если бы он был всеобщим и необходимым структурным инвариантом социального мира. А priori социологической теории (под коим мы подразумеваем эмпирическое историческое a priori) "субъективно" обладает признаками безусловной необходимости, непосредственной доступности пониманию и достоверности. Речь не идет о том, что эти абсолютные признаки даны абсолютно: "безусловная необходимость" есть социально обусловленное представление о "безусловной необходимости"<sup>97</sup>. (Это относится и к "непосредственной доступности пониманию" и "абсолютной достоверности".) Какая же позиция эффективнее других может сформировать представления об абсолютности своих представлений? Государство, претендующее (успешно) на монополию легитимного символического насилия<sup>98</sup>.

Согласно Э. Дюркгейму и Э. Кассиреру, П. Бурдье и Н. Элиасу, П. Бергеру и Т. Лукману, политический порядок - это порядок в основном символический: политические структуры суть объективированные представления и, в частности, системы классификации существ социального мира. Поэтому политическая борьба имеет символическую природу и ведется, в сущности, за сохранение или изменение сложившейся социально-политической структуры посредством сохранения или изменения в(дения социального мира, которое можно трактовать как легитимную систему социально-политической классификации. Внешней целью политической борьбы выступает монополия использования материальных и символических ресурсов государства, а истинной - монополия производства и распространения системы легитимной классификации социального мира, потому что именно она, в конечном счете, обуславливает политические практики. Точнее, с одной стороны, система социально-политической классификации воздействует на агентов, которые ее принимают, с другой - практики этих агентов воздействуют на социальную действительность, приближая ее к легитимному представлению о ней.

Социология не может существовать в некоем интеллектуальном утопическом поле, независящем от политически заряженного здравого смысла<sup>99</sup>, предпонятийных очевидностей исторического и социокультурного "фона" и т. п. Мы всегда мыслим в пространстве предстающих в качестве очевидных, "натурализованных" обыкновений, которые управляют мышлением и освобождают нас от размышления.

Поэтому гетерогенной частью социологии является не-на-учное в ней, например, политика. Политика не только в смысле радикально "иного" социологии, но и как условие ее возможности<sup>100</sup>. С одной стороны, утверждая автономию социологии, мы ставим ее в зависимость от внесоциологических определений (философии, политики...), с другой, утверждая полноту социологии как опыта, мы не полагаем ничего внешнего по отношению к ней (но вместе с тем теряем внешние гарантии). Этому соответствуют два образа социологии: как материализованной "системы метафоры истины" и как политического (государственного, общественного) "аппарата". Они несводимы друг к другу, и точка зрения на социологию каждого исследователя зависит от того, по какую "сторону баррикады" он в данный момент находится.

Важнейшим средством социологического объяснения является классификация - система соподчиненных понятий (логических классов объектов социального мира), - которая раскрывает отношения между исследуемыми объектами и ориентирует социолога в их многообразии. Социальные классификации, зафиксированные в доксе, "непосредственно примыкают" к социологическим: и те и другие представляют собой иерархизированные системы понятий, объекты социального мира в которых "...не просто расположены изолированными друг от друга группами; эти группы поддерживают между собой определенные отношения, а их совокупность образует единое целое" [89]. Но иерархия логических классов объектов социального мира означает или отражает их действительную социальную - и/или политическую - иерархию, т. е. существующие между ними отношения господства/подчинения/независимости. Поэтому всякая социологическая классификация имеет политические коннотации, она изначально "...есть способ подавления: латинское слово *ordo* имеет два значения: "порядок" и "угроза"" [90] и в силу этого политически нагружена. Ближайшим образом, социолог не стоит перед выбором: быть или не быть втянутым в политическую борьбу: он всегда либо находится под сенью или в свете Власти<sup>101</sup>, либо осиян своей внеположностью ей. Граница между энкратическими (принадлежащими власти) и акратическими (внеположными ей) теориями применительно к социологии коррелирует с различием между основанными непосредственно на доксе и парадоксальными теориями<sup>102</sup>.

Что такое "наивная социологическая теория"? Перефразируя И. Канта, теоретическую наивность можно назвать "вспышкой" доксы, противостоящей тому, что стало "второй натурой" социолога - научному производству и его критической рефлексии [91]. От наивного социолога требуется, чтобы докса "одержала в нем победу" над наукой, "...произойдет ли это помимо осознания и воли личности или будет полностью осознано последней" [92]. Наивность есть самоочевидность социолога для самого себя, она служит его самооправданием. Сущность самоочевидности и самооправдания - воля к власти. Наивный социолог глаголет "от имени и по поручению" доксы, делающей его непогрешимым и устраниющей основания для различия научных и политических смыслов. Докса - не только своеобразное хранилище расхожих "истин", в котором аккумулируются представления о правдоподобном, но и "архив" в значении, которое придавал этому термину М. Фуко, т. е. закон того, что может быть высказано (см.: [26]). Правдоподобное может не соответствовать действительности, но оно всегда отвечает обыденным представлениям о социально возможном, а наивная социология опирается именно на них. Воспринимаясь как нечто очевидное, не подлежащее сомнению, правдоподобное, усвоенное наивной социологией, вполне соответствует роли массовой социологии, коль скоро "массовый читатель" потребляет ее наравне с журналистикой, публицистикой или астрологией. В наивной социологической теории любое суждение оказывается носителем политического начала, зависящего от требований текущего момента. Поскольку наивный социолог не разорвал с предположениями, поскольку он не мыслит себя вне связи с "широкой публикой", "массовой аудиторией".

Наивная социология прячет под личиной "естественной социологической установки" то, что надлежит мыслить как буквальное - отношение вовлеченности, политическую заинтересованность. Политические ценности выступают в качестве внетактической опоры для наивного социолога, не производящего ни репрезентативной, ни конструктивной теории: он лишь объективирует свое практическое чувство, прибегает к символическим стратегиям, непосредственно побуждающим к политическим действиям. Из этого

не следует, что наивная социология всегда исходит из ложных представлений о социальной действительности, но в любом случае она не стремится к максимальной интеллектуальной ясности.

Наивный социолог, утверждающий беспредпосыльность своей науки, находится в пленах у непосредственной очевидности доксы как совокупности достоверных "фактов". Таким образом очевидность приобретает нормативный характер: неправдоподобие приравнивается к трансгрессии и осуждается с позиций "естественных" моральных и политических ценностей.

Наивная социология преподносит историческую доксу как природу и поэтому выполняет функцию мифа: она не отрицает сложившегося положения вещей - напротив, она говорит о нем, но "очищает" социальные ситуации и факты, "...осмысливает их как нечто невинное, природно-вечное, делает их ясными - но не объясненными, а всего лишь констатированными" [93]. Натурализуя, деполитизируя политику, наивная теория тавтологически воспроизводит дискурс мобилизации, дискурс основания политического движения или государства.

Наивная социология, объясняя, утверждает и подтверждает социальный мир и политический порядок 103. "Социологический разум" здесь полагает себя как "волю в воле" (ср. [94]).

Социологическая теория либо представляет и выражает доксу, либо, отправляясь от доксы как от исходного пункта, производит радикальный разрыв с ней. Первое делает теорию наивной, второе - ангажированной 104. Согласно Ж.-П. Сартру, социолог всегда *engagé* ( - захвачен, вовлечен, втянут в политику, причастен ей, *volens nolens* делает политический выбор. Но можно быть "политиком неведомо для себя", "наивно", доксически, а можно "ангажироваться" - взять на себя ответственность за свои практики, отрефлектировать свою профессиональную причастность к производству/воспроизводству политического порядка. Социолог - "человек, называющий все по имени" - наделен символической властью. Ангажированный социолог знает, что его теоретические суждения - практики, он знает, что изображать социальную действительность "...значит изменять и что невозможно обнажать, не задумав изменить"; знает, "...что он - человек, впервые называющий то, что еще не было названо или не осмеливалось открыть свое имя, он знает, что( заставляет "возникнуть" слово "любовь" и слово "ненависть" и что вместе с этими словами возникнут и ненависть и любовь между людьми, которые еще не определили своих чувств" [95]. Ангажированный социолог не вырабатывает "политическую волю других" непосредственно, но изучает доксу, очевидности, здравый смысл, тем самым "переоценивая ценности", подвергая анализу, привычные способы мышления и действия, а это подготавливает возможность новой "политической воли" [96].

Ангажированный социолог пытается не применять свои политические убеждения как регуляторы профессиональной деятельности. Различие "истина/не-истина" не должно стать политическим вопросом - вот к чему он стремится. Вместе с тем, ангажированный социолог осознает, что его наука не способна производить "окончательные результаты", поскольку во многих сферах социального мира невозможно достичь консенсуса по поводу "образа желаемого результата", и полярные концепции могут различаться не столько своим когнитивным статусом, сколько объективированными в них интересами (ср. [97]).

Различие наивной и ангажированной социологии, выявляя два подхода к доксе, - в одном случае она имплицитно принята, в другом эксплицитно внеположена, - имеет принципиальное значение для понимания сути "политического участия" социолога. Наивный социолог стремится поучать и руководить (вспомним "социологию перестройки" и сменившую ее "социологию

перехода к рынку"), определяет себя и политического агента через взаимную рефлексивную подмену - социолог как политик, а политик как социолог,- и поэтому его научный текст имплицитно содержит в себе фигуру чтения и понимания, свойственную автобиографии [98]; ангажированный социолог лишь предоставляет в распоряжение агентов неизбежно ограниченные и исторически условные объяснения социального мира. Наивный социолог пишет непосредственно, ангажированный - опосредствует свои тексты предвосхищением их рецепции. Наивный социолог стремится непосредственно - через политические институты или "элиту" - влиять на "реальную политику", причем *hic et nunc*, а импульсы, исходящие от ангажированного социолога, действуют лишь через письмо, причем это действие отложено: он пишет для будущего.

Энкратический - в терминологии Р. Барта - язык наивной социологии "...нечеток, расплывчат, выглядит как "природный"...; это язык массовой культуры (большой прессы, радио, телевидения)..." [99]. Напротив того, акратический язык ангажированной социологии "...резко обособлен, отделен от доксы (то есть парадоксален); присущая ему энергия разрыва порождена его систематичностью..." [там же].

Социология не может реализоваться как поиск и истолкование смысла доксических истин. Поэтому ангажированная социологическая теория не только социализирует доксу в качестве своего необходимого условия, но и разрывает с нею, пытаясь объяснить ее, установить границы, вычленить и адекватно отрефлектировать "политическое бессознательное", содержащееся в здравом смысле. Ангажированная социология объясняет и критикует доксу, а наивная - определяет и утверждает, воспроизводит ее.

((

Социальная действительность выступает условием и конечной целью социологии. Поэтому социолог занимается всеми конкретно-историческими социальными вопросами, которые могут в том или ином смысле, прямо или косвенно, иметь своим следствием изменение социального мира. По этим вопросам он занимает позицию внутри самой социологии. Но эта внутринаучная позиция объективно коннотирует с какой-либо из актуально существующих политических позиций. Социологическая теория политически ответственна, все понятия и утверждения в ней обозначают определенную позицию, причем не только по отношению к другим социологическим теориям, но и по отношению к социальной действительности, полю политики и государству (ср. [100]). Однако коннотация социологической и политической позиций не обязывает его к политической и общественной деятельности или участию в партийном строительстве. Политическое участие социолога составляет политическую проблему, разрешаемую по-разному в зависимости от научной позиции.

Политическому выбору социолога предшествует социологический выбор.

Присутствие легитимирует притязания социологии на эпистемологическую и нормативную общезначимость. Отказ от субстанциального характера присутствия приводит к невозможности обоснования социологического познания с помощью трансцендентальных сущностей. Претензии социологической концепции на общезначимость неизбежно выступают как властные и могут быть подтверждены в символической борьбе не в силу метафизической фундированности очевидным присутствием или непосредственной достоверностью концепции, а в силу ее социального превосходства. Социологическая теория завоевывает право на существования благодаря гомологии между научной позицией и доминирующей социальной позицией. Подобно тому, как любая критика метафизических оснований социальной теории сама метафизически нагружена, любая критика социальной ангажированности социологической теории как таковой является, в

свою очередь, социально ангажированной. Поэтому мы не уповаляем на то, что настоящая социология еще впереди, что завтра она состоится в полной мере. Это также несбыточно, как и социология вне социальной действительности. Мы не пытаемся воплотиться во что-то большее, нежели мы сами, но желали бы открыть для всех социологов возможность стать теми, кем они в действительности являются - социологами и/или политиками - по выбору.

## глава 9. О СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

*Всякое человеческое знание - начиная с повседневного знания, лежащего в основе нашей практической жизни, и кончая высшими достижениями и самыми углубленными открытиями науки и философии - отвечает на вопрос: что подлинно есть? каково содержание реальности?*

**С.Л. Франк. Реальность и человек. Метафизика человеческого бытия**

Перед социологией все еще стоит вопрос о природе социальной реальности. До сих пор мы имеем на него два противоположных "идеальнотипичных" ответа: ответ объективизма и ответ субъективизма. Их полярность и обуславливает радикальность вопроса.

Социальная действительность, безусловно "богаче всяких схем", поэтому чтобы адекватно "отобразить" ее, возможно и даже необходимо использовать альтернативные системы описания, например, структурализм и конструктивизм. Социологически насыщенно этот эпистемологический принцип дополнительности [101, с. 215] разворачивается в концепции "конструктивистского структурализма" П. Бурдье.

Ее ядро - принцип двойного структурирования социальной действительности - П. Бурдье излагает следующим образом:

"С одной стороны, объективные структуры, которые конструирует социолог в рамках объективизма, отстраняясь от субъективных представлений агентов, лежат в основе субъективных представлений и содержат структурные принуждения, влияющие на взаимодействия; но, с другой стороны, эти представления должны быть усвоены, если хотят, чтобы с ними считались, в частности, в индивидуальной или коллективной повседневной борьбе, нацеленной на трансформацию или сохранение объективных структур" [102, с. 184-185.].

Для того чтобы снять противоречие "структурь - практические схемы" [105], П. Бурдье предлагает отказаться от субстантивизма в понимании социальной реальности и идентифицировать ее не с сущностями, якобы данными в обыденном опыте агентов, а с умопостигаемыми, но от этого не становящимися менее реальными "социальными отношениями". Проявлением социальных отношений выступают соотносительные позиции:

"Социальная реальность", о которой говорил Дюркгейм, есть ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине" [102, с. 185.].

В конструктивистском структурализме задействована реляционная модель социальной действительности, артикулирующая, что все существующее в социальном мире - это субъект-объектные отношения: не интеракции между акторами или интерсубъективные отношения, но "независящие от воли и сознания индивида" социальные отношения. Социальная действительность, согласно П. Бурдье, представляет собой пространство объективированных различий, связанных с распределением между агентами различных капиталов -

определененных социальных отношений. Устойчивые сочетания капиталов оформляются в позиции социального пространства, через которые как раз и возможно исследовать социальные отношения:

"Как можно зафиксировать эти объективные связи, не сводимые к взаимодействиям, в которых они проявляются? Эти объективные связи суть связи между позициями, занимаемыми в распределении ресурсов, которые могут стать действующими, эффективными, как козыри в игре, в ходе конкурентной борьбы за присвоение дефицитных благ, чье место - социальный универсум" [102, с. 188.]

Невозможно одновременно одинаково точно описать эти два взаимосвязанных объекта - социальное отношение и практики, или социальные отношения и практические схемы. В этом проявляется принцип неопределенности (ср. [71, с. 362]).

Нельзя не заметить, что П. Бурдье по существу не решил поставленную им задачу создания единой теории структур и практических схем, по существу подменив предметный синтез конструктивизма и структурализма реляционной концепцией социальной реальности. Действительная связь практик и социальных отношений осталась теоретически нераскрытою, а структурирующая структура<sup>106</sup> и диспозиции оказались фактически приравненными друг другу [102, с. 181-182]. Построение "синтетической теории" социологии требует нового, более глубокого анализа проблемы социальной реальности, которая предстает, прежде всего, как проблема предмета социологического познания.

((

"Социальная реальность". Этой категорией обозначается то, что, мы имеем в виду, когда говорим "есть", "было", "будет" в смысле "бытийствует", "бытийствовало", "будет бытийствовать". Все, что касается нас как социальных агентов, и чего мы хотим коснуться в таковом качестве, проходит через высказанное или невысказанное "есть", "было" и "будет". В "бытийствует" ("есть") таится вся достойная исследования социальная реальность. Само это "бытийствует" или социальная реальность никогда не "бытийствует" и, тем не менее, остается несомненным: социальная реальность имеется, или "социальная реальность имеет место".

Сущее социального мира бытийствует. А социальная реальность - не сущее социального мира. Она является тем актом, который выводит агента за пределы сущего, это познание поверх всех предметов всех социологических исследований. Социальная реальность не бытийствует: в противном случае она стала бы сущим социального мира. Сказать бытийствует о социальной реальности означает мыслить ее в виде сущего социального мира. Когда мы говорим, что "социальная реальность не бытийствует", мы тем самым утверждаем ее нередуцируемость к совокупности сущих социального мира. Социология исследует сущее социального мира, поэтому под социальной реальностью обычно подразумевается всего лишь "всеобщее сущее", т. е. нечто вроде *ens infinitum* Р. Декарта, абсолютный субъект. В таком случае сущее социального мира никогда по-настоящему не бытийствует, а бытийствует только социальная реальность, истолкованная как всеобъемлющее сущее, *ens increatum* (в отличие от сущего социального мира как *ens creatum*).

Сущие социального мира - мера социальной реальности, а социальная реальность - мера сущих социального мира. Сущие социального мира в целом "складываются" в социальную реальность. В свою очередь, социальная реальность "вбирает" в себя сущие социального мира. Однако социологии не подобает превращать социальную реальность в совокупность сущих социального мира. Необходимо отказаться от интерпретации ее как основания сущего

социального мира и, следовательно, абстрагироваться от ее проявлений и истолкований через сущее социального мира. Ибо постижение социальной реальности в качестве основания, на котором якобы базируется все дальнейшее изучение сущего социального мира, означает полагание непосредственно сущего сущим вообще, т. е. платоновское порождение вещей идеей вещи. Социальная реальность - не абсолютный субъект и не субстанция социального мира.

Социальная реальность не тождественна ансамблю социальных отношений, и оттого не является производящей основой сущих социального мира. Понятие "социальная реальность" отражает социальные отношения как таковые и в целом, как обусловленность и упорядоченность-изменчивость событий социального мира, а не как их фактические условия и предпосылки, конкретные причинно-следственные порождающие механизмы.

Любое сущее социального мира присутствует, поэтому социальная реальность, казалось бы, означает неизменное, устойчивое присутствие. Почему именно присутствие? Да потому, что всякое сущее в его данности, пребывании, самотождественности может быть охарактеризовано именно как постоянное присутствие (*standige Anwesenheit*)<sup>107</sup>. Присутствие выступает "твердым основанием" социологического познания, гарантирующим представление социального мира. Согласно канонам классической онтологии, значением социальной реальности было бы присутствие, понимаемое как бытийствование в модусе настоящего времени (ср. [101, с. 93]). Присутствие - "явление Логоса самому себе" [там же, с. 16]. Метафизика присутствия основывается, во-первых, на утверждении привилегированного положения настоящего времени (*nun* Аристотеля) и, во-вторых, на утверждении привилегированного положения сознания, которое одно в силах обеспечить присутствие мира и себя самого в мире как совпадения трансцендентного бытия с имманентным сознанием [39, с. 35-41; 105]. Присутствие, таким образом, есть средство сведения социального мира к познающему сознанию при сохранении непосредственной связи с миром. В роли социального факта присутствие определяется как объективная и объективированная структура социальной реальности, существующая для агента в модусе настоящего времени, по поводу которой производится социологический дискурс, становящийся манифестацией присутствия. Наличие, данность, действительность (актуальность), отсутствие могут быть концептуализированы как способы присутствия. Предметность оказывается тотальностью изменений присутствия. Однако, если мы отрефлектируем присутствие с точки зрения того, что присутствует, то окажется, что социальная реальность есть предположение всякого присутствия. Каким образом "предположение присутствия" допускает присутствие? М. Хайдеггер отвечает на этот вопрос следующим образом: предположение присутствия допускает присутствие тем, что предоставляет присутствию место [106, с. 393]. Социальная реальность есть, следовательно, не присутствие, но предположение присутствия, обладание местом для присутствия, тем самым местом, которое позволяет нам сказать, что "присутствие имеет место".

Итак, социальная реальность есть допущение присутствия - трансценденция, не тождественная своим опредмеченным проявлениям, т. е. сущим социального мира. Социальная реальность в собственном смысле - это то, чем присутствие гарантировано и предоставлено. Именно в этом отношении социальная реальность не есть нечто сущее социального мира, но его бытийствование-само-по-себе.

Итак, социальная реальность - не нечто сущее в социальном мире. О сущем социального мира мы говорим: оно есть (тематизированное). Социальная реальность не есть (нетематизированное), но она имеет место. Что имеет место в обладании местом, что означает социальная реальность, которая - имеет

место? Что дает социальной реальности место? Откуда исходит, к кому переходит имение, обладание местом в этом "имеет место"? Благодаря чему социальная реальность имеет место?

На наш взгляд, благодаря открытости пространственно-временн?го интервала, благодаря отстранению в пространстве и отсрочке во времени, тому, что Ж. Деррида называет [107] пространственным-становлением-времени, - этой разновидности времени в пространстве. Бытийственные отношения и изменчивость могут быть выражены друг через друга, так что социальная реальность является собой то же самое, что и развертывание, и различие ее моментов, т. е. пространственное-становление-времени как производство/воспроизводство социальных различий. В рамках этой структуры нельзя противопоставлять друг другу или различать пространство и время.

Пространственное-становление-времени не просто конкретно представлено, на пример, социальными действиями, телами агентов, социальной предметностью...

Как только возникает какое-либо сущее социального мира, возникает и отношение с чем-то иным, как-то: другой практикой, структурой, социальным отношением, а для того, чтобы осуществилось социальное отношение, требуется пространственно-временная структура. Поэтому, если глубинная связь между существами социального мира и пространственно-временн?й структурой существует, то нельзя надеяться на редукцию или нейтрализацию социальной реальности.

Условием действительности становления пространственности-временности является взаимодействие каждого сущего социального мира с каким-то отличающимся от него существом. Социальное отношение представляет собой предсуществующие события социального мира условия и предпосылки их производства/воспроизводства и как таковое бытийствует до практик и после них, но не одновременно с ними. Поскольку социальное отношение является "реально-онтологически" конститутивным основанием сущего, поскольку оно само "есть" (*ens quod*) в социальной реальности наряду с существами, хотя, быть может, бытийствует несколько иным, особенным способом. Социальное отношение не есть бытие-настоящим, но, тем не менее, обладает причиняющей силой, существует в социальном мире как порождающий статистический механизм. Отсюда, сущее обретает бытие-настоящим в социальном отношении, связывающем его с прошедшими и будущими событиями социального мира. Присутствие как "здесь и теперь" производится социальным отношением, которое всегда "там и тогда".

(Это означает, между прочим, что социальное отношение не есть модифицированное присутствие.) Условием возможности присутствия является его различие с отсутствием. Различие "присутствие/отсутствие" есть различающее отношение необъективированного и объективированного, допредикативного и предикативного, каковое мы считаем необходимым структурным моментом социального отношения. Бытие-настоящим неизбежно есть бытие-в-различии. В процессе социального отношения бытие-настоящим изменяется и начинает различаться как от своего иного, так и от самого себя. Бытие-настоящим относится к своему инобытию так же, как необъективированное относится к объективированному. Коль скоро присутствие - это бытие-настоящим, то его конституирование требует открытого интервала настоящего, различающего и отделяющего его от уже-не-присутствия (прошлого) и еще-не-присутствия (будущего). Поскольку открытый интервал настоящего устанавливается в самом настоящем, поскольку он различает настоящее и каждое сущее-в-настоящем от себя и в себе самом. Движение различия "присутствие/отсутствие" есть различие социальных различий: движение различия "необъективированное/объективированное" как научного производства изменчивости-упорядоченности социального мира. Производство и

воспроизведение возникающих в социологии социальных различий представляет собой их опротрансливание-овременение, которое выступает в качестве опротрансливания-овременения социального мира.

Присутствие есть бытие-сущим (*Seiendsein*) сущего социального мира, представленное как бытие-наличным. Присутствие сущего социального мира выражает его (этого сущего) бытийную конституцию. Присутствие показывает существенную связь между реальностью сущего социального мира и сущим социальной реальности, открытость практик агента навстречу открытости социальной реальности. Собственным модусом социальной реальности, отличающим ее от сущего социального мира и присутствия, является пространство-время, понятое в свете различия "объективированное/необъективированное" как нетематизированное "изначальное" пространство-время, т. е. как изначальная упорядоченность-изменчивость. То, что онтология называет упорядоченностью-изменчивостью, соответствует социальным отношениям социологии, поскольку порядок и изменения даны лишь в отношениях/опосредствованиях и через них.

Сама социальная реальность есть пространственно-временная структура<sup>108</sup>.

Тем самым отвергается представление субстанциализма о внепространственном и вневременном характере эйдетической полноты сущего - абсолютно объективированного, которое ускользает от различия

"объективированное/необъективированное", т. е. "истинного социального бытия", которое отождествляется с "присутствием" (истолкованным в духе ????????, ?ак наличие идей в сущих). Это последнее толкуется метафизикой как неизменное настоящее, помещающееся "по ту сторону" пространства и времени<sup>109</sup>. Метафизика устанавливает бытие из тождества, оно же выступает и как основание сущего; это приводит к определению бытийствования сущего как присутствия, понимаемого в смысле "вечного настоящего". Если действующая в метафизических границах социальная теория сводит время к непрерывному порядку постоянных определений (т. е. к вечному настоящему), то мы полагаем, что социальная реальность задается, исходя из необъективированного горизонта пространства-времени, и структура пространственности-временности заступает место онтологического определения агента. Таким образом социолог не только изучает пространственно-временные структуры, но образует с ними практическое единство в различии "объективированное/необъективированное" (открытость, бытийствование в социальных отношениях)<sup>110</sup>. Отсюда, социологическое мышление обречено на воспроизведение тавтологии, поскольку оно не в состоянии избавиться от своей важнейшей предпосылки в лице социальной реальности, которая является неотъемлемым моментом различия

"объективированное/необъективированное". В свою очередь, социальная реальность есть пространственное-становление-времени, а научное исследование, не располагая никакой основой вне различия "социальный мир/пространство-время", не может занять внешнюю по отношению к этому различию позицию.

Социальная реальность имеет место. Это похоже на тавтологию, но позитивную тавтологию, которой сказано все: социальная реальность есть нечто исходное и впредь задающее меру для мысли о любом сущем социального мира. Поэтому полная формула социальной реальности может звучать так: социальная реальность существует неприсутственno: она имеет место, ибо присутствие присутствует, присутствие проявляется.

Социальная реальность не есть присутствие, понимаемое как субстанция/сущность/существование или временное присутствие - выделенная точка данного момента, "настоящее бытийствование" (ср. [105, с. 34-35]).

Метафизическое мышление развертывается поверх сущих социального мира, устремляясь к тому, что делает сущее сущим - к субстанции и/или некоему высшему сущему (трансцендентальному субъекту). Присутствие как самотождественное начало социального мира (субстанция общества, Абсолютный дух или трансцендентальная субъективность) является онтологизацией логического закона тождества, метонимией чего-то вечного, к чему субъект причастен, но что им не произведено. В нашей трактовке социальная реальность - пространственное-становление-времени - не равна себе, а "социологическая метафизика" развертывается с позиций *cogito ergo sum* как вневременной и внепространственной сущности (которая всегда равна себе и для которой пространство и время суть фикции), конструирующей социальную реальность по своему образу и подобию - в форме "вечного настоящего" присутствия. Возможность определения социальной реальности в качестве присутствия "во всех смыслах" (см.: [101, с. 23.]) достигается тем, что постулируется существование некоего "трансцендентального означаемого" - "начала" бытия как инварианта присутствия. В роли "трансцендентального означаемого" в разных социологических теориях выступали "человек", "сознание", "трансцендентальный субъект", "субстанция", "социальные отношения", "социальные действия"... Но в любом случае речь шла об инварианте присутствия, который организует, ориентирует, гарантирует связность и целостность социального мира, управляя структурированием и ограничивая его. Традиционно социология мыслит присутствие как способ возможного бытийствования предметности, полагая наряду с наличной социальной предметностью предметность возможную, и тем самым удваивает социальный мир. "Трансцендентальное означаемое" в роли инварианта присутствия структурирует социальный мир, но в то же время само не структурировано, остается вне структурируемого им пространства; оно продуцирует законы, но само им не подчиняется. "Трансцендентальное означаемое" как обуславливающее и обосновывающее социального мира играет роль архимедовой точки опоры для теории, первоначала социологической мысли, "абсолютной системы отсчета".

Мы полагаем что "трансцендентальное означаемое" есть не некий "объективный" атрибут социальной действительности, а "фиктивный" социологический конструкт. "Фиктивный" в том плане, что "трансцендентальное означаемое" безусловно не существует, и конструкт потому, что оно выполняет определенную действительную функцию в структуре социологической теории, делая возможной ее самое. "Абсолютное присутствие" навязывает социальному миру свой смысл (см.: [108]), структурирует его, но само лишено какой-либо структуры, поскольку константа присутствия выступает в роли себетождественного внешнего внутреннего "центра" социального мира. Это слепое пятно социологической теории. Отсутствующий центр социального мира замещается "социологической точкой зрения": онтологический статус сущего таков, что оно существует лишь посредством ансамбля социальных различий в рамках различия "объективированное/необъективированное". "Социологическая точка зрения" определяет неопределенное с помощью концептуальной системы, позволяет вписать события в причинно-следственные отношения и сформулировать истину относительного.

Концептуализация социальной реальности как присутствия есть попытка представить ее в качестве самоочевидной, естественной, в то время как "социологическая реальность" производится внутри социальной практики науки. В силу этого социальная реальность не есть "доминирующая структура" или "отношение прежде социальных отношений", которое конституирует все социальные отношения и навязывает им свои законы. "Социальная реальность" -

социологическое понятие, выражающее не только определенные свойства ансамбля социальных отношений как бытийствования-социального-мира-самого-по-себе, но и уровень социологических представлений своего времени в целом. Именно в такой роли "социальная реальность" задает меру для любой социологической мысли о сущем социальном мире.

Этот ход мысли основывается на том, что отношение социологии к сущему социального мира мы берем как представление - пред-поставление сущего пред собой в качестве предмета. Представление здесь значит: социология полагает себя разновидностью сценической площадки, на которой общество представляет себя, чтобы стать социологическим фактом, суждением или понятием - социологическим представлением. Сущее лишь тогда становится сущим для социолога, когда он пред-ставляет его пред собой: сущее социального мира тогда переходит в компетенцию социолога, когда предметно противопоставляется ему, становится предметом его практик.

Вместе с тем, "социологическая реальность" для социологии является собой нечто большее, чем просто результат когнитивных практик социологического сообщества. Прежде чем сформулировать суждения о социологических фактах, мы должны сконструировать "социологическую реальность" - "открытое пространство представления", в котором они только и могут иметь место, - оно обеспечивает и обуславливает социологические практики. Это "геометрическое место" социологических фактов, в котором они уместны, так как "открытое пространство представлений" навязывает своим существованием и в своем существовании социологическим фактам быть такими, какие они есть. Чем больше внимания мы уделяем фактам (объективированному), тем меньше заботимся об осуществлении этой "открытости" (различению объективированного и необъективированного), соразмерность которой социальной действительности и способам научного познания делает возможными социологические открытия.

Присутствие не есть ни фактическая данность, простое наличие позитивизма, ни факт сознания *a la* Э. Гуссерль [109]: оно принадлежит способу бытийствования социолога и, в конечном итоге, научного производства.

Присутствие - это не само сущее социального мира, но и не всего лишь его субъективный модус (сущее социального мира в меняющихся модусах сознания), а предметное определение (*Gegenstandshaltigkeit*) сущего социального мира как предмета науки, включающее в себя субъективный способ явления социологу. "На самом деле" присутствия нет, хотя все сущие социального мира раскрываются в социологическом опыте через метафору присутствия.

Социальная реальность дана исследователю не как предмет его практик, а как (изменяющийся в процессе научного производства) горизонт всех частичных горизонтов, охватывающий социолога как охват всего охватываемого. Социальная реальность - подвижная граница социологического познания, как действительный опыт постижения социальной реальности. То есть она познается в понятийной форме, объективируется, но не исчерпывается этим. Термин "социальная реальность" обозначает не столько предмет, сколько способ социологического исследования. Социальную реальность в ее конкретной историчности можно представить как социально-пространственно-временные границы, в которых осуществляются социологические практики: социальная реальность имеет принудительный характер пределов познавательных практик и практических схем социологов. Исследуя социальную реальность, социолог не постигает ничего определенного, кроме "последних" условий действительности своих представлений и практик.

Социальная онтология невозможна: возможна лишь онтология как таковая, обосновывающая и общество, и природу. Природа "завершается" в обществе,

общество объясняет природу. Социальное отношение в значении опространствования-овременения можно понимать и так, что существует физическая реальность, обладающая своей имманентной логикой, которая принципиально несводима к социальной. Эта до- и за-социальная реальность социализируется, субъективируется (*Versubjektivierung*), а социальная реальность - объективируется (*Verdinglichung*) или опространствивается-овременяется, т. е. отстраняется в пространстве и отсрочивается во времени<sup>111</sup>. Опространствование-овременение означает, что мы не можем свести трансцендентальный горизонт проблемы социальной реальности к метафизическому "здесь и теперь" (ср. [107, с. 10]).

Социальная реальность не существует прежде различия

"объективированное/необъективированное". Она не может быть представлена как нечто абсолютное и непосредственное, сама по себе, в отношении лишь с самой собой, т. е. как присутствие - "себетождественное бытие-настоящим".

Социальная реальность не есть присутствие: она относительная и несамотождественная, поскольку является различающим процессом объективации необъективированного как производства/воспроизводства наукой социальных различий. В самом общем виде, этот процесс выступает как производство/воспроизводство внутри социальной практики социологии упорядоченности-изменчивости, как различие социальных различий.

Упорядоченность-изменчивость, различие социальных различий всегда локальны и историчны, поэтому они суть продукты локального и историчного производства. Если бы мы полагали социальную реальность причиной упорядоченности-изменчивости социального мира, то вынуждены были бы признать, что социальная реальность либо имеет причину вне себя, либо является самотождественным присутствием. Поскольку это не так, приходится признать, что упорядоченность-изменчивость (пространственность-временность) социального мира есть следствие без причины (ср. [107, с. 12]). Далее, социальная реальность - не следствие и не причина, но именно движение производства упорядоченности-изменчивости или пространственности-временности социального мира (т. е. момент различия

"объективированное/необъективированное"). Данное движение производства есть становление пространственности-временности социального мира, производимого социологией.

Образом социальной реальности (различия самого по себе) может служить "силовое поле". Его состояния - различия, которые могут быть интерпретированы как "сущие социального мира". Различия различий, распределенные в этом "силовом поле" - "социальные отношения".

Опространствование-овременение имеет значение "пространственного-становления-времени" (ср. [108]): любое событие социального мира является объективацией, а объективация как таковая неосуществима вне различия "объективированное/необъективированное", для установления которого, в свою очередь, требуется время в пространстве [социального мира] и пространство во времени [социального мира]. Социальная реальность есть ансамбль социальных отношений исключительно в том смысле, что они задают и гарантируют единство событий в пространстве и времени, единство, которое образует социальный мир как предмет познания.

Именно эти онтологизированные логико-гносеологические "гарантии" отражены в понятии социальной реальности, толкуемом как "трансцендентальное означаемое". Социальная реальность не образуется сущими социального мира, но формирует схему саморепрезентации. Вопрос о трансценденции и ее постижении снимается в силу полноты социальной реальности.

Различие между ансамблем социальных отношений и социальной реальностью есть не только формальное различие (*distinctio formalis*) между понятийными содержаниями социологического мышления, но и действительное различие (*distinctio realis*). Ансамбль социальных отношений представляет собой "реально-онтологически" конститутивное основание (т. е. то, что определяет сущее и из чего оно происходит), а социальная реальность - логически конститутивное основание (т. е. то, что определяет социологическое мышление о сущем). Различие между "реально-онтологически" конститутивным основанием и логически конститутивным основанием снимается в действительности сущего, которое есть, с одной стороны, причинно обусловленное социальными отношениями событие или факт социального мира, а с другой - это событие или факт никогда не дано непосредственно, но представляет собой социологический конструкт, результат опосредствования "социальной реальностью". В "социальной реальности" нет бытийствования. Но она - через различие с существующим социальным миром - позволяет мыслить бытийствование как таковое, позволяет конструировать, наблюдать и т. п. сущие. Трансцендентальный характер социальных отношений снимается тем, что они выступают в качестве совокупности нетранзитивных предзаданных условий и предпосылок практик, дающих возможность социальной реальности проявиться в различиях с теми или иными существами социального мира: конкретными практиками, социальными предметами, любыми событиями социального мира.

## **глава 10. МАРКСИСТСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ "СОЦИАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ"**

*Известно много старых кладов мне,  
Теперь пора проводить их настала.  
И.В. Гете. Фауст*

Понятие "социальное отношение" возникло в лоне марксизма, который наше научное сообщество молчаливо похоронило вместе со своим партийным прошлым. Видимо стыдливая забывчивость мешает многим использовать топико-экономический подход и некоторые действительно плодотворные концепты из "советского" лексикона. В целях экспликации проблемы социальных отношений ниже мы попытаемся ре-конструировать наиболее существенные для нас положения "исторического материализма".

В трудах К. Маркса производство/воспроизводство социального мира ("общественное производство" как "общественный жизненный процесс", "производство людьми своей общественной жизни" [111]) неразрывно связано с производством/воспроизводством социальных отношений и их агентов. Предметный результат процесса общественного производства (сущие социального мира) рассматривался К. Марксом лишь как его "мимолетный момент" [112, с. 222]. Гораздо большее значение придавалось социальному отношению как производственному отношению [113, с. 447], раскрывающему характер и меру обусловленности практик агентов. Это отношение есть социальная форма производства/воспроизводства социального мира, посредством которой осуществляются как практики действующих, так и их развитие в качестве его агентов. Социальное отношение является условием настоящих и опредмеченным результатом прошлых практик (см.: [53, с. 534]), которые не могут реализоваться иначе, как в рамках и посредством определенной социальной формы (ср. [113, с. 23]). Именно самоманифестация социальных отношений, -

того, что К. Ясперс называл "аппаратом обеспечения существования", - не позволяет в XX веке философам наделять человека субстанциальными качествами, такими как "природа", "сущность", "дух" и т. п. [114].

Практики существуют через постоянное движение: движение между собственными определениями. Конкретные практики как события социальной реальности отличаются от конкретных практик как совокупности отдельных действий и коммуникаций тем, что со стороны формы они суть целостность, постоянно движущаяся в метаморфозах своих несовместимых и взаимоисключающих друг друга, но столь же общих и необходимых форм. Конкретные практики - события социальной реальности - относятся к любым сущим социального мира как к своей внешней определенности и необходимому условию, но в то же время как к чуждому и преходящему своему бытийствованию. Отношение между практиками и сущими социального мира является значимым моментом процесса социальных отношений.

"Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные) - таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на вещной зависимости, - такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. <...> ...Патриархальный, как и античный строй (а также феодальный), приходит в упадок по мере развития торговли, роскоши, денег, меновой стоимости, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается с ростом этих последних" [113, с. 100-101].

На первом из выделенных К. Марксом этапов истории существовала непосредственная связь между вещественными и личными условиями процесса общественного производства и жизнедеятельности. При этом "для добывания жизненных средств индивид ставился в такие условия, чтобы целью его было не приобретение богатства, а самостоятельное обеспечение своего существования, воспроизведение себя как члена общины, воспроизведение себя как собственника земельного участка и, в качестве такового, как члена общины" [113, с. 467].

Социальные отношения этой эпохи были объективно обусловлены противоположностью между "неорганическими условиями человеческого существования и самим этим деятельным существованием" [113, с. 478]. Такое противопоставление условий и самого человеческого существования в равной мере характерно как для первобытной общины, так и для рабовладения и феодализма, в исторических границах которых производящий индивид, превращаясь в неорганическое условие производства, относится к представителям господствующего класса как "неорганическое и природное" условие их собственного существования [там же].

В период личной зависимости непосредственный производитель естественным образом "срашен" с условиями его труда в силу того, что общественное производство осуществлялось в качестве усвоения и переработки органических возможностей человека, но положенных в социальной форме. Принципом этой формы служила человеческая коллективность и жизнедеятельность, сфера самовоспроизводства человека. Особенность жизнедеятельности, ее естественные определения и составляли в период личной зависимости ее специфически социальную форму. Общинная организация строилась на естественных отношениях самовоспроизводства - "воспроизведения производителя" в его "первоначальной полноте" и в "объективных условиях его существования и вместе с ними" [113, с. 485, 105], - которые должны квалифицироваться как социальные.

Синкетичное единство всех сфер общественной жизни в период личной

зависимости объясняется тем, что социальная форма жизнедеятельности только начала отделяться от самой жизнедеятельности, первоначальная социальность подчинила всю жизнедеятельность индивида коллективу.

На втором выделенном К. Марксом этапе человеческой истории, в эпоху вещной зависимости прежние отношения производящих индивидов к объективным условиям их труда снимаются:

"Эти объективные условия труда все еще имеются в наличии, но в иной форме, как свободный фонд, в котором все прежние политические и т. п. связи стерты, и они противостоят этим отдельным от них, лишенным собственности индивидам уже только в форме... прочно обособившихся стоимостей" [113, с. 494].

В Новое время предметная деятельность производящих индивидов расщепляется, предметность в труде более не является социальной характеристикой, и общественное производство в результате многократного опосредствования социальных взаимодействий перестает быть сферой производства человека, выступая сферой отчуждения общественного индивида от предмета и продукта его деятельности.

"Объективные условия труда, - пишет К. Маркс, - приобретают по отношению к живой рабочей силе субъективное существование...; с другой стороны, всего лишь субъективное существование рабочей силы по отношению к ее собственным условиям придает ей всего лишь безразличную объективную по отношению к этим условиям форму..." [113, с. 451].

Универсальная деятельность явным образом дифференцируется на социальную форму и собственно деятельность. Если в период личной зависимости субстратом социального отношения выступают "...антропологические характеристики конкретного индивида, включая "общительность", неспособность существовать иначе чем непосредственно-коллективным образом" [115], то в период вещной зависимости таким субстратом у К. Маркса является абстрактный труд как мера совокупного общественного богатства, как всеобщее, существующее в опосредствованиях и через опосредствования. Социальное отношение выступает для индивидов и "как вещная необходимость, и как чисто внешняя связь", выражая их независимость, "для которой общественное бытие является хотя и необходимостью, но и не более чем средством, и, следовательно, самим индивидам представляется как нечто внешнее..." [112, с. 453]. В эпоху личной зависимости каждый индивид совпадал со своей общественной определенностью, а в эпоху вещной зависимости общественное и личное существенно разнятся, обособление личности проявляется как ее выпадение из всеобщего труда.

В период личной зависимости отношения к предметам, действия с ними сращены с отношениями индивидов друг к другу (см.: [113, с. 484-485]).

Всеобщая вещная зависимость обусловлена превращением предметного содержания практик в систему социальных отношений: всеобщие зависимости, выражющие способ формирования любой возможной вещи, отделяются от субстрата, и субординация действий, составляющих цельный процесс образования вещи, приобретают статус отношения агентов в процессе общественного производства жизненных средств. В исходной синкретической, недифференцированной системе практик, выражющей в одинаковой степени и сущностные структуры вещей, вовлекаемых в производство жизненных средств, и отношения агентов в процессе этого производства, обособляется способ человеческих отношений, подчиняющий себе прежнюю основу в качестве своего условия: увеличение предметного содержания жизненных средств приводит к тому, что способы организации вещей на различных структурных уровнях из условий существования старого становятся самостоятельным системообразующим отношением, для-себя-бытием. Всеобщий

способ формирования любой возможной вещи, независимо от какого-либо частного опыта, снимается в устойчивой форме деятельностного освоения каждого последующего предметного содержания, а данная фиксированная форма снимается во всеобщем способе взаимодействий "агент - агент" в процессе производства. Теперь принцип организации вещей выступает в роли принципа организации агентов.

В эпоху всеобщей вещной зависимости способ практического преобразования вещи, обособляясь от нее самой, превращается в способ организации субъекта производства и его отношения к объекту. Отношение агента к агенту, существовавшее в виде личной зависимости, превращается в несобственную основу нового отношения, в условие его существования. Структура предметного содержания, осваиваемая производством жизненных средств на данном этапе исторического развития, становится системой социальных отношений. В этих последних отношение агента к себе реализуется как отношение к условиям и предпосылкам, а также предмету его практик: отношение агента к предмету здесь впервые в истории опосредствуется через само себя, так как связи и взаимодействия универсума предметов трансформируются в его связи и взаимодействия с собой же. Возникновение субъекта как его собственное становление происходит в эпоху всеобщей вещной зависимости - в эпоху, достигающую всеобщего предметного содержания, ибо субъект может быть только универсальным, т. е. полагающим любой предмет объективно, способным воспроизвести и развить универсальность всей социальной предметности. Как отмечал М. Хайдеггер, "эпоха, которую мы называем Новым временем... определяется тем, что человек становится мерой и средоточием сущего. Человек есть мера для всего сущего, т. е., в понимании Нового времени, для всего опредмечивания и для всей представимости, лежащее в основе, *subiectum*" [32, с. 78].

## глава 11. СОЦИАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ

*...Ничего не делается без достаточного основания...*

**Г.В. Лейбниц. Начала природы и благодати, основанные на разуме**

"Событие" социального отношения совершается им самим: социальное отношение ни к чему не сводимо, оно есть фактическое отношение, в котором люди лишь участвуют. Агент есть "функция" социального отношения. Человек становится агентом, т. е. действующим, способным производить события социального мира лишь в силу своей интегрированности в социальные отношения. Социальное отношение как опространствование-овременение не переадресует нас к какой-либо предшествующей ему "субстанции", т. е. оно определено лишь собственным становлением. Социальное отношение как опространствование-овременение является тем, что всегда уже *a priori* бытийствует. Отсюда следует, что бытийствование социального отношения есть противоречивое и парадоксальное допущение присутствия-отсутствия его опространствованием-овременением.

Поясним сказанное. Социальное отношение не может существовать вне своего присутствия. Но присутствие социального отношения в сравнении с присутствием любого сущего социального мира не является присутствием. Это дает основание утверждать, что присутствие социального отношения есть отсутствие, или, точнее, что социальное отношение является присутствием отсутствия. Отсутствие социального отношения заключается в его несводимости к тому или другому сущему социального мира: оно всегда единство бытийствования и

значения, в котором, внутри которого связывается множество агентов и социальных предметов - агенты в социальном отношении относятся к тому существенному, что обуславливает их: соотносящиеся стороны взаимно определяют друг друга, и отношение представляет общее и единичное - то что в равной степени характеризует все его моменты. Поэтому социальное отношение проходит через пространственно-временные и социальные различия, становится в них: оно ни это сущее социального мира, ни то, ни здесь, ни там, но и это, и то, и здесь, и там.

Социальное отношение соединяет действительное с недействительным (если мы будем понимать действительность как актуально наличную предметность социологии). Присутствие социального отношения является отсутствием всех возможных присутствий: присутствие отсутствия не может быть присутствием какого-либо сущего социального мира, поскольку оно - не присутствие, а присутствие отсутствия.

Ближайшим образом, это означает, что если социальное отношение присутствует, то оно само становится сущим социального мира, обусловленным другим социальным отношением, и эту редукцию можно продолжать *ad infinitum*, обосновывая присутствие одного социального отношения - другим. Однако поскольку присутствие социального отношения определяется не каким-либо другим социальным отношением, но отсутствием, т. е. недействительным, то социальное отношение будет ограничено его собственной недействительностью. Присутствие социального отношения относится к отсутствию, как социальное отношение относится к недействительному. Недействительное здесь означает не фикцию, произвол или социальный вакuum, но предел действительного, постоянно отодвигаемый практиками агентов.

Недействительное как потенциальное, возможное выступает средой социального отношения, оно неустранимо, поскольку играет роль внутреннего предела; устранивая недействительное, неактуальное, мы тем самым устранием само социальное отношение, превращаем его в социальный предмет. Присутствие сущего социального мира не требует обоснования ни в субъекте, ни в сущности: оно непосредственно. Социальное же отношение присутствует посредством своего отсутствия, так как оно внедрено в недействительное, но возможное. Иначе говоря, социальное отношение - это не присутствие всех возможных присутствий, т. е. трансценденция, а отсутствие присутствия. Вместе с тем, данное отсутствие не есть что-то бесформенное, полностью лишенное значения существования, напротив, оно обнаруживает себя как событие, событие текучее и вместе с тем индивидуализированное, имманентное социальному отношению - как подвижная граница, как разрыв и одновременно объединение актуального и потенциального, действительного и возможного. Процесс социального отношения - серия разрывов и объединений - протекает в зонах временных и всегда относительных ограничений действительного недействительным.

Социальное отношение разрывает метафизическое "присутствие", равно как и метафизическое пространство и время. "Метафизическое" в том смысле, что присутствие есть истина о совокупном сущем социального мира "сверх" научного познания. Его - метафизические - определения не могут быть получены в социологическом опыте, а находят свое основание вне пределов сущего как такового. Социальное отношение не имеет начала: оно всегда уже есть "дериват" более старого отношения, которое, в свою очередь, также является "дериватом" еще более старого отношения. Социальное отношение производит/воспроизводит различия между событиями в длительности (промежутка) времени и разъятости (расстояния) пространства.

Пространство-время и агенты каждый раз находятся в социальном отношении, - а

не наоборот. Социальное отношение, стало быть, интериоризирует агентов, вещи и пространство-время.

Социальное отношение не есть абсолютная данность в смысле *nulla re indiget ad existendum*. Оно несводимо к одновременным с ним практикам агентов, но происходит от предпосланных условий и предпосылок практик в прошлом и настоящем, а также прошлых практик, воспроизведивших/производивших данное отношение. У социального отношения нет никакого "в-себе-бытийствования" как собственного основания, но оно обосновывает социальный мир. Социальное отношение не есть реально порождающее основание (*quod aliud producit*) или действующая причина (*causa efficiens*) сущего социального мира, которая производила бы его своим собственным действием (*actione sua aliud producit*). Социальное отношение представляет собой всего лишь необходимое, но недостаточное условие сущего социального мира: только если есть социальное отношение *x*, может быть сущее *y*.

Социальные отношения суть реальность *sui generis*; они представляют собой существующие нетранзитивно предзаданные условия и предпосылки любых настоящих и будущих практик. Когда мы утверждаем, что социальные отношения - это реальность *sui generis*, это означает, что у них нет действующей причины, порождающей их своим действием, а не то, что они ничем не обусловлены.

Социальное отношение - относительно независимый и устойчивый во времени результат воспроизведения/производства этих условий и предпосылок прошлыми практиками.

*Modus vivendi* социального отношения может быть определен лишь через отличие, - например, от вещей природы, которые наличествуют и действуют независимо от того, как их описывают люди. Социальное отношение не зависит (в конечном итоге) от сознания и воли людей, но, вместе с тем, его неотъемлемой и необходимой частью служат дифференцированно распределенные и конкретно локализованные практические схемы. Таким образом, социальное отношение хотя и нетранзитивно, но "концептуально зависимо".

В отличие от социального отношения, присутствие (по определению) считается концептуально независимым. Присутствие полагается как "привилегированный феномен", обосновывающий социологическое познание и раскрывающий социальный мир. Социальный мир, однако, должен быть пред-понятым, чтобы исследователь был в силах установить самораскрытие сущего в присутствии и подтвердить нетранзитивность и концептуальную независимость самого присутствия.

Реальность социальных отношений основана на их причиняющей силе, а не на том, что они наблюдаемы или наглядны. Предполагается, что отношения первичны, а агенты и социальная предметность суть опредмеченные отношения. В этом плане социальные отношения напоминают физическое поле - "особую форму материи", - которое само по себе ненаблюдано и ненаглядно, но его действие ощущимо и может быть визуализировано, как, например, в опыте с металлическими опилками, выстраивающимися вдоль силовых линий магнитного поля. Следовательно, ключом к решению вопроса о *modus vivendi* социальных отношений служит их *modus operandi*: отношения определяющим образом воздействуют (направляют и оформляют, подавляют или стимулируют) на практики и представления агентов.

Социальное отношение радикально отличается от непрерывного субъективного структурирования (конструирования) социальной реальности как оно изображено в концепции П. Бергера и Т. Лукмана [116] или Дж. С.,рля [117]. Оно существует в прошлом, настоящем и будущем и предполагает паузы и остановки процесса структурирования, а живые практики непрерывны, они существуют

только в настоящем.

Возникшие в прошлом, предзаданные реляционные свойства обусловливают актуальные практики; социальное отношение несводимо к одновременным с ним практикам: оно происходит от существовавших прежде нетранзитивных предзаданных условий и предпосылок практик, а также от имевших место в прошлом практик, воспроизведивших/произведеных данное отношение. В силу этого "структурирование социальной действительности" на самом деле всегда означает ее ре-структурирование (ср. [118]), и мы должны различать три его последовательные стадии: "ранее" (пред-существование социальных отношений), "одновременно" (процесс воспроизводства/производства, движимый живыми практиками) и "позже" (после-существование социальных отношений), причем последняя стадия служит началом нового цикла (см.: [119]). Отсюда следует, что живые, неопределененные практики существуют исключительно в настоящем времени, а становление любой структуры есть нечто протяженное во времени, требующее от нас различения прошлого в лице пред-существующих отношений и настоящего, т. е. актуальных практик. Практики имеют место в настоящем, а у социального отношения нет бытия-настоящим: оно присутствует как отсутствие. Практики замещают социальное отношение, никогда не существуют одновременно с ним, но могут быть объяснены лишь на его основе.

Социальное отношение раскрывается из своей способности быть или не быть самим собой: оно есть ничто иное как совокупность структур социальной действительности, существующая благодаря воспроизводству/производству своих свойств или их утрате. Таким образом, социальное отношение представляет собой одновременно регressive движение назад (пред-существование) и прогрессивное движение вперед (воспроизводство/производство). Легко заметить, что в таком движении воспроизводство существует "позже", а производство - "раньше". Это противоречие отражает различие, заключенное в социальном отношении: оно всегда существовало "до" и будет "после", поэтому отсрочено и отсутствует в настоящем. В каком смысле "отсутствует"? Этот оборот раскрывает несамотождественность социального отношения в настоящем. Оно "одновременно" равно и неравно само себе, поскольку в настоящем времени оно и воспроизводится (тождество) и производится (различие). Эта временная структура выражает разрыв во времени между социальным отношением и практиками, его несовпадение в любой момент времени с практиками. Метафорой социального отношения выступает трансцендентальный синтез становления пространства-времени. Социальное отношение отличается от сущего социального мира отстраненностью в пространстве и отсроченностью во времени: существованием уже (и/или еще) не здесь/не сейчас (или существованием не только здесь). Социальное отношение, равно как и социальная реальность, не существует в модусе настоящего времени. Пред-существование социальных отношений порождает неустранимые "белые пятна" на "когнитивных картах" агентов, принципиальную частичность любой точки зрения и неполноту знания о социальном мире любого человека. "Белые пятна" указывают на разрывы социологического мышления. Именно эти отсутствующие значения/смыслы обуславливают строение социологического дискурса. Связность социологического мышления возникает благодаря дискретности социологического структурирования, вокруг лакун, на границах разрывов.

В модели одновременного взаимного конституирования структур и действий (см.: [120]) провозглашается возможность выработки одного социологического языка для отображения и социальных отношений, и практик. В рамках же нашей модели, предполагающей разнесенное во времени существование структур и действий, единое описание социальных отношений и практик невозможно:

необходимо их раздельное исследование. Следует создать два взаимодополняющих языка, соответствующих двум различным социологическим позициям: позиции независящих от воли и сознания социальных отношений и позиции феноменологического опыта агентов. С одной стороны, эмерджентные свойства социальных отношений сами по себе, а с другой - представления, коммуникации, действия, доступные восприятию агентов, причем - и это принципиально - отношения и экзистенция не совмещаются в настоящем. Подобная дополнительность в описании социальных отношений и практик предполагает третью социологическую позицию: изучение взаимодействия аналитически разделенных структур и действий. Понятие "габитус" как раз и выражает эту синтетическую позицию.

Практики отличаются от социального отношения. Практики никогда не могут быть тождественны социальному отношению в силу того, что никогда не "присутствуют" в нем. Связь практик с социальным отношением допускает, в определенных пределах, "свободную игру", так как одни и те же условия и предпосылки могут, в общем случае, способствовать продуцированию разных результатов.

## глава 12. ГАБИТУС

*Обращаю ваше внимание на то, что я говорю habitus на настоящей латыни, понятной во Франции. Слово это передает суть дела несравненно лучше, чем "привычка" (habitude)... "навык" (acauis) и "способность" (faculte) в истолковании Аристотеля... Оно обозначает не те метафизические привычки и таинственную "память", о которой говорится в солидных томах или в небольших и знаменитых диссертациях. Эти "привычки" варьируют не просто в зависимости от индивидов и их подражательных действий, но главным образом в зависимости от различий в обществах, престиже, обычаях и модах. Необходимо видеть техники и деятельность коллективного практического разума там, где обычно видят лишь душу и ее способности к повторению.*

### **М. Мосс. Техники тела**

Социальное отношение не существует от природы и не является вещью [121]. Социальное отношение никогда не играет роль непосредственного последнего основания практик, так как оно само неизбежно зависит от воспроизводящих/производящих его практик, поскольку для того, чтобы стать реальным - оказывать причиняющее воздействие на практики, - социальное отношение должно быть интериоризировано, эффективно усвоено, инкорпорировано агентами, которые, как известно, активно "конструируют" свое восприятие, выражение и оценивание социальной деятельности, свои коммуникации и т. п. Иными словами, в непосредственной схеме "социальное отношение - практики" условие и обусловленное образуют цикл: с одной стороны, агенты конструируют свои практики, но этот процесс обусловлен пред-существующими социальными отношениями, с другой - социальные отношения каузально принуждают практики агентов, однако их причиняющая сила всегда опосредствована самими практиками.

Когда мы определяем социальное отношение как нетранзитивное (существующее и действующее независимо от описаний агентов [122]) условие и предпосылку практик, мы тем самым уже обобщаем условие и обусловленное, допускаем возможность существования практик. Интериоризация социального отношения агентами и связанная с ней как обратный процесс экстериоризация (воплощение интериоризированного отношения в практиках агентов) реализуются лишь в

границах пред-данных социальных форм, на пред-посланных условиях и предпосылках, т. е. предполагают, что социальное отношение уже существует. Вместе с тем, необходимость процесса интериоризации/экстериоризации выражает то обстоятельство, что существование социального отношения предполагает существование практик. Квалифицируя социальное отношение как предпосланное условие практик, мы наделяем его характеристиками общими с практиками, которые уже выступают характеристиками практик. Восходя от обусловленного (практики) к условию (социальное отношение), мы при этом полагаем возможность существования обусловленного (практики). Это означает, что восхождение к условию оставляет неизменным то, что обуславливается, вне и независимо от процесса обусловливания, т. е. самое обусловливание не влияет на то, что обуславливается. Следовательно, практики остаются внешними по отношению к социальному отношению, которое их обуславливает. Практики - это события социальной реальности. В данном контексте событие есть производное от изменения. Можно сказать, что практики суть изменения социальной реальности, производимые агентами, причем эти изменения имманентны ей. В такой модели практики всегда связаны и зависят от социальных отношений, а социальные отношения связаны и зависят от практик. Чтобы избежать такого положения, противоречащего нетранзитивности социальных отношений, они должны содержать в себе моменты, отличающиеся от формы практик; связь "социальное отношение - практики" должна быть опосредствована, а в социальных отношениях должно быть и нечто безусловное, и нечто, способное обеспечить реальный генезис практик. Тогда социальные отношения следовало бы рассматривать не как непосредственные формы возможности практик, но как некую "слоистую реальность" (ср. [123]), составленную, как минимум, из двух слоев. Не существует ли "на поверхности" ансамбля социальных отношений особого слоя - наделенного статусом "нечто"? Существует ли нечто, что не является ни практикой, ни социальным отношением, ни экзистенцией, ни структурой? Если да, то это нечто не есть ни действие, ни коммуникация, ни восприятие, ни социальное представление, ни тело, ни условие, ни предпосылка действия, но - структурирующая структура, которая объединяет пространство и прошлое, настоящее, будущее, порождая сходные, повторяющиеся и устойчивые во времени и пространстве практики, упорядочивая их. Структурирующая структура - это сложная и несводимая ни к чему иному сущность, опосредствующая связь "социальное отношение - практики", соединяющая практики и социальные отношения, находящаяся "над" экзистенцией, но "на поверхности" социальных отношений.

Таким "нечто" можно считать "габитус" по П. Бурдье (см.: [124, 125]). Габитус есть воспроизводимые, повторяющиеся, относительно устойчивые во времени и пространстве регулярности практик агента. В качестве структурирующей структуры габитус обладает иной природой, нежели практики и социальные отношения. Социальные отношения представляют собой ставшие в настоящем условиями и предпосылками практик прошлые условия и практики, а габитус - это "следы" прошлых практик агента, которые определяют его настоящие и будущие практики в силу того, что являются их внутренними (по отношению к агенту) условиями и предпосылками. Затруднительно сказать, существует ли габитус в "сознании" или "теле" агента. Для него подобное "или - или" некорректно. Мы в состоянии лишь косвенно измерять габитус, опираясь на те практики, которые производит агент, и на основе цикла "условие - обусловленное". Если мы размыкаем круг "социальное отношение - практики", то мы обнаруживаем явление габитуса как таковое, во всей его нередуцируемости и причиняющей силе (основывающейся на его реляционных свойствах), приводящей в

движение "модели" практик, ранее существовавшие "внутри" социальных отношений в "свернутом" виде.

Сложный статус габитуса можно проиллюстрировать следующим примером. С одной стороны, габитус не существует вне порождаемых им практик; подобно грамматике, он не существует вне языка. С другой стороны, габитус не совпадает полностью с практиками, ибо он есть нечто "социально-объективное", структурирующая структура, радикально отличающаяся от практик, как и грамматика отличается от речи<sup>112</sup>.

Габитус - не практики, но и не социальные отношения. Он детерминирует практики [во взаимодействии с социальными отношениями] и детерминирован социальными отношениями. Социальные отношения суть существующие нетранзитивно предварительные условия и предпосылки практик; практики реализуются согласно внутренним тенденциям габитуса, взятого во взаимодействии с социальными отношениями, как результат воспроизведения/производства социальных отношений. Поэтому неверно было бы утверждать, что агенты создают социальные отношения. Отношения всегда даны, и агенты лишь воспроизводят/производят их (ср. [126]). Производство социальных отношений неизбежно представляет собой лишь трансформацию воспроизведения, ибо социальные отношения пред-существуют.

Социальное отношение и габитус имеют разный онтологический статус: существование социального отношения возможно без непосредственного человеческого осуществления, а существование габитуса - нет. Социальное отношение может быть отсрочено, может выпасть из непрерывного во времени процесса воспроизведения/производства, может быть отложено, как книга в библиотеке, которую сегодня никто не читает, но которая завтра будет востребована. Напротив, габитус не существует вне агента.

Как возможны практики? Как замещение социального отношения практиками. Это замещение происходит в социальной реальности, организованной как система различий, и зависит от временного разрыва между практиками и социальным отношением. Этот разрыв носит характер процесса отсрочки в будущее социального отношения: оно всегда пред-послано практикам, для них оно всегда уже бытийствует, а поскольку практики суть живое настоящее, поскольку реализация отношения (если мы берем его за точку отсчета времени) для него перманентно отложена в будущее.

Социальное отношение систематически порождает практики; ансамбль социальных отношений порождает систему практик, фиксируемую как система различий. В этом плане социальное отношение можно интерпретировать как "систему различий второго порядка". Эта "система" выражает, во-первых, процесс производства различий и, во-вторых, многообразие модусов существования различий. Социальное отношение предполагает не только временной разрыв с практиками (пред-существование, промежуток времени, отделяющий его от практик), но и одновременное со-существование различных (в том числе, противоречивых и конфликтных) практик в едином процессе их порождения и откладывания социального отношения в будущее. Существование различий второго порядка означает множественность инстанций производства практик, что исключает концепцию практики как константы присутствия.

Временной разрыв между практиками и социальными отношениями воспринимается агентами как прерывность социальной реальности. Эта прерывность зачастую описывается и интерпретируется наблюдателем-социологом как отсутствие у социальных отношений причиняющей силы, примат субъективного структурирования социальной реальности над объективным.

Промежуток времени, отделяющий социальное отношение от практик, в

процессе интериоризации становится габитусом. Поэтому практики непосредственно не связаны с социальным отношением, а его бытийствование не может быть сведено к присутствию: и присутствие, и отсутствие неполно отражают бытийствование социального отношения, это бытийствование может быть описано лишь как отличие от самого себя, несовпадение с собой. Социальное отношение затронуто различием и отсрочено в будущее: являясь производством системы различий, социальное отношение продуцирует также и систему различий второго порядка, в том числе - различия с самим собой.

Производство практик возможно лишь в том случае, если каждое событие социального мира, которое допускает определение как наличие в настоящем времени, соотносится с чем-то иным, нежели оно само, несет в себе последствия детерминаций, имевших место в прошлом, и в тот же самый момент отрицает само себя своей связью с будущими событиями<sup>113</sup>. Сущностной тенденцией существования является временность: существование в социальном мире есть присутствие того, что было в прошлом.

## глава 13. СОЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ

*L'homme n'est point fait pour mediter mais pour agir.*

**J.-J. Rousseau. Correspondance. A un jeune homme**

Социальные отношения формируют распределения условий и предпосылок практик и в то же время оформляются данными распределениями. Продукты объективации социальных отношений, являющиеся условиями и предпосылками практик агентов, в традиции, восходящей к П. Бурдье, называют "капиталами". Капиталы играют роль структур доминирования: без них, как без необходимых ресурсов, не могут успешно осуществляться практики. Дискретные значения многомерных распределений капиталов называются позициями.

"В аналитических терминах, - отмечает П. Бурдье, - поле может быть определено как сеть или конфигурация объективных связей между позициями. Эти позиции объективно определены как в своем существовании, так и в детерминациях, которые они оказывают на занимающих их агентов или институции, [во-первых] их актуальным или потенциальным положением (*situs*) в структуре распределения различных видов власти (или капитала), обладание которыми управляет доступом к специфическим прибылям, находящимся в игре в данном поле и, в то же время, [во-вторых] объективными связями с другими позициями (доминирование, подчинение, гомология, и т. д.)" [126].

Позиция имеет значение места или топоса, в котором особым образом (в каждом - по-своему) проявляются социальные отношения, т. е. такая особенная область событий, что переход из одной позиции в другую предполагает нарушение непрерывности характеристик, скачок, изменение социального качества. Социальной позицией может быть лишь то, что имеет место в реальности, что как момент участвует в целом социального мира: социальные отношения "проявляются", "проходят" через "открытое место" - позицию. Социальная позиция "пропускает" через себя социальные отношения, открывает, раскрывает их нам, сообщая им смысл. Но сама позиция как "открытое место" обретает смысл лишь в целостности ансамбля социальных отношений, в соотнесенности и соотраженности с ним. Открытое (не-обособленное, наполнимое и исполнимое) "место" конституируется взаимной близостью образующих его социальных явлений: социальные явления, принадлежащие данной позиции, должны быть в некоторой совокупности социальных отношений, по определенным критериям ближе друг к другу, чем к социальным явлениям из других позиций.

Отсюда, описать любое поле социального пространства, - значит, выявить его позиции, т. е. указать множество социальных явлений и задать в нем систему позиций. Это, в свою очередь, равносильно определению тех "мест" социальных явлений, которые считаются "открытыми". Именно эти "открытые места" суть позиции поля, причем каждой из них соответствует определенная *ad hoc* группа агентов, объективирующая данную позицию.

Система социальных позиций описывает упорядоченное соотношение явлений, их сцепление, возникающее на основе распределения по "открытым местам" и повторяемости. Зачастую проще определять не все подмножества явлений, выступающих элементами поля, а только его базу - те "геометрические места" социальных явлений, порядок существования которых ("мест") органически обуславливает изучаемое поле и которые достаточны для того, чтобы все остальные элементы получались как "объединения" "открытых множеств", составляющих "базу". В исследовательской практике база может трактоваться в качестве "минимальной порождающей" совокупности социальных явлений - в том смысле, что производство/воспроизведение этой совокупности определяет остальные явления, составляющие поле как предмет социологического изучения. Позиция - структурная единица социального пространства в отвлечении от воплощения в конкретных институтах или агентах - остается неизменной при переходе от одной системы наблюдаемых (индикаторов), описывающих распределения капиталов, к другой. Но позиция имеет значение не только специфического сочетания капиталов, не меняющегося при всех структурных "реконструкциях" социального пространства, но и конкретно локализованного и дифференциально распределенного места интеграции агентов в социальные отношения. Вне позиций участие агентов в социальных отношениях фактически невозможно. Агентом становится лишь тот, кто пребывает в одной из социальных позиций. Индивид вне позиций не является социальным агентом. Таков, например, Робинзон Крузо или душевнобольные.

Позиция играет роль дискретного проявления континуума социальных отношений, причем эффективное вовлечение агентов в социальные отношения и их (отношений) производство/воспроизведение реализуется исключительно в пределах кванта многомерного распределения капиталов, именуемого нами "социальной позицией". Поэтому можно сказать, что, во-первых, позиция есть форма существования социальных отношений (каждая позиция формируется пучком социальных отношений), и, во-вторых, позиция соединяет агентов и социальные отношения - посредством габитуса, фиксированного позицией.

"Позиция" выделяет внутри проблематики социальных отношений зоны производства практик. Позиция является "пределом социальных отношений" как конкретное дискретное проявление ансамбля социальных отношений. Речь идет о том, чтобы найти место социальному отношению. Но мы не можем локализовать социальное отношение в каком-либо сущем социального мира: социальное отношение развертывается через сущие социального мира и события, но никогда с ними не сливаются. Социальная позиция не репрезентирует события, не выступает субSTITУТОМ практик, но "производит" события социального поля.

Смысл социальной позиции заключается в том, что она не фиксирует связь между событием и собой, но осуществляет "производство" событий, выводимое из взаимодействия социальных отношений между собой.

"Социальная позиция" позволяет отойти от понимания "социального отношения" как финальной структуры, функционирование которой объясняет социология. Это означает, что мы переходим от концепции социального отношения как "порождающей модели" или Идеи практик к концепции социальной позиции как производительности практик. Социальная позиция отнюдь не

является субститутом или "отражением" социального отношения, но реализует его в иной системе элементов, будучи "последней общественной инстанцией" производства практик и производящей функцией социального отношения. Социальные отношения образуют актуальное "силовое поле", активно воздействующее (стимулирующее или подавляющее) на практики. Социальная позиция играет роль социотопоса, в котором это "поле" "соединяется" с практиками при помощи габитуса. Все практики (все события социального мира) возникают на "основе" социальных отношений и являются их "состояниями". При этом динамика взаимодействия социальных отношений и практик, опосредованного социальной позицией, заключена в габитусе.

\*\*\*

Какой же вывод можно сделать из установленных выше тезисов? Вывод значительный, составляющий как бы фундамент возможной социологической теории, синтезирующей структурализм и конструктивизм. Во-первых, социальная реальность - не присутствие, не совокупность существ социального мира, но предположение существования всех возможных существ социального мира - "открытое пространство представления" (см.: [127]) социологической теории. Во-вторых, социальное отношение есть присутствие отсутствия, пространственное-становление-времени, ограниченное, в первую очередь, своим собственным недействительным. Необходимым посредником между социальными отношениями и практиками выступает габитус - структурирующая структура, которая объединяет пространство и время, продуцируя сходные и повторяющиеся практики.

Большинству социологов такие построения могут показаться "спекулятивной заумью" или, хуже того, нелепостью. Между тем, изучение социального отношения именно как присутствия отсутствия позволяет нам впервые исследовать его непосредственно социологически, используя синтетический нефилософский язык описания, безотносительно к "трансцендентальному означаемому" философии.

Проблема социальной реальности предстает, прежде всего, как проблема предмета социологического познания. Вопрос о социальной реальности, равно как и вопрос о социальном отношении - труднейшие в социологии. Как нам представляется, постструктурализм дает ключ для их решения. Данной концепции уготована, быть может, в будущем большая роль. Но одна ласточка не делает весны [128], и развитие постструктуралистской концепции социального отношения-габитуса-позиции требует непрерывной, напряженной работы, и не только единичной, а коллективной и преемственной.

## **глава 14. ПРИСУТСТВИЕ "ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА": "ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ" В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКИ**

*...Остерегайтесь книжников, которые любятходить в длинных одеждах и любят приветствия в народных собраниях, председания в синагогах и предвзложания на пишиствах...*

**Лк 20, 46**

Экономическая социология - молодое направление российской социальной науки, институционализированное лишь в 90-х годах в связи с радикальными экономическими реформами. Поэтому она, будучи свободна от идеиного наследия коммунистического режима, в концентрированной форме выражает новейшие

тенденции социологической мысли в России. Важнейшей темой экономической социологии выступает относительно новый для постсоветского пространства феномен предпринимательства. Формирующееся понятие "социальная группа предпринимателей" исключительно важно, поскольку оно не есть слепок или "отражение" содержания социального мира, а активно продуцирует само это содержание, исходя, в том числе, из социального опыта социолога. Этот опыт, даже если он переживается как радикально деполитизированный, на самом деле является продуктом политического производства<sup>114</sup>.

"Экономическая социология" представляет собой "социологию экономического действия", трактуемого, в духе М. Вебера, как разновидность "социального действия" - "... осуществление контроля над ограниченными ресурсами ненасильственными средствами в целях производства благ и услуг" [130].

"Экономическая социология" концептуализирует социальную структуру России как систему групп и слоев, являющихся либо субъектами реформ, либо адаптирующимися к ним и/или страдающими от них объектами [131, с. 7]. При таком подходе "предприниматели в собственном смысле этого слова" интерпретируются как наиболее заинтересованная в развитии либеральных реформ "социальная группа", один из главных "локомотивов" социально-экономических трансформаций, обладающий средствами и возможностями реализовать свои интересы [там же, с. 10]. Ю.А. Левада утверждает, что общество не может существовать без "предпринимателей", структурирующих "человеческий материал" и поддерживающих поведенческие и символические образцы в области экономики [132]. То есть существованию "предпринимателей" придается всеобщий и необходимый характер.

Данное в социологическом опыте присутствие или "явление предпринимательства" определяется Т.И. Заславской как деятельность, выступающее основой возникновения и развития соответствующего социального слоя<sup>115</sup>. "Конституирующими признаками этого типа деятельности служат: а) целевая установка на получение прибыли; б) свобода и автономность принятия решений; в) самостоятельность, выражаясь в личном риске и личной ответственности" [133].

Итак, непосредственная достоверность, фактичность "явления предпринимательства" - это деятельность, связанная с чем-то вроде организационно-хозяйственных инноваций, которая персонализируется в соответствующей социальной группе. Ее становление - результат либерализации российской экономики "...и вместе с тем - гарант углубления реформ и развития рыночных отношений" [134]. "Социальная группа предпринимателей" конституируется действием, обладающим внутренним смысловым единством и связанным с реализацией ненасильственного контроля над дефицитными ресурсами в целях производства товаров и услуг.

Дефиниция социальной группы предпринимателей развертывается в операционализации, фиксирующей критерии социальной стратификации: политический потенциал группы (объем властных и управлеченческих функций), экономический потенциал (масштаб собственности), а также социокультурный потенциал (уровень образования, квалификации и т. д.) [135]. Применение этих критериев, фактически не связанных с присутствием "предпринимательства", затрудняет формирование однозначного представления о предпринимательстве, в силу чего вводится понятия для обозначения данного явления в узком смысле слова и в широком. Термин "предпринимательство" теперь используется для обозначения:

"..."ядерной" группы, отвечающей всем базовым признакам предпринимательства. Для определения же более широкого круга лиц, причастных

к предпринимательской деятельности, введем новый термин - "бизнес-слой". Бизнес-слой - это родовое понятие, объединяющее всех россиян, в той или иной степени занятых бизнесом начиная с собственников предприятий, банков и биржи кончая наемными работниками, в свободное время "делающими деньги" на свой страх и риск. Бизнес-слой можно определить как совокупность субъектов производительной, коммерческой или финансовой деятельности, осуществляющей с целью получения прибыли, автономно принимающих экономические решения и несущих за них личную ответственность" [136, с. 8].

"Непосредственная данность сознанию" социолога "предпринимательства" отождествляется с "социальной группой предпринимателей" и тем самым конструируется "идеальный тип" предпринимательства, соотносящийся с чрезвычайно узким кругом феноменов. Понятие практически не имеет референта; "подлинные предприниматели" превращаются, по словам В.В. Радаева, в "трудноуловимую тень" [137, с. 176]. Поэтому, чтобы спасти положение и доказать релевантность "социальной группы предпринимателей", Т.И. Заславская конструирует дополнительное понятие "бизнес-слой", которое хотя и не согласуется с исходным теоретическим посылом, но зато наверняка хоть что-то отражает. Концепт бизнес-слоя получает дальнейшее развитие и устанавливается его отношение с "социальной группой предпринимателей", когда идеальный тип интерпретируется как социальная норма, т. е. собственники частного капитала, лично руководящие своими предприятиями или бизнесом, трактуются как "эталонная" группа, обладающая всеми признаками, конституирующими социальный слой предпринимателей [136, с. 8].

"Социальная группа предпринимателей" получается очень неоднородной, статусы, способы деятельности и поведение предпринимателей сильно отличаются друг от друга в зависимости от масштабов дела. Фактическое бытие этой "группы" оказывается под вопросом, ее присутствие ускользает от эмпирической фиксации: конституирующий критерий "новых комбинаций факторов производства" ("самозанятые" - 11,5% всего работающего населения - тоже рассматриваются как элемент бизнес-слоя) в деятельности "предпринимателей" не соблюдается, не действуют и выделенные "потенциалы" (слишком велика внутригрупповая дисперсия экономического потенциала [там же, с. 14])... Более того, "предприниматели" ввиду своей малочисленности и труднодоступности не "попадают в выборку", не становятся объектом социологического исследования [там же, с. 8]. Следовательно, утверждается, что "социальная группа предпринимателей" есть бытие-настоящим, но "предприниматели" как таковые отсутствуют в социологическом опыте. Понятие "социальная группа предпринимателей" означает присутствие, которое отсутствует. Но проблема "социальной группы предпринимателей" состоит не в особых трудностях его измерения, а в том, чтобы удостоверить отсутствие у "экономической социологии" оснований считать "предпринимательство" безусловно необходимым, достоверным и непосредственно данным социологическому мышлению. Субъективная уверенность в существовании "предпринимательства", пусть даже обоснованная политически, не должна кристаллизоваться как присутствие.

\*\*\*

Понятие "социальной группы предпринимателей" некритически заимствовано из Традиции<sup>116</sup>; оно представляет собой частичное и вчерашнее знание, которое выдают за всеобщее и вечное. Вместо того чтобы интерпретировать утверждения М. Вебера как формулировку задачи, "экономические социологи" рассматривают их как готовый ответ, уже дающий достоверные знания о современной российской действительности. Отсюда вытекает стратегия исследования: любой ценой обнаружить за многообразием эмпирических данных фетишизированное

синтетическое понятие "социальная группа предпринимателей". В "экономической социологии" "социальная группа предпринимателей" определяется своей сущностью, выводимой из универсальных отношений. Далее, факты не исследуются в теоретической перспективе, а только соотносятся с понятиями "предпринимательство" и "социальная группа предпринимателей", выступающими в роли кантовского конститутивного понятия опыта, дающего возможность производить синтетические суждения там, где социолог находит лишь самые общие и абстрактные условия и предпосылки. "Социальная группа предпринимателей" конституируется не для того, чтобы с ее помощью объяснять факты, а наоборот: факты собирают, отбирают и ассилируют с целью обоснования Понятия. Иными словами, частное заменяют всеобщим; фундаментальное, но абстрактное, бедное определениями понятие пытаются выдать за конкретное: "существование" редуцируется к "сущности"; исторически конкретные действия и их социальные условия замещаются идеями деятельности и ее социальных условий...

Проблема "социальной группы предпринимателей" предстает перед нами как проблема естественно предсуществующего "начала" социологической концепции, первоосновы явления и источника представлений, которые не надо преобразовывать - их достаточно просто использовать. И в этом пункте "социальная группа предпринимателей" развивается в границах очевидности обыденных представлений, предпонятий политически нагруженного здравого смысла. В отличие от рефлексивно сконструированного понятия, которое само производит условия собственной возможности и потому случайно по отношению к политике, "социальная группа предпринимателей" обращается не столько по научным, сколько непосредственно по политическим законам. В нем есть "место", необходимое для размещения прямых политических смыслов: "свобода решений", "независимость", "реформы"...

Понятие "социальная группа предпринимателей" двойственно; оно означает, с одной стороны, форму социального действия как модель возможных практик ("предпринимательство"); с другой стороны - рефлексию действительных практик и их социальных условий ("бизнес-слой"). Объединение двух этих планов возможно, если необходимые социальные условия предпринимательского действия, взятого в обобщенной и абстрактной возможности, станут условиями действительного действия. В этом случае "экономическая социология" предстанет как политика, поскольку речь идет о социальных преобразованиях (хотя бы и на основе научных представлений), а не о производстве научного знания. Это означает, что перед лицом политики "экономическая социология" уже находится перед самой собой: "экономическая социология" узнает себя в политике потому, что соприродна ей, стигматизирована "волей к власти".

"Социальная группа предпринимателей" не существует. Ее не могут определить даже "на бумаге". То, что существует - практические группы и индивидуальные агенты, занятые политическим и символическим представлением, - далеко не тождественно "группе предпринимателей". Множество людей, занимающихся предпринимательской деятельностью, схожих по критериям стратификационной классификации, связанных групповой идентичностью и солидарностью, объединенных в "класс" или "корпорацию", - отсутствует. Отсутствие означает различие "социальной группы предпринимателей", ее временность и несамотождественность, отличие от самой себя во всех смыслах. Отождествление какого-либо множества людей с "группой предпринимателей" есть "репрессия" этого различия, "диктатура" тождества. "Социальная группа предпринимателей" есть различие (т. е. легитимное - узнаваемое и признаваемое - различие), которым она опознается, но отнюдь не присутствие,

понимаемое как эмпирическая наличность "большой группы людей".

\*\*\*

За эпистемологическим вопросом "что такое "группа предпринимателей"?" скрывается социально-политический вопрос "что значит "группа предпринимателей"?" . Каждый ответ социологов подменяет "группу предпринимателей" представлениями о ней (во всех смыслах этого слова), чем-то иным, нежели она. Производить "группу предпринимателей" значит производить представления, производящие "группу предпринимателей". И так до бесконечности. "Социальная группа предпринимателей" отсутствует: присутствие замещает отсутствие, означающее замещает означаемое, которого нет в момент означивания: по определению это означаемое должно было бы быть совокупным субъектом предпринимательской деятельности, но на самом деле такой субъект не обладает фактическим наличием, не присутствует. Остается лишь производство "социальной группы". Производство как представление ускользающей от присутствия "социальной группы предпринимателей". Любая попытка определить онтологический статус представлений о "группе предпринимателей" обречена. Представительство "социальной группы" есть процесс означивания. Но это означивание бесконечно отсрочено в будущее: "социальная группа предпринимателей" как значение никогда не воплощается до конца, означающее предшествует означаемому.

В процессе представительства, например, Комиссии по предпринимательству при Президенте России, утверждающей, что Комиссия есть предприниматели, а предприниматели есть Комиссия, коллективный субъект "предприниматели" порождает сам себя, политическое представительство создает представляемых. Социологическое описание "социальной группы предпринимателей" также есть "невозможный акт"<sup>117</sup>: когда "предприниматели" обретают свою идентичность, самостоятельное бытие в качестве группы они получают "из рук" социологов.

Социологи суть создатели легитимных категорий перцепции, к которым обращаются предприниматели в качестве обоснования собственного существования. Но сами социологи - всего лишь представители социальных представлений. Социология дает не доказательство бытийного существования "социальной группы предпринимателей", но скорее доказательство ее существования в качестве отсутствия, т. е. подтверждение невозможности ее существования. Таким образом, можно констатировать, что социологическое определение и описание "социальной группы предпринимателей" суть лишь декларация не социологических (но политических и идеологических) целей и намерений.

Отсутствие "социальной группы предпринимателей" свидетельствует, что у нее нет научного, а есть лишь политическое (или шире - социальное) определение. Еще-не-присутствие "социальной группы предпринимателей", как оно описано "экономической социологией", - это проект будущего уже-присутствия. Понятие "социальной группы предпринимателей" относится к политической метафизике. Оно легитимирует более или менее разнородную совокупность агентов, пытающихся навязать обществу категории восприятия самих себя в качестве "предпринимателей" и тем самым гарантировать свое социальное бытие. Утверждение присутствия "социальной группы предпринимателей" есть часть социальной работы по конструированию относительно реальной политической группы - легитимного коллективного агента "политического процесса" - посредством конструирования социальных представлений о ней.

Социологическое описание "социальной группы предпринимателей" превращается в самоописание социологов. "...Предпринимательство" в принципе

- пишет В.В. Радаев - не столько хозяйственное явление, сколько мобилизующая идеологическая схема... Она содержит набор рационализирующих схем, относящихся как к индивидуальному действию, так и к общественному развитию... Она включает относительно замкнутую систему ценностных ориентиров: независимость, самореализацию, стремление к индивидуальному успеху в осозаемых материальных формах" [137, с. 177]. Если в приведенной цитате провести очевидные замены, то мы получим самообъективацию "экономической социологии": ""Экономическая социология" в принципе не столько научное явление, сколько мобилизационная идеологическая схема... Она содержит набор рационализирующих [по З. Фрейду. - Ю. К.] схем, относящихся как к индивидуальному действию, так и к общественному развитию... Она включает относительно замкнутую систему ценностных ориентиров социологов" и далее по тексту. Подобная социология стремится "объяснить" социальные факты, представив их внутренне содержание как нечто, имеющее личностный смысл для самих социологов.

"Социальная группа предпринимателей" интерпретируется такой социологией как присутствие, предметная данность, предстоящая перед социологами в ожидании, когда они вскроют ее "сущность", ее логику, кроющуюся где-то в глубине фактического бытия "коллективного субъекта". Утверждения о присутствии группы являются элементом ее производства, легитимным (коль скоро социология признана как наука) обещанием того, что "социальная группа предпринимателей" будет существовать. Эта декларация имеет значение лишь тогда, когда мы интерпретируем ее не как свидетельство бытийствования "социальной группы предпринимателей", но как заявку на наличие того, что отсутствует и будет отсутствовать. Естественно, что такая заявка имеет политический характер.

\*\*\*

Присутствие "социальной группы предпринимателей" выражает иллюзию неопосредствованного понимания "явления предпринимательства". Это понимание, вырастающее из неопосредствованного социального восприятия, осуществляется в "предпонятиях" повседневного опыта. Согласно Э. Дюркгейму, социология должна произвести эпистемологический разрыв с "предпонятиями". Однако "экономическая социология" не затрагивает "онтологию" обыденного сознания, всего лишь доопределяя ее, чтобы прояснить значения и смыслы.

Содержание присутствия "группы" предпринимателей предстает как "суженное" восприятие: гарантированное легитимной категорией социальной перцепции наличие бытие, не "затронутое" отсутствием. В действительности же там, где "экономическая социология" попросту начертала квантор существования (по формуле: если существует легитимная категория социальной перцепции "группа предпринимателей", то группа предпринимателей существует de facto), кроется напряженное противоречие: присутствие "группы предпринимателей" "раскалывается" отсутствием, наличие бытие впускает в себя ничто...

Отсутствие не есть лишь изнанка или негатив присутствия, оно обладает самостоятельным значением.

"Центрация" социологического описания присутствием "некритического" социолога проявляется в следующем: то, что входит в бытие социолога, его представления, восприятие, ценности, конституирует существующую для него социальную реальность (в том числе "группу предпринимателей"), а также систему различий, функционирующих как бинарные оппозиции понятий. Поскольку присутствие самого себя непроблематично, а отсутствие репрессировано, поскольку и в отношении "группы предпринимателей" реализуется "диктатура присутствия". Таким образом, присутствие "группы предпринимателей" само

постулирует нечто, из него невыводимое, однако предшествующее ему и в этом смысле им не являющееся, а именно: присутствие социолога как необходимое условие и предпосылку присутствия "группы предпринимателей".

Подобное присутствие предстает как воспроизведение собственного присутствия социолога в его рефлексии. Предмет исследования становится отражением, производной, объективацией исследователя в том смысле, что он мыслится по аналогии: "группа предпринимателей" дана как обладающая фактическим бытием, поскольку социолог строит представления о коллективном субъекте ("группе предпринимателей" в роли "собрания многих лиц в корпорацию") по аналогии с тем, что свойственно ему самому в качестве индивидуального субъекта. Например, "социальной группе", как человеку, атрибутируется устойчивая система поведения, а также взаимодействий с другими "группами" и государством, причем эта система регулируется, с одной стороны, общественными институтами, а с другой - социально-экономическим положением и сознанием "группы" [138].

Такой аналогизирующий перенос смысла есть недискурсивное мышление.

Аналогизирующая апперцепция инвестирует присутствие социолога в присутствие "социальной группы предпринимателей" и тем самым сообщает ему реальность: перформанс социологического производства утверждает отсутствие этой "группы" в качестве присутствия.

Присутствие "социальной группы предпринимателей" конструируется не как собственное присутствие социолога, но по аналогии с ним. Присутствие социолога формирует по своему образу и подобию гипостазированное и "натурализованное" (выдаваемое и принимаемое за очевидное и естественное) присутствие "предпринимателей", распоряжается им, структурирует его, но само уходит от исследования и потому бесструктурно. Присутствие социолога есть "центр" присутствия "социальной группы предпринимателей" - science fiction, продукт "воли к власти" ученого, а не атрибут и не модус данной "группы".

"Центр" отрицает отсутствие и однозначно закрепляет подлинное основание "социальной группы предпринимателей" в ее присутствии, делает неприменимым различие "присутствие/отсутствие" по отношению к "предпринимателям": они впредь описываются исключительно как присутствие.

Итак, "социальная группа предпринимателей" не есть некая первозданная "эмпирическая реальность", конечная инстанция социологического объяснения. Она воспринимается, оценивается и мыслится в качестве системы узнаваемых и признаваемых различий - отсылок к чему-то другому, внешнему, противопоставленному "социальной группе предпринимателей" как предел (другие "социальные группы") или контекст ("социальные отношения", "экономика", "культура"...). В отношении означаемое ("социальная группа предпринимателей")/означающее (отдельные агенты и практические группы, производящие данную "социальную группу") оппозиции меняются местами, становятся неадекватными: означающее постоянно соотносится, отсылает к означаемому, но всегдациальному от самого себя, отсутствующему.

Надо отказаться от принципа "презумпции естественности" "социальной группы предпринимателей": она сконструирована, и как суверенный и равный своему социальному действию предмет исследования есть уже итог, а не отправная точка социологической рефлексии. Социологическая концепция "предпринимательства" возникнет лишь в том случае, если социальные факты перестанут конструировать, исходя из внесоциологических - политических, идеологических или философских - соображений. То есть тогда, когда предметом исследования станут не значения (множество индивидов, определяемое через предпринимательскую деятельность) или ценности ("реформы", "свобода

"предпринимательства", "права человека"), а способ производства/воспроизведения этих значений и ценностей, являющийся их условием и предпосылкой.

Проблема, однако, заключается не просто в том, чтобы дополнить стратификационную концепцию социальной группы предпринимателей - концепцией способа производства "социальной группы предпринимателей" и чтобы соединить в исследовании конструктивистскую парадигму со структуралистской. Ибо такой синтез практически уже общепризнан. Проблема - в том, чтобы само понятие "социальная группа предпринимателей" не было результатом определенной политической линии и коллективного субъективизма социологов.

Концептуальная схема объективирует присутствие социолога, и эта объективация создает практически ex nihilo присутствие "социальной группы". Понятие "социальной группы предпринимателей" возможно в качестве описания присутствия лишь при условии, что оно само реализует это присутствие. Однако такое событие осуществимо исключительно в сфере политической утопии, где действительность Понятия замещает социальную действительность.

Продуктивность смысла "социальной группы предпринимателей" проявляется в политическом контексте, в котором она выступает в роли социологизированной идеологемы: "социальная группа предпринимателей" как проект собственного присутствия есть инструмент политики и реальна только в перспективе перформативного политического дискурса, претендующего на активное преобразование общества<sup>118</sup>.

Поясним сказанное. Т.И. Заславская определяет три главных функции, которые должна выполнять современная российская социология: во-первых, "внутринаучную" (собственно производство социологического знания); во-вторых, "политическую", состоящую во взаимодействии с властями с целью содействия "руководству общественным развитием" и повышения эффективности "реформ"; в-третьих, "гражданскую", заключающуюся в "...методически надежном, доступном широкой публике и регулярном информировании общества о сущности происходящих в нем процессов, их причинах и результатах" [139]. Не подлежит сомнению, что социология является частью социальной действительности, а также то, что ее влияние на социальную действительность иногда оказывается даже более сильным, чем хотелось бы самим социологам. Но предлагаемое совмещение трех функций (сознательное и последовательное превращение науки в не-науку) означает не что иное, как смешение конструируемой социологией реальности и социальной действительности. Следовательно, "социальная группа предпринимателей" как проект собственного присутствия есть инструмент политики и реальна только в перспективе перформативного политического дискурса, претендующего на активное преобразование общества.

"Социальная группа предпринимателей" не может быть определена исключительно через присутствие, она может быть определена лишь через присутствие и отсутствие одновременно. "Социальная группа предпринимателей" отсутствует, и это отсутствие информативно, исполнено значения.

Тождество/различие, присутствие/отсутствие, бытие/небытие, означаемое/означающее... - все эти понятия и метафоры социологического мышления сформированы парными различиями. Догматическое противопоставление различий по принципу или-или, придание им статуса "естественных" явлений есть пережиток метафизики. Закрепление абсолютного превосходства одного из различий над другим (присутствия над отсутствием, как в анализируемом нами случае социологического формирования "социальной группы предпринимателей") есть перенесение в стихию научного мышления методов политического насилия -

"репрессирование" отсутствия, "диктатура" присутствия:  
"Метод становится равнозначным террору из-за упорного отказа проводить различия... Речь не идет о том, чтобы осуществить интеграцию многообразного как такового, сохраняя за ним его относительную самостоятельность, а о том, чтобы его уничтожить; таким образом, постоянное движение к отождествлению отражает унифицированную практику бюрократии" [140].

Мы вовсе не призываем к "революции", к перевороту оппозиций: надо "снять" иерархию различий по принципу взаимодополнительности парных понятий. Присутствие/отсутствие, равно как и термы других различий, должны рассматриваться не столько как независимые сущности, сколько как ансамбль отношений, который необходимо раскрыть, как исходный пункт социологического анализа.

\*\*\*

"Экономическая социология" претендует на то, чтобы стать "концом социологии" (см.: [141]). "Экономический социолог" стремится освободиться от власти унаследованных им социологических случайностей, от власти истории, чтобы произвести свои собственные случайности, свою собственную историю. Мы отнюдь не пытаемся критиковать: в самом стремлении преодолеть какую-либо "социологию" уже заложено преклонение перед нею. Вследствие этого лучше предоставить "экономическую социологию" себе самой<sup>119</sup>. Но надо лишить социологической легитимности понятие легитимности, социологически переописав все ее прецеденты. Первое, что следовало бы сделать - описать потребность "экономических социологов" во внешних по отношению к науке инстанциям легитимации ("политическая" и "гражданская" функции социологии), описать так, чтобы полностью освободиться от нее.

Перейти от субстанциализированного понятия "социальная группа предпринимателей" к понятию "производство группы предпринимателей" - это означает обратиться к исследованию конституирования самого процесса конституирования группы предпринимателей. Это означает изучать преобразование всех кажущихся недоступными в концепции социальной стратификации "оснований", выступающих в роли "предельных". Это означает исследовать "группу предпринимателей" как форму понятия, которая рассматривается в качестве неподлежащего критике условия всякой возможной концептуализации в социологии социальной структуры.

\*\*\*

Утверждение присутствия "социальной группы предпринимателей" выходит за рамки описания частных социальных фактов. Оно отсылает нас к условиям возможности любой стратификационной модели, субстантивирующей социальные явления, т. е. представляющей их как неизменные "социальные вещи", а не как социальные отношения.

Задаваясь вопросом "Что такое "социальная группа предпринимателей"?", "экономическая социология" институционализирует ее. Понятие "социальная группа предпринимателей" предшествует истине предпринимателей. Социология пытается снять это опосредствование, утверждая присутствие "социальной группы предпринимателей" как ее непосредственную данность. Фактичность присутствия "предпринимательства" означает, что понятие "социальная группа предпринимателей" вторично относительно социального мира: оно презентирует нечто, существующее до понятия. Интерпретируя понятие "социальная группа предпринимателей" как всего лишь "надстройку" над дополнительным присутствием, "экономическая социология" отрицает конструирующую активность науки, и тем самым мистифицирует природу социологического знания, преувеличивая его непосредственную достоверность и объективность. Если принять положение, что

присутствие "предпринимательства" и есть социальный мир, то понятие "социальная группа предпринимателей" окажется посторонним присутствию. Что на самом деле и происходит в "экономической социологии": рефлексия о происхождении и статусе "социальной группы предпринимателей" выносится за скобки или вытесняется, а теоретическая "работа с понятием" подменяется псевдоочевидностью опросов. Последнее обстоятельство выступает сущностной чертой всей российской "экономической социологии": присутствие "социальной группы предпринимателей" отождествляется с его представленностью в опросе; неявно предполагается, что если респонденты в состоянии отвечать на вопросы о "предпринимателях", то последние непосредственно и достоверно даны.

Развертывание концепции начинается с атетических суждений о предпринимательской деятельности - суждений об этой деятельности, высказываемых безотносительно к ее существованию или несуществованию. Предпринимательская деятельность специально не выявляется как "значимое", "действительное" существующее - ведь социологу "непосредственно дано", что на ее основе уже возник и развился "социальный слой предпринимателей". Доказательства наличия предпринимательской деятельности не приводятся, поскольку "предпринимательство" здесь положено как присутствие. Воспринимая "предпринимательство" как присутствие, "экономическая социология" тем самым представляет "социальную группу предпринимателей" в качестве предмета. Социологам остается лишь уточнить его строение, "внешние границы", сравнить с другими "социальными группами".

Один и тот же эмпирический опыт может описываться с помощью понятий, обладающих разным значением. Рассматриваемый сквозь призму различных понятий, конкретный социологический опыт осознается как имеющий различную смысловую определенность. Смысловой облик "предпринимателей" - присутствие или отсутствие - определяется "интенцией" социолога.

В зависимости от угла зрения, под которым социолог воспринимает свой опыт, ему предстоят разные предметные структуры, т. е. один и тот же социологический опыт может быть истолкован и как присутствие, и как отсутствие "предпринимательства". Их (предметных структур) свойства будут определяться двумя факторами: содержанием опыта социолога, и его интерпретацией в качестве реализующего "интенцию значения", которая представляет собой некое инвариантное смысловое ядро опыта. Мысленное варьирование свойств эмпирического опыта устраниет из присутствия "предпринимателей" все индивидуальное и фактическое, оставляя лишь инвариантное и "существенное". Обратная операция невозможна, поэтому с самого начала надлежит исследовать, обеспечивает ли социологический опыт присутствие "предпринимателей".

Каков "опыт экономической социологии"? Социология, пытающаяся обосновать себя определенным типом опыта, сама становится его функцией. Социология, обращающаяся в поисках основания к политическому опыту, может превратиться в идеологию. Т.И. Заславская, отказываясь от постулата "свободы от оценки" М. Вебера [142], принципиально "снимает" дистанцию по отношению к изучаемому предмету, и возводит в добродетель соединение социальных фактов с "идейными" предпосылками, а также политическими оценками:

"Наиболее валидными... представляются такие критерии оценки социоструктурных перемен, как их соответствие принципиальным целям реформ; роль в обеспечении выживания и устойчивого развития России, а также влияние на социально-инновационный потенциал общества, т. е. на его готовность к продолжению и завершению реформ" [143].

Следовательно, дух "экономической социологии" - гражданский пафос,

ответственности за судьбу России и всех сущих в ней "социальных групп". "Экономическая социология" приписывает (= конструирует, а тем самым и предписывает) "общественным группам" интересы и следит за их соблюдением, т. е. содействует трансформации страны в "нужном направлении". Однако выражать и представлять интересы "общественных групп и слоев" - прерогатива политики, но отнюдь не науки. Согласно же Т.И. Заславской, политика есть неустранимый момент социологии, без которого она не в силах обойтись.

Попробуем понять жизненную ситуацию исследователя, для которого утверждение о неразрывности социологии и политики не просто идея, а пережитый социальный опыт. Для него социология имеет еще одно измерение: не просто производство научного знания, но еще и политическое производство - в силу ее транснаучной структуры. Социологию можно назвать "бытием, открытым политике", так как она не ограничена лишь научным способом существования.

Для захваченного политикой социолога производство собственно социологического знания является средством реализации политических целей: он онтологически не озабочен познанием, даже если и уделяет внимание методологии, методике и т. п. Его предвосхищение будущего, проектирование себя в будущее связано с политическим целеполаганием, актами идеологического выбора. Короче говоря, его существование в качестве ученого ориентировано политически.

Вовлеченная в политику социология стремится не рефлектировать, а действовать, не знаменовать, а прямо представлять. Социология, напрямую связанная с политическим действием, делается выражением системы политических ценностей; при этом она не может рефлектировать себя в качестве политики, ибо она сама есть практическая политика, т. е. легитимное насилие, принимаемое агентами в качестве одного из естественных условий социального существования, а потому не воспринимаемое как таковое. Такой социологии присуща многозначительность тона, ореол причастности к власти, которые создают политическое письмо.

Так, например, существование социолога Т.И. Заславской, причастной и к исполнительной, и законодательной ветвям власти, как СССР, так и РФ, "распахнуто" в политику. Подобная "распахнутость", помимо прочего, наделяет исследователя способностью на деле изменять социальную действительность. Практическая вовлеченность в политику добавляет новое значение любому феномену социального и жизненного мира, без того, однако, чтобы эlimинировать прежнее; "политическая" и "социологическая" реальность взаимопроникает.

"Политическое соучастие" ученого в социальной действительности приводит, как минимум, к тому, что он, проецируя интиоризированные им социально-политические классификации на предмет социологического исследования, теряет возможность объективации себя как объективирующего субъекта; истина для него теряет связь с процессом научного познания, социологическим дискурсом, адекватным описанием социальных фактов.

Присутствие "предпринимателей" как непосредственное осознаваемое и несомненно достоверное сущее несет в себе первичные проекты и жизненные ориентации исследователя, предшествующие собственно социологическому мышлению. Социолог оказывается, таким образом, существенным моментом социологической очевидности, меняющейся вместе с изменением его точки зрения. Очевидности социологической концепции суть объективации субъективности социолога.

Например, достоверность и очевидность "социальной группы предпринимателей" (т. е. ее присутствие) предполагает социолога, которому

это очевидно. Почему ему это оче-видно? Потому что таково его в(дение, такова его точка зрения (в обоих смыслах этого слова), обусловленная ситуацией его существования, его социальной позицией. В(дение ангажированного социолога преформировано политическим пред-пониманием в виде априорных по отношению к социологическому опыту интенциональных оснований. Присутствие "предпринимателей" выражает иллюзию непосредственного осознания "явления предпринимательства". Это пред-понимание, вырастающее из непосредственного социального восприятия, осуществляется в "предпонятиях" повседневного опыта. Так, политические и обыденные смыслы и значения, из которых складываются структурные интенции сознания (необъективировавшего себя как объективирующего субъекта) социолога, проецируются им в онтологию его теории, делают возможным осмысленное познание "трансформационного процесса в России".

По определению, присутствие "социальной группы предпринимателей" эмпирически абсолютно выражено в своем содержании. Все, что "экономическая социология" может сказать о структуре этого явления, о его составе, строении, таково, что оно полностью развернуто для непосредственно-чувственного созерцания, или же - если речь идет о ненаблюдаемых прямо "сущностях" (к примеру, "сознание группы") - разрешимо в опыте.

Проблема эмпирического определения присутствия "социальной группы предпринимателей" заключается в неявном постулировании неких общих концептуальных элементов "экономической социологии", несводимых к содержанию любого единичного опыта и обеспечивающих внутреннее единство этого присутствия. Поэтому эмпирическое содержание присутствия "предпринимателей" - такие качественные состояния и процессы, которые поддаются эмпирической артикуляции в социальных феноменах ("предпринимательская деятельность", "политический", "экономический" и "социокультурный" "потенциалы"...) и могут быть отчетливо зафиксированы как раз потому, что из них максимально устраниены ненаблюдаемые "сущности" ("социальные отношения", "интересы"...). Смысл этого прост: использование эмпирических данных через постулируемое присутствие "социальной группы" означает, что этой теоретической схеме придан онтологический статус, т. е. в области пересечения социальной и социологической реальностей концептуальная модель встречается с результатами своего собственного воздействия; что социолог моделирует возможные феномены предпринимательства, добавляя "сверхчувственный" элемент к их чувственной структуре. Таким образом, речь идет лишь о "присутствии" предпринимательства в пространстве теории "экономической социологии". "Присутствие" есть артикуляция конструирующей деятельности социолога.

Теоретическое суждение, носящее всеобщий характер, может описывать лишь такой предмет, который сам обладает общим характером, и присутствие "социальной группы предпринимателей" надо трактовать как ансамбль теоретических отношений. Присутствие "социальной группы предпринимателей", социологическое наблюдение которого совпадает с его пониманием, построено социологом, причем так, что, будучи существенным, оно, тем не менее, превосходит чувственный опыт данных непосредственно феноменов "предпринимательства" и включает в себя их теоретическое определение.

Присутствие "социальной группы предпринимателей" - это не все, что наблюдается, испытывается, ощущается социологом. Присутствие - это то, для чего есть синтетическая концептуальная схема, конститутивное понятие опыта. Эмпирический факт опыта социолога - "социальная группа предпринимателей присутствует" - включает в себя теорию данной группы и развертывается в

понятийном измерении этого присутствия.

"Экономическая социология" конструирует такое присутствие "социальной группы предпринимателей", которое представляет собой общий, т. е. любой случай. Но это и есть присутствие "социальной группы предпринимателей" в "сущностном" виде, где мысленно удалены все обстоятельства, делающие каждый конкретный чувственный опыт частным случаем. Иными словами, присутствие снабжает сконструированную "социальную группу предпринимателей" формальным подтверждением ее реальности, и вместе с тем закрепляет двойственный характер этого "явления", одновременно действительного и фиктивного.

Как мы видели, присутствие "социальной группы предпринимателей" соединяет реальность эмпирических фактов с "идеальным" теории. Поскольку теория "экономической социологии" не свободна от оценки, поскольку в пределах присутствия устраняется различие социального факта и политической ценности: оно становится и средством дескрипции социального факта ("социальная группа предпринимателей"), и его политической оценкой (апологией "реформ").

Присутствие свидетельствует в пользу "Правительства и Президента", оно превращается в социологическую эмфазу или риторическое усиление плодов "реформ" и эффективности самих "реформаторов". В силу того, что возникновение "социальной группы предпринимателей" есть едва ли не единственный позитивный результат "самых важных в истории России реформ", исследуемое присутствие - это политический символ, т. е. значимый эквивалент "социальной группы", относящийся к иному (политическому) порядку реальности, чем означаемое. Действенность этого символа объясняется структурным изоморфизмом политической и социальной реальностей: присутствие "социальной группы предпринимателей" и действительные события образуют оппозицию, подобную той, в которой осуществляется дуализм социально-политической классификации и социальной реальности.

Предпонятия, имеющие политическое происхождение - вот *fundamentum inconcussum* присутствия "предпринимателей" в "экономической социологии". На деле, однако, без политических предпочтений обойтись нельзя. Поэтому следует критиковать "экономическую социологию" не за то, что она совершает некий политический выбор, а за то, что она этот выбор, во-первых, не объективирует, скрывает под покровом "естественной социологической установки", и, во-вторых, проецирует в онтологию социальной теории. Не задаваться вопросом об онтологическом смысле присутствия "предпринимателей" - значит уже ответить на него. Отказ от постановки вопроса о способе присутствия "предпринимателей" говорит о том, что его сущность полагается естественной, - что присутствие "предпринимателей" есть нечто самоочевидное. Скорее всего, недавно возникшее в России присутствие "предпринимателей" означает становление различных социальных отношений, позиций, институций, многообразные процессы политического и символического представительства и т. д. Социолог должен показать историчность присутствия, его обусловленность отсутвием, иначе он рискует не объяснить социальные факты.

## послесловие. НАУКА НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ

Знаменитый Лейбниц обладал многими действительными знаниями, которыми он обогатил науки, но еще более грандиозны были его замыслы, выполнения которых мир тщетно от него ждал. Было ли причиной этого то обстоятельство, что его исследования казались ему еще слишком незавершенными, - неуверенность, вообще свойственная людям с большими заслугами и во все времена лишавшая ученый мир многих ценных фрагментов, - или с ним случилось то, что Бургав

думает о великих химиках, а именно, что они часто говорили о фокусах так, как будто они уже проделали их, тогда как в действительности они только убеждали себя в этом, полагаясь на свою ловкость, уверенные, что эти фокусы не могут не удастся, если только они захотят за них взяться, - этого вопроса я здесь не решаю. Во всяком случае весьма вероятно, что некоторая математическая дисциплина, которую Лейбниц заранее озаглавил "Analysis situs"... была скорее всего лишь плод воображения.

И. Кант. О первом основании различия сторон в пространстве История социологии, если понимать ее как социальную науку в ее движении (*Geschichte*), а не как дисциплину, изучающую прошлое социологии (*Historie*) - явление жестокое. Из сотен тысяч публикаций *Geschichte* отбирает немногие, которым суждено остаться с ней и в ней, и правила отбора современникам принципиально непонятны. Можно, конечно, постараться провести *Historie*, попробовать уже при жизни занять место среди классиков, публикуя на гранты либо агиографию в жанре "*State of the art*", либо интеллектуальную биографию своего поколения. Но героическая борьба с "тоталитаризмом" не может заменить открытый, и вряд ли даже бесплатная - на деньги фондов - раздача всем желающим и рассылка по градам и весям подобного рода изданий способна повлиять на ход *Geschichte*. "...Nocturna versate manu, vesate diurna"<sup>IXXIII</sup>.

Да только рука чтецов листать устала, и думать им порой мешала гора ненужных книг! *Historie* - не фактор социологического исследования, практическое организующее начало социальной науки, а одна из попыток самоописания дисциплины в учебных целях. Автор классических исследований и "статусный классик" - разные вещи. Отличие классика от статусного классика заключается в следующем: если первого цитируют редко, зато его идеями, вошедшими в "золотой фонд" научного сообщества, пользуются многие, то на второго, напротив, формально ссылаются все, но его идеи оказываются невостребованными:

"Мы столь высокого мнения о себе, что желали бы стать известными всему миру и даже тем, кто придут после нас. И мы так суетны, что радуемся уважению пяти или шести ближайших к нам людей и довольствуемся им"<sup>ПXXIV</sup>. Поколение ученых, участвовавших в учреждении отечественной социологии (*nominis sunt odiosa*), по всей видимости, полагают, что она принадлежит им по праву собственности, "ибо Бог в роде праведных" (Пс 14, 5). А если Бог в социальной действительности отсутствует? На что тогда уповать "поколению праведников", институционализировавшему свое самолюбие и восхищению собственным талантом в форме "либерального террора": "А вы вообще не социолог: вас здесь не стояло"? Любое поколение социологов - это, в сущности, целостный исследовательский стандарт, определенная научная мода. Но мода приходит, и мода проходит. Тесен дней нашего века предел. Лишь только очередное "солнце российской социологии" взошло - и уже закат. Будущее всегда принадлежит другим.

Львиная доля и текстов и самих социологов по прошествии определенного срока перестают отвечать как критерию научной истинности, так и критерию социально-политической пользы. "Who now reads Spencer?"<sup>ПXXV</sup>. А Альфреда Вебера? А Жоржа Гурвича? А Владимира Шляпентоха "со товарищи"? Их имена и оставшиеся после них в справочниках термины оказываются равноправными, поэтому, например, "регулятивная система" вместо того, чтобы обозначать явление социальной действительности, обозначает самого Дж. Спенсера.

Вчерашние лидеры научной мысли становятся знаками самих себя. Настоящее - гребень волны, которая катится из прошлого в будущее. В движении социологии от уже-невозвратимо-миновавшего к еще-не-наступившему

остаются лишь те работы, в которых есть что-то неожиданно-неочевидное, некий парадокс, сочетающий в себе взаимоисключающие истины и разрушающий доксус. Конечно, для сугубого историка социологии ничего безусловно нового быть не может, и порой новшество оказывается плодом творчества, выросшего из сознательного отказа от чтения или - реже - попросту неполного знания "литературы по специальности". Чтобы заслужить славу "бессмертного", необходимо быть гением в стиле "Бури и натиска", ведь социологические идеи гомологичны социальному позициям IVXXVI. Поскольку в социальной науке надындивидуальная по самой своей сути идея значит больше какой бы то ни было индивидуальной гениальности, поскольку для успеха необходимо, попав за счет эффекта гомологии в определенный горизонт цитирования, заморочить своими новациями головы трем-четырем поколениям аспирантов.

Отечественная социальная наука существует в эпоху реформ "после марксизма". Ввиду финансовых затруднений она сузила фронт исследований и, уклоняясь от вопроса "что?", начинает ставить вопрос "зачем?", на который раньше отвечала философия. На вопрос "зачем?" социальная наука отвечает либо раскрывая свои исследовательские средства, либо проясняя свои социально-политические цели. Взаимосвязь целей со средствами образует "логику" социологии. Легитимация социологии представляет собой социально-политические гарантии этой взаимосвязи VXXVII. Появляется все больше ученых, рассуждающих о социальном мире в терминах средство-цель, а не причина-следствие. "Генеалогия" сущего, его причинные свойства релевантны для подобных социологов лишь в качестве цели, имеющей несомненные политические коннотации:

"Как мне представляется, с выполнением научно-познавательной функции социологии дело обстоит относительно благополучно. Однако достигнутый уровень развития нашей науки еще не достаточен для полноценного, профессионального участия в научном обосновании реформ" VIXXVIII.  
Отсюда вовсе не следует, что каузальное объяснение в социальной науке неизбежно принимает форму воображаемой метапозиции "незаинтересованного" и "беспристрастного" исследователя. Однако дискурс политической или социальной идентичности порождает в социологии тавтологическое представление: я разрабатываю такую концепцию, провожу такие измерения, потому что я - "либерал", петербуржец, женщина... Предпнятия доксического опыта оказывают на социологию большее влияние, чем это обыкновенно признается. Если движущей силой социо-логии служит объективизация средств и целей науки и экспликация противоречий между ними, то "классическая ясность" и "естественность" метафизики присутствия поконится на иллюзии всеобъемлющей целостности универсального онтологизированного метода и натурализованного предмета социологии, которая скрывает различие приемы/цели, а также его внутренние напряжения. Никакой социолог не может быть абсолютным властелином смысла своих суждений: необъективированное, т. е. история и социальные детерминации познания, привносит некую неотчетливость в кажущуюся ясность смысла объективированного. Исследовательские практики и их результаты не являются полностью явственными и умопостигаемыми, их нельзя непосредственно проецировать на социальную действительность: они могут быть соотнесены напрямую лишь с социальным миром, который конструирует сама социология.  
\*\*\*

Мы пытались уловить *homo sociologicus* там, где он находится ближе всего к изучаемому им социальному миру - в "социологической повседневности", когда он в привычных для него научных формах приступает к "наброску" открыто-очевидного сущего. Этим идеальным проектом предмета исследования,

которому приписывается неопосредствованная достоверность, выступает присутствие.

Значение, смысл и употребление "присутствия" стигматизированы врожденной и несводимой "наивной социологией", спонтанно воспроизведимой господствующими социальными позициями. События социального мира столь различны, что их нельзя отождествлять, и вместе с тем столь сходны, что их постоянно сравнивают. Социальные различия почти наглядны, но не абсолютны. Присутствие не дано вне пространства-времени социального мира, однако, поскольку пространство-время есть стенографическая запись несовпадений и изменений, поскольку присутствие существовать не может. Присутствие мерцает, вспыхивая и исчезая, в многообразных структурах социального мира и во всевозможные моменты научной практики. Отсутствие указывает на то обстоятельство, что присутствие есть инструмент неких неподвластных научному производству социально-политических сил. Если присутствие - понятие институциональное, то отсутствие - это институциональный диссонанс по преимуществу, т. е. социально опосредствованное противоречие между взаимоисключающими концептуальными схемами, представляющими одно и то же сущее социального мира. Поэтому не стоит учреждать отсутствие в качестве нормы и образца познания. Признание отсутствия присутствия "примирает" с несовершенством представления, размыкая его самореферентность и тавтологичность, останавливая механизм политического представительства в социальной науке. Оно примиряет, если удерживает нас в границах критической рефлексии, не позволяя создавать новые "абсолюты". Отсутствие угнетается в структуре институционализированного представления тождества социальной действительности, ему недоступно и в нем невыразимо. Способность соотносить присутствие (представимое) с отсутствием (непредставимым) есть власть над социологическим представлением. На уровне рабочей метафоры, противоречивая сущность социологического mainstream'a заключается не в различении тождества ("отрицание"), а в бестрепетной редукции различия, претворяемой в жизнь посредством различения самого различия ("отрицание отрицания"). То есть настоящая его сущность - в отрицании различия, неприятии отсутствия, забвении различия, которое есть необходимое условие самой социологии. Спешим успокоить научную общественность: социологии не грозит диктатура отсутствия. Отсутствие немыслимо вне присутствия. Отсутствию нужно его собственное отрицание: чуть-чуть метафизики, чуть-чуть идеологии, чуть-чуть объективации социальной позиции... Впрочем, некоторым деятелям отечественного философского бизнеса будто бы было видение, что по Латинскому кварталу бредут юные отсутствилюбивые то ли деконструктивисты, то ли постструктуралисты, и слышно, как они шепчут: "Quousque tandem abutere, praesentia, patientia nostra?" Посему в столице нашего обширного государства раздается ропот постструктуралистской общественности: "Доколе? Доколе?" Не дождется, господа! Никогда будущие историки науки не напишут: "Очищенная огненной гибелью своего метафизического начала - "присутствия" - и поднявшаяся до понимания "социальной реальности" как смыслообразующего a priori, социология достигла апогея своего интеллектуального могущества..." Увы, никогда.

Суровый наступает век, и для него  
Поле возделано, и приготовлен дар  
К трапезе жертвенной. И река и луга  
Открыты широко вокруг пророческих утесов,  
Чтобы до самого востока человек,  
Преображаясь многократно, видеть мог VIIIXXIX.

\*\*\*

Настоящее как временн?й момент социологического производства выступает продуктом вполне "пространственного" "естественного отбора" из горизонта возможностей, свершающегося посредством запретов и исключений внутри социальной практики науки. В будущее перетекает лишь та работа, которая, во-первых, содержит новую форму или оформляет новое содержание и, во-вторых, преодолевает негативное определение "это не социология", адресованное ее ближайшей предшественнице в ряду событий научного производства. "Кто ищет - вынужден блуждать"<sup>VIII</sup>XXX. Социология, которая будет превалировать в будущем, дремлет в возможном, в состоянии неразличимости с горизонтом возможного. А относительно горизонта мы не уверены, наука ли это. Доминанта будущего еще не зафиксирована, но уже тематизирует акт выбора и в силу этого содержит в себе трагический момент отрицания прошлого, всего не-выбранного. При этом характерной чертой социологии конца ХХ века является девальвация этой трагедии, обесценивающая сам выбор: различия между концептуальными системами и типами экспериментирования стремительно теряют иерархический характер, и теперь агент волен выбирать не только средства и цели своих научных практик, но и сами основания выбора, - и так далее до бесконечности. Российские социологи болезненно избегают самообъективации. От этого происходит отторжение ими разного рода "неприятных истин". Что не вполне осознается нашим социологическим сообществом - это та форма, в которой осуществляется развитие теории. Многие полагают, что социальная теория становится все более и более изощренной, но при этом опирается на неизменный базис постулатов и определений, в то время как в действительности социальная теория постоянно смещает свои основы, модифицирует и изменяет исходные аксиомы и концептуальные схемы.

Всякий конкретный выбор в известной мере случаен, необходим лишь выбор как таковой и, быть может, его последствия. Релятивизация выбора актуализирует потенциальные исследовательские практики, а не запреты, как это было еще недавно. История науки свидетельствует, что нет таких запретов, которые бы не нарушились<sup>IX</sup>XXXI. Ныне в России ни страшная борода Карла Маркса, ни указующий перст Талкотта Парсонса никого не пугают. На гребне волны настоящего социальная наука раскрывается как тотальность возможностей. Это обесценивает проект кризис/стабилизация, который идентифицировал социологию с архивом классических текстов<sup>X</sup>XXXII, по сути, возвещая о ее смерти: лишь в ситуации post mortem прошлое актуальнее будущего. Однако в отличие от Великого Пана, социальная наука еще жива. *Carpe diem!*

Надеявшийся награжден не мало, -

Награду вера всю в себе несет.

Тебе не даром мудрость подсказала:

Что у тебя Минута отобрала,

То никакая Вечность не вернет<sup>X</sup>XXXIII.

Самые существенные тексты еще не написаны.

В российской социологии все еще начинается.

## ПРИМЕЧАНИЯ

1 Социальный мир - это все то, что имеет место, чему случается быть (*was der Fall ist*) (ср. [1]). Формально (*adjective*) социальный мир есть ансамбль фактов, понимаемых как отношения сущих (см.: [там же]), а содержательно (*substantive*) - совокупность взаимосвязанных социальных явлений (ср. Кант И. Критика чистого разума, В446). Говоря о проецировании на социальный мир

концептуальной схемы, мы имеем в виду социальный мир, рассматриваемый содержательно, в то время как сущее социального мира предполагает его формальный аспект. Хотя конструирование социального мира (формально и содержательно) и осуществляется социологией *cum fundamento in re*, тем не менее, оно схематизирует и сужает представления о возможных событиях. Социальный мир выступает для агента, во-первых, в качестве мира жизнедеятельности (нечто вроде Werkwelt M. Хайдеггера) - средоточия его жизненно важных отношений, мира, в котором агент непосредственно и сущностно заинтересован. Во-вторых, социальный мир есть более отдаленный и опосредсованный, но, тем не менее, значащий для агента, наделенный смыслами окружающий мир (Umwelt), данный преимущественно как множество наличных (vorhanden) сущих (Seiendes), со-присутствующих с присутствием агента. (Заметим, что ни мир жизнедеятельности, ни окружающий социальный мир не совпадают с Lebenswelt Э. Гуссерля) Сущее социального мира для агента не является изолированным предметом. Оно есть погруженная в контекст социальных отношений часть окружающего агента мира или мира его жизнедеятельности. Разумеется, все вышеназванные "миры" и соответствующие им позиции агента являются идеализацией (ср. Habermas J. Theory des kommunikativen Handelns. - Bd. 2. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981. - S. 234.).

2 Под "сущим социального мира" в настоящей работе понимается вообще все, что может служить предметом мышления, стать "объектом" для "субъекта". Сущее социального мира как таковое всегда обусловлено и контингентно (не-необходимо). Понятие "сущее" определяется нами как то, что может стать предметом социологических практик, и как то, о чем социолог может знать. Оно не обозначает некий род событий социального мира наряду с другими (*ens non est genus*), но схватывает все, что "есть" в социальной реальности. Сущее (*ens*) охватывает как присутствующее (*praesens*), так и отсутствующее (*absens*). Однако сущее, поскольку оно "есть", почти всегда полагается как присутствующее, но не как отсутствующее. Таким образом бытийствование как таковое ("есть") имплицитно приравнивается к бытию-настоящим. Сущее есть пред-стоящее субъекту в представлении. Представление здесь понимается как сбиение воедино (*co-agitatio*, т. е. *cogitatio* P. Декарта) восприятия, воления и рефлексии субъекта. Оно является практическим опосредствованием наличного или техническим оперированием различными данностями, универсальной определяющей деятельностью. Понятие "сущее" проявляет, между прочим, подчинение "социального мира" тождеству представления и требованиям концепции истины как соответствия. Понятия "социальный мир" и "сущее" являются одними из базовых понятий представления и как таковые выступают условиями возможного социологического опыта.

3 "Сущность" здесь понимается в самом широком смысле, т. е. как *quidditas*, чойность.

4 В этом присутствие близко *Erscheinung* "Феноменологии духа" - оно наделено чертами и явления, и являющегося знания. Отличительной чертой метафизического мышления в социологии выступает поиск обоснования сущего социального мира. Для "метафизически ориентированной" социальной теории сущее социального мира бытийствует именно как присутствие потому, что последнее об-основано способом обосновывающего научного представления. (Ср. Heidegger M. Zur Sache des Denkens. - Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. - S. 62.)

5 Присутствие представляет собой не элемент социального мира, а феноменологическое выражение сущего социального мира, способ его существования в социологическом опыте. Научная "объективность" собирает,

свертывает временное становление в "живое настоящее" присутствие. Поэтому присутствие - "эмпирически нагруженная конструкция" - не может служить понятием "теоретической" теории. Будучи непосредственной достоверностью данной до понятия, присутствие обосновывает его. Эмпирически обнаруживаемые свойства "навешиваются" на некую "онтологическую основу", которая отличается от них и находится "перед" или "за" ними, т. е. на "предмет". Если предположить, что за свойствами нет никакой отличной от них субстанции, то в опыте агенту даны лишь комплексы взаимосвязанных свойств. Каждое из этих свойств, однако, принадлежит не только отдельному комплексу, но и "распределено" среди множества других комплексов и событий социального мира, выступая в виде их взаимных отношений. Если данные свойства и отношения полностью свести к предмету, как изолированной монаде, то присутствие присутствующего будет устранено. Если же редуцировать предмет целиком к свойствам и отношениям, то станет ненужным он сам, так как действительным содержанием будет присутствие присутствующего.

6 В формуле "A есть A" закон тождества "...высказывает то, как всякое сущее есть, а именно: оно само - то же самое, тождественно с самим собой. Закон тождества говорит о бытии сущего. Как закон мышления он значим только потому, что он - закон бытия, который гласит: каждому сущему как таковому присуще тождество, единство с самим собой.

То, о чем гласит закон тождества... есть именно т?, о чем мыслит все западное, европейское мышление: единство тождества образует основную черту бытия сущего. Повсюду, где бы и как бы ни обращались мы к сущему того или иного рода, тождество затрагивает нас своим вопросом. Без этого запроса сущее никогда не смогло бы явить себя в своем бытии. Не было бы тогда и никакой науки. Ведь если бы не было у нее заведомого ручательства в тождестве ее предмета, то наука не была бы тем, что она есть. Этим ручательством исследование обеспечивает себе возможность своей работы" [3].

7 Наука Нового времени идентифицирует бытийствование исследователя с его мышлением, а мышление - с познанием. Единство различных состояний сознания ("трансцендентальное единство апперцепции") объявляется источником и необходимым условием любого суждения о предмете. Это ведет к тому, что под сущностью социолога подразумевается познание, а не бытийствование, которое предстает лишь в роли предмета исследования, т. е. объекта, противопоставленного социологу как субъекту: "Предмет в смысле объекта имеется лишь там, где человек становится субъектом, где субъект превращается в Я, а Я - в ego cogito; лишь там, где это cogitare понимается как "изначально синтетическое единство трансцендентальной апперцепции"; лишь там, где для "логики" завоевана верховная позиция (в истине как достоверности декартовского "я мыслю"). Только здесь раскрывает себя существо предметного в своей предметности. Только здесь станет в последствии возможным и необходимым понять саму предметность как "новый истинный предмет" и возвести ее до абсолюта" [4, с. 184]. Действительность сущего социального мира превращается в его объективность, т. е. раскрывается посредством субъекта. Объект - объективизация субъекта.

8 Согласно И. Канту, предмет конструируется субъектом из чувственных ощущений; он есть конечная, а не исходная точка научного исследования. (Предмет = синтезированное рассудком единство множественности данного в ощущениях.) Предмет восприятия имеет место в интенциональной имманентности сознания. Сущее становится предметом, когда агент представляет его в смысле объективной апперцепции, причем сознание диктует условия возможности всякого опыта. Иными словами, исследователь не просто воспринимает сущее, а

устанавливает и удостоверяет его. Социальные условия существования научного агента производства утверждаются в новоевропейском познании как предикаты сущего вообще. Сущность преобразуется в предметное содержание объекта, а существование - в присутствие, факт предстояния перед воспринимающим субъектом. Представлять означает ставить сущее как предмет перед собой и удостоверять представленное как таковое. Представление - это опредмечивание, подразумевающее освоение и присвоение. "Представление" имеет еще и другой смысл, например, сценическое представление, но оба смысла часто совпадают.

9 Особо отметим здесь, что наши постоянные обращения к трудам Мартина Хайдеггера обусловлены не так называемым "...общим строем его мысли - консервативно-романтической мифологией почвы, критикой техники, недоверием к либерализму и отвращением к демократии" (Малахов В. Герменевтика и традиция // Логос. - 1999. - j 1. - С. 8). Мы полагаем М. Хайдеггера не столько "поэтом и пророком", сколько философом, замыкающим собой ряд феноменологов и открывающим постструктураллизм. (Ср. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: Между феноменологией и философией жизни. - М.: Прогресс-Традиция / Дом интеллектуальной книги. - М.: 1999.) Мы отнюдь не следуем философии М. Хайдеггера, тем не менее, оставляя за собой право использовать некоторые ее методические аспекты. То же можно сказать и о трудах Ж. Дерриды, из которых мы черпаем некоторые мыслительные ходы или рабочие метафоры и переносим из стихии философии языка и литературы в область социальной теории, подвергая их в этой связи значительным изменениям.

10 То есть интерпретация бытийствования сущего в качестве субъект-объектного отношения редуцирует социальный мир к социальной технике, а социологию - к социальной инженерии.

11 Основа, которая обосновывает и эмпирический социальный мир в целом, и каждое сущее в нем в отдельности, трактуется как порождающая первопричина. Если мы изобразим всю совокупность условий в ряду причин социальных событий, то получим представление о социальном мире. Если же вообразим себе то, что полностью находится вне социально обусловленного, то мы получим представление о социальной реальности.

12 Гете И.В. Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака // Гете И.В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. - Т. 2. - М.: Худож. лит., 1976. - С. 22.

13 Социальные практики суть все то, что делают социальные агенты, включая, разумеется, и целесообразные преобразования предметов, взятые в их социальных формах. Практики не могут быть сведены ни к объективному научному познанию, ни к субъективному опыту сознания, а являются действительным осуществлением социальных отношений. Практики - события социального мира. Событие есть производное от изменения. Можно сказать, что практики являются изменениями социального мира, производимыми агентами.

Мы употребляем понятия "практика" и "социальное отношение" как в единственном, так и во множественном числе. На современном уровне развития социальной науки считается, что, несмотря на общность, эти понятия содержат точное описание предмета, и суждения о "практике" и "социальном отношении" как о чем-то единичном и о чем-то общем фактически совпадают. Ср. Nancy J.-L. Etre singulier pluriel. - Paris: (d. Galilee, 1996).

14 "Присутствие" означает, что необходимое и достоверное сущее социального мира непосредственно представлено сознанию социолога. *Mutatis mutandis* о "присутствии" можно сказать, что оно безотносительно (существует само по себе) и через себя представляемо (*quod per se est et per se concipitur*). Любое сущее социального мира устанавливается неким "присутствием" или соотносится с ним.

15 Заметим, что уже основоположник социологии позитивист О. Конт в некоторых своих построениях воздавал должное априоризму: "Если, с одной стороны, всякая положительная теория должна непременно опираться на наблюдения, то, с другой стороны, для того чтобы приступить к наблюдениям, наш ум нуждается уже в какой-нибудь теории. Если, созерцая явления, мы не связали бы их с каким-нибудь принципом, то для нас было бы невозможно не только соединить эти различные наблюдения и, следовательно, извлечь из них какую-нибудь пользу, но даже и запомнить их; чаще же всего явления остались бы незамеченными" (Конт О. Курс положительной философии. - Т. 1. - СПб., 1900. - С. 6).

16 Развернутое определение присутствия как непосредственного дает подход, акцентирующий внимание на моменте "соотнесенности с другим". Вопрос о способе соотношения с "другим" возникает вместе с определением "начала" социологии как определенной непосредственности. Выбор начала задает границу непосредственного бытийствования определенности. Эта граница отделяет присутствие существующего социального мира (непосредственно данную определенность начала) от многообразия других определеностей социального мира, которые не присущи началу и в силу этого непосредственно не даны. Оттого выход за пределы присутствия существующего социального мира (к "другому") ведет к прекращению непосредственной данности исходной определенности социального мира. Иными словами, при переходе к "другому" непосредственно наличествующая сущность социального мира снимается.

Прекращение определенной непосредственной данности социального мира при переходе в "другое" не отрицает существования отношения с "другим". Отношение, удовлетворяющее этому условию, является непосредственным. Так, отношение конституируется как непосредственное в том случае, когда переход присутствия существующего социального мира ведет к прекращению исходной определенности. Определенное и определимое присутствие существующего социального мира, интегрируясь в непосредственное отношение, преобразуется в иную сущность. В непосредственном отношении отрицанию подлежит само существование какой-либо фиксированной определенности присутствия существующего социального мира как таковое. Переход к "другому" оказывается в этом случае переходом к другой непосредственно существующей определенности (другому присутствию). В этом смысле социальные отношения как опосредсованный способ существования, как существование через обусловленность и соотнесенность с "другими" не являются непосредственными отношениями присутствий существующих и не могут быть представлены как присутствия.

17 *Ego cogito* - достоверная для познающего агента достоверность его самого, выражающая субъективную уверенность в реальности собственного Я. Внутренним содержанием этой "самодостоверности" обычно полагают интенциально конституированные переживания и акты я-образной жизни сознания. В феноменологии практики и практические отношения агента идеализируются до степени интенциально конституированных переживаний и актов сознания. При этом полностью утрачиваются онтологические моменты присутствия социолога, поскольку оно низводится до онтической данности его самого, вне горизонтной открытости социальной реальности. (К слову, глубинной сущностью индивидуального самосознующего Я признается трансцендентальное сознание.)

18 Осмысленное как социальный факт, присутствие в составе социологической теории по-своему детерминирует события социального мира: возможным предметом исследования является то, что присутствовало, присутствует или, согласно социологическим взглядам, способно присутствовать, а невозможно то, что не

подпадает под представления о присутствии. Присутствие становится необходимостью: присутствующее должно быть, потому что оно присутствует.

19 Тождество - всегда продукт абстрагирующей деятельности, и оттого оно вторично относительно различия. Ср. Луман Н. Теория общества (вариант San Foca'89) / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. / Вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. - М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. - С. 203-212; Кюнг Г. Онтология и логический анализ языка / Пер. с нем. и англ. А.Л. Никифорова. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. - С. 198-211. См. также: Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. Н.Б. Маньковской и Э.П. Юровской. - СПб.: Петрополис, 1998. - С. 149.

20 Система различий как "несубстанциальная субстанция" не предшествует сознанию и выступает его достаточным основанием лишь в том смысле, что является конститутивной формой сознания.

21 Горизонт социологии есть горизонт возможных значений социальной реальности, причем то или иное конкретное ее толкование в той или иной социологической теории обусловлено множеством как внутренних, так и внешних научному производству обстоятельств.

22 Сознание неустранимо из социальной реальности, решительно отличающейся от реальности вещей. Сама постановка вопроса о социальной реальности предполагает, что мы отличаем ее от сущего социального мира.

23 Условиями действительности любого социального различия выступают, во-первых, присутствие, по меньшей мере, одного сущего социального мира, отличного от другого, и, во-вторых, осуществление системы практик, направленных как на процесс различия, так и на эти сущие (их смыслы и значения). Но практики различия не реализуются сами по себе, вне социальных отношений, поэтому и можно говорить о производстве социальных различий.

24 Поэтому социология, стремясь схватить социальную реальность в понятиях, следует за присутствием. Пытаясь уловить присутствие, социология становится одной из его форм - абсолютным присутствием сущего социального мира.

25 Здесь отношение понимается как логическое, т. е. как "связь двух истин".

26 Понятие "социальное отношение" использует различие в качестве схемы теоретической оптики. Оно оперирует различиями между сущими социального мира,ложенными как социальные. Реальность социального отношения - события, со-относящего практики, их условия и предпосылки, - заключается в его причиняющем воздействии. Оно выступает как статистический порождающий механизм событий социального мира. Это означает, между прочим, что понятие "социальное отношение" устанавливает статистическую связь между причинами практик, ориентирует на исследование сопряжения практик в свете взаимодействия порождающих их каузальных механизмов. Но практики не связаны с социальными отношениями как акциденции с субстанцией: практики формируются и обусловливаются социальным отношением и переструктурируют его в процессе собственной трансформации. Социальное отношение для социолога есть, во-первых, статистически необходимое и закономерное бытийствование (внутри которого связывается множество агентов и условий и предпосылок их практик), чье восприятие, оценка и выражение, во-вторых, социально гарантировано. Социальное отношение реализуется как система различий (система в силу того, что "единство", а различий - потому что "множество"), узнаваемых и признаваемых в качестве таковых, т. е. в виде системы различий, ставших

различениями. Закономерный и необходимый характер социального отношения проявляется как статистическая повторяемость, воспроизведение (неотделимое от производства) этой системы различий/различений всех существующих социальных мира.

27 "Социальное пространство... вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур. <...> Социальное пространство - абстрактное пространство, сконструированное ансамблем подпространств или полей... которые обязаны своей структурой неравномерному распределению отдельных видов капитала, и может восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях..."

Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически (как тела, привязанные к постоянному месту: закрепленное место жительства или главное место обитания) и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг (в зависимости от имеющегося у них капитала, а также от физической дистанции, отделяющей от этих благ, которая сама в свою очередь зависит от капитала)" (Бурдье П. Физическое и социальное пространство: проникновение и присвоение // Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1993. - С. 38, 40).

28 Цепочка превращений бытие-сущим-бытие-данностью-присутствие позволяет нам зафиксировать причиняющее (или, шире - определяющее и в тоже время распределяющее) взаимодействие социальной науки со своим предметом, в результате которого сущее социального мира объективируется, а социология как институт субъективируется.

29 Рефлексивная неопределенность и дискурсивная невыразимость "объяснительных структур" на деле значит, что агент не может выйти за пределы ансамбля социальных отношений иначе, чем в моделирующей абстракции и идеализации, но не практически. Эти структуры - зачастую непонятой и недискурсивно - выражают действительные связи агента с социальным миром, открытые ему в его практиках посредством их социальной обусловленности. Агент не может адекватно постигнуть "объяснительные структуры" потому, что в силах их распределить, т. е. не обладает способами их воспроизведения в своих практиках. Относительно "объяснительных структур" социолог не может сказать, что именно они означают, и, следовательно, не может с их помощью однозначно отделить социологическую истину от не-истины, потому что сама социологическая истина есть производная от этих структур. "Объяснительные структуры" выступают в роли инвариантов отношений внутри социальных систем практик, в которые вовлечен агент. Они суть преобразованные диспозиции, позволяющие агенту производить плодотворные практики, "вписанные" в социальный мир, согласованные с ним, и потому укорененные в объективных социальных структурах, пред-объяснение которых они осуществляют. Это пред-объяснение сводится к успешному практическому использованию законов-тенденций социального мира, которые в прагматической логике инструментального пред-знания могут сколько-нибудь отчетливо не осознаваться, но, тем не менее, учитываться.

30 В социальной науке нелегко следовать призыву Э. Гуссерля "Zu den Sachen selbst!", поскольку "социальных вещей" (сущих) самих по себе, вне социального и социологического конструирования не существует.

31 Поэтому противоречивой представляется позиция Ж. Дерриды, утверждающего, с одной стороны, что исходное различие (*differance*, различание) не есть ни некая сущность, ни ничто, ни жизнь (если понимать бытие как *ousia*, присутствие, сущность-существование или субъект), а с другой, полагающего исходное различие конституентой сущности жизни [8].

32 "Научный реализм утверждает, что объекты, состояния и процессы, описываемые правильными теориями, существуют на самом деле" [9, с. 35].

33 Ср. Патнэм Х. Значение "значения" // Патнэм Х. Философия сознания: Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, О.А. Назаровой, А.Л. Никифорова / Предисл. Л.Б. Макеевой. - М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. - С. 188-197.

34 Ср. Патнэм Х. Реализм с человеческим лицом / Пер. с англ. О.А. Назаровой // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология): Пер. с англ., нем. - М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. - С. 467-475.

35 Подробно это положение раскрыто нами на примере описания состояний поля политики в работе: Качанов Ю.Л. Опыты о поле политики. - М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. - С. 72-76.

36 "...Все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно" (Платон. Тимей 28а / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; авт. Вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. - М.: Мысль, 1994. - С. 432). Социо-логический принцип причинности может быть приблизительно обоснован следующим образом. Сущему присуща "безусловная обусловленность", поскольку оно - сверх собственной обусловленности - "есть" в безусловной социальной реальности. При множестве социальных условий своего существования, сущее безусловно положено в социальной реальности.

Следовательно, сущее социального мира в одно и то же время обусловлено и безусловно. Настоящее противоречие снимается понятием "причина", позволяющим определить обусловленное сущее в безусловности социальной реальности.

Причиненность сущего посредством причины при этом интерпретируется как основа его бытийствования, укорененность в социальной реальности.

Подкрепленная прецедентами вера "научного сообщества" в то, что все события социального мира обладают так или иначе проявляющимися причинами может быть принята за аксиому или оформлена как "исторический структурный закон". (См.: [87, с. 168-169].)

37 Различие "сущее социального мира/социальная реальность" проявляет "бытийственную недостаточность" сущего социального мира: его бытийствование всегда в другом месте и в другое время. Социальная реальность - это всегда "там и тогда", а сущее социального мира - "здесь и теперь" (подробнее см.: Гл. 11).

38 В качестве начала это "основание самого себя" задает специфический облик всего причинно-следственного ряда: "Das erste steht uns frei, beim zweiten sind wir Knechte".

39 Достоверность предпосылок социологии не может быть доказана в пределах самой социологии, поскольку любое возможное доказательство уже предполагает эту достоверность: "Каждая возможная наука имеет основоположение, которое в ней не может быть доказано, но должно быть заранее достоверным" [12].

40 "Наука есть лишь одна из составных частей системы "символических форм". Наука может, в определенном смысле, быть последним, ключевым камнем, замыкающим свод этой системы, но она не стоит отдельно, она не может выполнять свою специфическую функцию, если бы ее не поддерживали с разных

сторон другие силы, решающие вместе с ней задачу "совместного видения" <...>  
Деятельность "логики", научно-понятийного познания не протекает в пустоте.

Она не просто находит аморфный материал, к которому применяет свою  
формообразующую силу. "Материя" логики, а также то частное, что она  
предполагает, чтобы перейти от него к общему, не могут просто не иметь  
структурь. Бесструктурное не только не могло бы быть помыслено, но и не  
могло бы быть воспринято или объективно рассмотрено. Мир языка и мир  
культуры, которые предшествуют работе понятий и лежат в ее основе, дают нам  
непосредственное подтверждение существования этого пралогического  
структурирования, "этой отчеканенной формы". Они указывают другие способы  
подчинения, которые идут другими путями и следуют иным законам, нежели  
логической иерархии понятий" (Кассирер Э. Логика наук о культуре / Пер. с  
нем. С.О. Кузнецова и Б. Вимера // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. -  
М.: Гардарика, 1998. - С. 24).

41 Например, "фоновые ожидания" Г. Гарфинкеля [13], "системы отсчета"  
(frames) И. Гофмана [14] или "неявное знание" (tacit knowledge) М. Полани,  
инкорпорированное в агенте, опредмеченнное в его практических схемах, навыках  
и способностях.

42 Ср. особенно Делез Ж. Фуко / Пер. с фр. Е.В. Семиной; вступ. ст. И.П.  
Ильина. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. - С. 142-150.

43 Согласно Э. Гуссерлю, любое чистое интенциональное переживание  
содержит нетематические данности, которые актуально не осознаются, на  
которые не направлено сознание. Они составляют его нетематический горизонт -  
своеобразное пред-знание о предмете.

44 Практики (как "синтез" агента и не-агента) суть, рассуждая по  
аналогии, социальная форма существования "трансцендентальной  
субъективности".

45 Сознание как практики есть определенный вид опыта сознания,  
неотделимый от практик. Поскольку предметно-преобразующий характер практик  
позволяет агенту преодолевать границы наличной ситуации, постольку сознание  
как практики открыто навстречу социальной реальности, "выходит в онтологию".

46 Чтобы это утверждение не показалось голословным, приведем взятую  
наугад, а потому относительно типичную выдержку из самопрезентации одной из  
исследовательских секций ИС РАН: "Необходим поиск научно-инструментальных  
способов подкрепления нравственных императивов, позволяющих перейти от  
конфликтной идеологии к идеологии партнерства. Требуются принципиально новые  
подходы к изучению истоков, предвидению и предотвращению, а если  
профилактика запаздывает, то и к разрешению кризисных ситуаций. Между  
гражданином и властными структурами должна быть создана система научно-технических  
социально-диагностических и конструктивно-коммуникативных технологий. Такое  
вмешательство социальной науки в жизненную практику потребует обучения  
граждан партнерству и диалогу, а значит, и комплексной социальной  
диагностике и мотивационно-целевому (интенциальному) анализу текстовых  
источников, моделированию ситуаций конфликта интересов и ожиданий,  
разработки игровых и сценарных методов их разрешения, методик тренинга и  
консультирования. Все это таит в себе перспективу нетривиальных  
теоретико-познавательных и социально-практических результатов исследования"  
(Институт социологии / Отв. ред. В.А. Ядов. - М.: Изд-во Института  
социологии РАН, 1998. - С. 58).

47 "...Неожиданные идеи появляются не от чего другого, как от того, что  
их ждут. Они в немалой мере суть результат характера, постоянных  
склонностей, упорного честолюбия и неотступных занятий. Как, наверно, скучно

это постоянство! Однако, с другой стороны, решение умственной задачи совершается почти таким же способом, каким собака, держащая в зубах палку, пытается пройти через узкую дверь: она мотает головой до тех пор, пока палка не пролезает, и точно так же поступаем мы, с той только разницей, что действуем не наобум, а уже примерно зная по опыту, как это делается. И хотя умная голова, совершая эти движения, проявляет, конечно, гораздо больше ловкости и сноровки, чем глупая, пролезание палки неожиданно и для нее, оно происходит внезапно, и в таких случаях ты отчетливо чувствуешь легкое смущение оттого, что мысли сделали себя сами, не дожидаясь своего творца. Смущенное это чувство многие называют сегодня интуицией - прежде его называли и вдохновением - и усматривают в нем нечто сверхличное; а оно есть лишь нечто безличное, а именно родство и единство самих вещей, которые сходятся в чьей-то голове.

Чем лучше голова, тем меньше при этом ощущаешь ее. Поэтому думанье, покуда оно не завершено, есть по сути весьма жалкое состояние, похожее на колику всех мозговых извилин, а когда оно завершено, оно имеет уже не ту форму, в какой оно происходит, не форму мысли, а форму продуманного, а это, увы, форма безличная, ибо теперь мысль направлена уже наружу и препарирована так, чтобы сообщить ее миру. Когда человек думает, нельзя уловить, так сказать, момент между личным и безличным..." (Музиль Р. Человек без свойств: Роман. Кн. I. / Пер. с нем. С. Апта; предисл. Д. Затонского. - М.: Ладомир, 1994. - С. 141-142).

48 Подобно тому как онтологическое бытие само по себе не тождественно гносеологическому бытию самому по себе, так и бытийствование сущего социального мира не тождественно бытийствованию сущего-в-опыте. Иными словами, сверхпредметное, само по себе бытийствование сущего не совпадает с выявлением сущего в качестве предмета социологического познания. "...Задачей науки вовсе не является "снятие" предмета и превращение в предмет того, что не является предметом. Но что не является предметом, то, само собой разумеется, и не дано, поэтому всякая наука начинается без даты, начинается, не имея никакого основания. Ведь что такое непредметное? Все, что существует, - и чувственная, и самая обычная будничная вещь, покуда она является объектом жизненных интересов или общераспространенных точек зрения, - не есть предмет науки" (Фейербах Л. О "Начале философии" / Пер. П.С. Попова // Фейербах Л. Избр. филос. произв.: В 2 т.: Пер. с нем. - Т. 1. - М.: Госполитиздат, 1955. - С. 97).

49 "...Поскольку социальная жизнь во всей полноте своей выходит за пределы сознания, последнее не обладает достаточной силой восприятия для того, чтобы чувствовать ее реальность. Так как для такого восприятия у нас нет достаточно тесной и прочной связи с ней, то она легко производит на нас впечатление чего-то плывущего в пустоте, чего-то полуреального и крайне податливого. Вот почему столько мыслителей видели в социальных устройствах лишь искусственные и более или менее произвольные комбинации. Но если детали или конкретные и частные формы ускользают от нас, то мы, по крайней мере, составляем себе самые общие и приблизительные представления о коллективном бытии в целом, и эти-то схематичные и общие представления являются теми "предпонятиями", которыми мы пользуемся в обыденной жизни. Мы не можем, стало быть, и помыслить о том, чтобы усомниться в их существовании, так как замечаем последнее одновременно с нашим. Они существуют не только в нас, но, будучи продуктом повторных опытов, они от повторения и происходящей отсюда привычки получают известного рода влияние и авторитет. Мы чувствуем их сопротивление, когда стараемся освободиться от них. А мы не можем не считать

реальным того, что нам сопротивляется" (Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесл. А.Б. Гофмана. - М.: Наука, 1990. - С. 424-425).

50 Доксический опыт не может быть отождествлен с конструктивным и техническим опытом мышления, дающим "само сущее" социального мира. Принципиальная невозможность сведения доксического опыта к социальному познанию заключается в том, что познание предполагает, чтобы агент и социальный мир (смысловой горизонт практик) уже были сформированы, тогда как доксическое отношение содержит в себе проблему их становления. (Если бы становление субъекта и объекта социального познания не было проблемой, т. е. неопределенным состоянием, допускающим взаимоисключающие возможности, то они были бы природой.) В тотальности научного производства субъект познания, как необходимый момент целого, отличает себя от объекта, как другого необходимого момента, и противопоставляет себя ему.

Интериоризация/экстериоризация социальных отношений, опредмечивание/распредмечивание практик, социализация и т. д. - эти процессы, реализуемые в доксическом отношении, так или иначе трактуются социальной наукой, но не могут быть воплощены ею, как и вообще акт познания не может заменить собою социального действия.

51 "...Понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстоит нам как что-то абсолютно загадочное. То обстоятельство, что антиципации могут оказаться источником ошибок в толковании и что предрассудки [Vor-urteil - дoreфлективные содержания сознания], способствующие пониманию, могут вести и к непониманию, лишь указание на конечность такого существа, как человек, и проявление этой его конечности" (Гадамер Г.Г. Философские основания XX века / Пер. В.С. Малахова // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. - М.: Искусство, 1991. - С. 18-19).

52 Агент с неизбежностью вовлечен в доксическое отношение, он соучастует в нем, а не всего лишь затронут им. Прежде, чем стать предметом исследования и для того, чтобы им стать, доксическое отношение должно быть принято, признано и присвоено. Доксическое отношение не есть нечто созданное агентами в соответствии с их понятиями, что-то такое, что можно целиком определить/распределить. Посему оно предстает как необъективированное, т. е. как пространственно-временная структура, - опространствливание-овременение, опосредствование практик агента, - и в таковом качестве обладает по отношению к нему самостоятельным бытийствованием.

53 Так, "понимающая социология" А. Шюца есть лишь совокупность "конструктов второго порядка", неотделимых от мысленных объектов, сконструированных здравым смыслом ("конструктов первого порядка"), и как таковая сводится к специальному (страдающему дефицитом по сравнению с повседневностью) "миру опыта", вырастающему из повседневности как "верховной реальности" [23]. "Объясняющая социология", напротив того, объективирует объективирующую субъекта, превращая доксу в предмет исследования и совершая эпистемологический разрыв со спонтанными воззрениями на социальный мир. Она включает в себя социологию восприятия социального мира, изучающую доксическое отношение и его роль в конструировании социальной реальности, но именно как социологию. То есть "объясняющая социология" утверждает, во-первых, необходимость соотнесения доксических представлений агентов с их социальными позициями, и, во-вторых, существование объективных, а не только интерсубъективных, социальных структур, оказывающих причинное воздействие на

восприятие и выражение агентами социального мира.

54 "Отказываясь от иллюзии прозрачности сознания самому себе и от общепринятого среди философов представления о рефлексивности... нужно довольствоваться предположением... что самой единственной рефлексией является та, что заключается в объективации объективирующего субъекта. Под этим я понимаю рефлексию, которая, лишая познающего субъекта его обычной привилегии, вооружает его всеми доступными инструментами объективации (статистические данные, этнографические наблюдения, историческое исследование и т. д.), чтобы пролить свет на допущения, которые объективирующий субъект получает при его включении в объект познания. Эти допущения принадлежат трем различным разрядам: прежде всего, начиная с лежащего на самой поверхности, ассоциирующегося с занимаемой в социальном пространстве позицией и со своеобразной траекторией, приведшей к данной позиции, а также с принадлежностью к определенному полу (которая может массой способов влиять на отношение к объекту, в той мере, в какой разделение труда между полами вписано в социальную структуру и в когнитивные структуры, направляя, например, выбор предмета исследования). Существуют, далее, допущения, основополагающие для доксы, особенной для каждого из различных полей (религии, искусства, философии, социологии и т. д.), а точнее - те, которые должен иметь каждый отдельный мыслитель в силу своей позиции в поле. И, наконец, допущения, основополагающие для доксы, обычно ассоциирующейся с schole, со свободным временем, являющимся условием существования всякого научного поля" [19, с. 21-22].

55 Отдалено напоминающая "предустановленную гармонию" (prastabilierter Harmonie Г.В. Лейбница) "истин разума" (verites de raison) и "фактических истин" (vertes de fait). Выступая в роли *characteristica universalis*, доксическое отношение соединяет эти разнящиеся элементы как моменты целого.

56 Обоснование социологии есть социально обусловленное согласование познающего субъекта с объектом познания. (Практические схемы агентов являются продуктами интериоризации социальных отношений, образующих подлежащую изучению действительность. Отсюда практические схемы принуждают агентов принимать социальный мир таким, каков он есть, воспринимать его как нечто само собою разумеющееся, присваивать его, а не противопоставлять ему другие "возможные миры".) В этом отличие социолога от антрополога: если социолог находится в доксическом отношении с исследуемой "своей" действительностью, то антрополог изучает "чужую" и его практические схемы не согласуются с объективными структурами, с которыми взаимодействуют.

57 Бытийствование сущего социального мира устраниет его инобытие или небытие - таков один из онтических принципов социологии. "Устойчивость или субстанция наличного бытия есть равенство с самим собой, ибо его неравенство с собой было бы его растворением. Но равенство с самим собой есть чистая абстракция; последняя же есть мышление" [29, с. 29].

58 Всякое конкретное присутствие есть со-присутствие по отношению к какому-то другому присутствию сущего социального мира.

59 Под адекватным социологическим опытом имеется в виду феноменологический опыт, т. е. совокупность интенциональных актов чистого сознания.

60 Социологическое пред-ставление ставит перед социологом сущее социального мира в качестве предмета его познавательных практик. Такое пред-ставление выступает представлением самого социолога, но не восприятием социального мира.

61 Из приведенной цитаты явствует, что распускаемые постмодернистами

слухи о "логоцентризме" как суверенитете разума [100, с. 11-12] и гиперрационализме европейской метафизики, оказываются "несколько преувеличеными". "Сами сущие социального мира, взятые сами по себе" не существуют. И конкретно-историческое государство, и отдельная семья, и акты практик - все это конструкты, а не данные в непосредственном созерцании абсолютные сущности.

62 В акте адекватного познания "...мы "заняты предметным", которое в нем... мыслится и полагается; и если это есть познание в строжайшем смысле, т. е. если мы судим с очевидностью, то предметное дано. Соотношение вещей здесь уже не только предположительно, но и действительно находится перед нашими глазами, и в нем нам дан сам предмет как то, что он есть, т. е. именно так и не иначе, как он разумеется в этом познании: как носитель этих качеств, как член этих отношений и т. п. Он не предположительно, а действительно обладает такими-то свойствами и в качестве действительно обладающего этими свойствами дан в нашем познании; это означает только, что он не просто вообще мыслится (обсуждается), а познается, как таковой; что он таков - это есть осуществленная истина, есть переживание в очевидном суждении. Когда мы размышляем об этом акте, то вместо прежнего предмета сама истина становится предметом, и она дана предметным образом" [37, с. 335].

63 Понятие "научное производство" возникает как следствие соотнесения познавательных практик с их условиями и предпосылками, результатами и способом (средствами и механизмами) осуществления. Данное понятие отражает не только саму деятельность по созданию нового знания вкупе с ее моментами, но и другой план: социальные отношения. Под "научным производством" мы понимаем познавательные практики, взятые в единстве с теми социальными отношениями, которые являются условиями их действительности и которые они воспроизводят как свои предпосылки.

64 Метафора - "...несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии" (Аристотель. Поэтика, 1557b 10) - строится на сближении сущностей "сродных, но явно не схожих" (Аристотель. Риторика, 1412a 5).

65 Социологический опыт всегда есть, с одной стороны, собственный или внутренний опыт социолога, с другой - встреча с чем-то внешним, самостоятельным, неотчуждаемым.

66 При этом не стоит забывать, что сами априорные понятия социальной науки социально и исторически условны и онтологически относительны.

67 "Бытие есть трансценденция", но не в схоластическом смысле, а как пространственность-временность, "горизонт"; его открытость - трансцендентальное познание [25, с. 38].

68 Социальная реальность открывает сущее социального мира, она и есть открытость. Трансцендентальная истина принадлежит не социологу, но социальной реальности, притом, что социальная реальность столь же открывает себя, сколь и скрывает.

69 Будучи однажды открыты, социальные факты обусловливают дальнейшее развитие знания, навязываются сознанию как членов социологического сообщества, так и потребителей научной продукции.

70 Отметим здесь особо, что не существует абсолютного *a priori*, созидающего социальный мир. Созерцание и мышление также не полагают сущих социального мира.

71 Поскольку "...каждое чувство обращено на воспринимаемый предмет, находясь в своем органе как таковом, и распознает различия в воспринимаемом им предмете..." [48].

72 Также см.: Терборн Г. Принадлежность к культуре, местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке / Пер. с англ. Е.В.Ананьевой // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., анг. / Вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. - М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. - С. 73-102; Гемпель К.Г. Логика объяснения // Гемпель К.Г. Логика объяснения: Пер. с англ. / Сост., пер., вступ. ст. О.А. Назаровой. - М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. - С. 99-105. Само полагание некоторой границы социологического объяснения внутренне противоречиво, ибо в нем эта граница уже нарушается. Например, когда утверждают необъяснимость мотивов социального действия, ее обосновывают, тем не менее, в терминах причина/следствие: "Мотивы необъяснимы потому, что...", а это и есть превосхождение установленного предела объяснения.

73 Опосредствование означает взаимосвязь и взаимопереход, взаимопроникновение; это почти синоним обусловливания. Поэтому некая сущность абсолютна в той мере, в какой она непосредственна, т. е. является причиной самой себя, безусловна. И обратно, данная сущность относительна в той мере, в какой она имеет причину вне себя, обусловлена. Логически первое не может быть опосредовано какой-либо предшествующей ему основой и в этом смысле является непосредственным. Непосредственность представляет собой безотносительность, абсолютность и элементарность. Непосредственная сущность ничего не должна предполагать и ничем не должна быть опосредсована, однако абсолютная определенность в действительности есть ни что иное, как бытийствование относительного, определенного, конкретного сущего.

74 Так, "наличность" (*Vorhandenheit*) осуществляется лишь через "подручность" (*Zuhahdenheit*) ("Бытие и время", с. 88), а к "бытийному строю" *Dasein* принадлежит "набросок" (*Entwurf*) (цит. соч., с. 221). Социологическое высказывание, подобно всякому высказыванию, "...не есть свободно парящее поведение, способное из самого себя раскрывать первично сущее вообще, но оно держится всегда на базисе бытия-в-мире" (цит. соч., с. 156), т. е. не имеет значения вне социально обусловленных практик. Возведение непроходимых барьера между *ratio cognoscendi*, *ratio agendi* и *ratio essendi* на самом деле, гипостазируя мышление и/или язык, ограничивает познание, чтобы освободить место трансцендентальному означаемому.

75 Абсолютность ансамбля социальных отношений выражается в том, что эти отношения являются необходимым и всеобщим, обязательным условием существования сущих социального мира. Тем не менее, наличное сущее социального мира вовлечено в социальное отношение лишь, говоря словами Г.В.Ф. Гегеля, со "своими другими". То есть любое социальное отношение конкретно, качественно определено, несводимо к другим отношениям и как порождающий механизм производит специфические социальные различия (практики, предметы, представления, диспозиции, коммуникации...). Все сущие социального мира взаимосвязаны между собой. Однако всеобщее существует лишь через отдельное сущее социального мира. В движении производства событий социального мира одно сущее превращается в другое, но в этом наличии сущих и в их последовательных изменениях сохраняется нечто абсолютное - безусловное, самостоятельное, безотносительное, которое для своего существования не нуждается в существовании других, т. е. универсальное, однозначное и инвариантное. В этом плане абсолютное в обществе - *supremum*, максимальное множество относительных, оно реализуется как ансамбль социальных отношений. Любое сущее социального мира принципиально предполагает существование других сущих социального мира и обусловлено социальными отношениями. Отсюда

следует, что любое сущее-в-опыте конечно и относительно. Как относительное, сущее-в-опыте обретает свое существование в социальных отношениях и не обладает субстанциальным существованием. Напротив, ансамбль социальных отношений, выступающий ключевым инвариантом системы превращений сущих-в-опыте, бесконечен в том смысле, что он, будучи органическим моментом Универсума, необусловлен и неограничен.

76 Между прочим, это означает, что окружающий мир социолога и окружающий мир любого другого агента - это практически один и тот же социальный мир, хотя их жизненно важные миры могут существенно отличаться.

77 Которое В.В. Бибихин в [25] переводит как "встреча".

78 См.: Cassirer E. Substanzbegriff und Funktionbegriff. - Berlin: B. Cassirer Verlag, 1910. - Kap. 2.

79 С той, однако, разницей, что процедура отделения социальной реальности от сущих должна раскрыть онтологические истоки социального мира, а не пытаться, как "феноменологическая редукция", обнаружить последние основания сознания - допредикативные структуры трансцендентального субъекта, т. е. онтический базис социального мира.

80 Продукт объективации - предмет познания - противопоставляется субъекту (сознанию), в то время как социальная реальность не противостоит сознанию, но заключает его в себя.

81 "Модус бытийствования" социологических практик подразумевает действия с некими "вещами", внеположными сознанию социолога.

82 Социальное отношение - присутствие отсутствия. Но присутствие социального отношения разнится от присутствия любого сущего-в-мире, поскольку представляет собой универсальную пространственно-временную структуру - перманентное отсрочивание и разъятость, - несводимую в опыте. (См. Гл. 11.)

83 Здесь имеется в виду, в первую голову, истина трансцендентальная. Открытость как трансцендентальная истина неподвластна концептуализации. То, что оставлено потаенным в непотаенности, скрыто в несокрытости, замкнуто в разомкнутости, то отсутствует в присутствии социолога.

84 Поэтому социологи, понимавшие истину как соответствие, могут, несмотря на возможность трансцендентального истолкования истины, не беспокоиться: "But I have lived and have not lived in vain".

85 Присутствие-arche одновременно является эпистемологическим и онтологическим началом (и постулатом/гносеологическим принципом, и "началом сущности"/"причиной"). Присутствие роднит с archе и то, что оно не может быть выведено логически, но наделяется самоочевидной достоверностью. Продолжая аналогию, можно отметить, что присутствие - это своеобразная социологическая ????, ?блодающая статусом изначальной действительности.

86 Практики всегда предметны, они являются конститутивным моментом присутствия (бытийствования агента) в социальном мире.

87 Мы помним, что "...индивидуы, хотя их взаимоотношения и кажутся более личными, вступают друг с другом в общение только как индивиды в той или иной (социальной) определенности..." [77].

88 Это единство имеет аффективный аналог, создающий ощущение присутствия, и кинестезический аналог, экстериоризирующий присутствие и придающий ему зримую предметность.

89 В силу того, что присутствие социолога всегда включает в себя как необходимый момент отсутствие.

90 "...Говоря о времени, мы понимаем не что иное, как само расположение или ряд изменений, которые могут случиться в его продолжении... под

пространством мы понимаем не что иное, как возможное расположение тел. <...> Протяженность является не каким-то абсолютным предикатом, а относительным к тому, что протягивается..." [81].

91 "Раскрывающее событие" есть понятийное определение конечности.

Противоречивость присутствия выражает его конечность.

92 Согласно К. Манхейму, всякая социологическая теория выражает определенный тип действия, присущий соответствующей социальной группе и приобретающий наиболее выраженную форму в политике [17, с. 109-110].

93 Предполагается, что агенты, исходя из своих субъективных свойств и находящихся в их распоряжении объективных (материальных и социально-культурных) ресурсов, создают схемы восприятия, оценивания, мышления и действия, а затем осуществляют практики в соответствии с этими схемами (Giddens A. Profiles and critiques in social theory. - London: Macmillan, 1982. - P. 38).

94 См., например: Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, classe: les identites ambigues / Trad. en partie de l'anglais par L. Soliman. - Paris: Ed. La Decouverte, 1997; Thiesse A.-M. La Creation des identites nationales. Europe XVIII-XX siecle. - Paris: Ed. du Seuil, 1999.

95 "Ведь только впрямь значительный предмет / Способен мир глубоко взволновать, / А тесный круг сужает нашу мысль, - / Дух рвется встать с великой целью вровень!" (Шиллер Ф. Валленштейн. Драматическая поэма / Пер. с нем. Н.А. Славянинского. - М.: Наука, 1981. - С. 9).

96 Не всякую практическую схему можно легитимировать. "Легитимные практические схемы" потому и легитимны, что являются результатом интериоризации объективных социальных структур. Следует помнить, что в силу социально-структурных детерминаций агент осваивает и присваивает, делает формой собственной индивидуальности, отличая от других, не все структуры, а лишь необходимые и "ближайшие". Поэтому практические схемы проявляют позиционный интерес агента и легитимные практические схемы всегда легитимны относительно: относительно социальной позиции.

97 "...Исследование оснований знания, или морали, или языка, или общества может быть просто апологетикой, попыткой увековечения некоторой конкретной во времени языковой игры, социальной практики или самоимиджа" (Рорти Р. Философия и зеркало природы / Пер. с англ. В.В. Целищева. - Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. - С. 7).

98 Будучи "субъективным модусом" объективных социальных отношений, составляющих государство, легитимные практические схемы государства заведомо согласуются с ними. Российская социология, коль скоро она их не объективировала, вовсе не стремится сообщать о государстве нечто совершенно новое, такое, чего бы агенты уже не знали из политических документов, сообщений СМИ и массовой литературы. Она пытается обнаружить то, что уже было "известно", но еще не было отчетливо "объяснено". Мы имеем в виду само собой разумеющееся, ясное из самого себя, но, тем не менее, "кем-то кое-где у нас порой" неверно понимаемое. Иными словами, б?льшая часть социологических трудов представляет собой работу по легитимации уже и без того легитимных практических схем, произведенных государством. Просто социальная наука посредством "рациональной рефлексии" делает "абсолютным знанием" непосредственность легитимных практических схем. Ср. у П. Бурдье: "Пытаться осмыслить, что есть государство, значит пытаться со своей стороны думать за государство, применяя к нему мыслительные категории, произведенные и гарантированные государством, а следовательно, не признавая самую фундаментальную истину государства. Такое утверждение может показаться

одновременно абстрактным и категоричным, но оно будет восприниматься более естественно, если мы допустим, говоря языком доказательства, необходимость возвратиться к исходной точке задачи, но уже вооруженными знаниями об одном из важнейших видов власти государства - власти производить и навязывать (в частности, через школу) категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству" (Бурдье П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / Пер. с фр. Н.А. Шматко // Альманах Российской-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. - С. 127).

99 Самые значительные символические действия скрыты; они заключаются в навязывании того, что не вполне или вовсе не осознается как условие возможности любых мыслительных практик - здравого смысла, основывающегося на легитимной системе социально-политической классификации. Кроме того, политическое бессознательное социологов играет гораздо более существенную роль, нежели принято думать, хотя бы потому, что само его существование отрицается "обыденным социологическим сознанием".

100 Политика есть в одно и то же время условие возможности и условие невозможности социологии. Противоположный подход развивает, например, Р. Мертон: Merton R. The sociology of science. Theoretical and empirical investigations / Ed. and with an introd. by N.W. Storer. - Chicago-London: Univ. of Chicago press, 1973. (См. также: Агацци Э. Моральное измерение науки / Пер. с англ. И.В. Борисовой под ред. В.А. Лекторского. - М.: МФФ, 1998.)

101 Включая самую непримиримую оппозицию, поскольку она не есть вневластность, но форма непосредственной борьбы за господство.

102 Все социологические теории в конечном счете основаны на доксе, и различие доксическая теория/парадоксальная теория только акцентирует характер связи - непосредственный или опосредкованный.

103 "Энкратический" дискурс наивной социологии основывается на презумпции, что сумма всех возможных репрезентаций социального мира конституирует его всеохватывающую картину. Поэтому такой дискурс в первую очередь борется за признание представления о тотальности его репрезентации. Отсюда вытекают бесконечные споры о репрезентативности опросов, возвведение техники зондажа общественного мнения в ранг науки и т. д.

104 Мы ограничиваемся лишь одним аспектом феномена ангажированности, поскольку эта проблема сравнительно хорошо проработана. См.: Може Ж. Социологическая ангажированность / Пер. с фр. М.М. Федоровой // Альманах Российской-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. - С. 294-324.

105 "В большинстве наших обыденных поступков нами управляют практические схемы, т. е. "принципы, предписывающие порядок действия" ("principium importans ordinem ad actum", как говорили схоласты), информационные схемы. Это принципы классификации, принципы иерархизации, принципы деления, которые одновременно и принципы видения, короче - все то, что позволяет каждому из нас различать вещи, которые другие путают, оперировать diacrisis, разделяющими суждения" [103].

106 Структурирующая структура (габитус) - порождающая основа структурированных, объективно унифицированных практик агента, непосредственно адаптированных к социальной действительности [104].

107 См.: Heidegger M. Einführung in die Metaphysik // Heidegger M.

Gesamtausgabe / Hrsg. P. Jaeger. - Bd. 40. - Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1976. - S. 211-212.

108 Помимо прочего, этим утверждается, что пространственность-временность не есть атрибут трансцендентального субъекта.

109 "Схема субстанции есть постоянство реального во времени, т. е. представление о нем как о субстрате эмпирического времени вообще, который, следовательно, сохраняется, тогда как все остальное меняется" [40, с. 160].

110 Прообраз онтологического определения агента через пространственно-временную структуру при желании можно отыскать уже в знаменитой формуле "Немецкой идеологии", утверждающей, что бытие человека есть временность как процесс его жизнедеятельности ("...das Sein der Menschen ist ihr wirklicher Lebensproze?").

111 "Пространство-время означает... открытость, просвещивающую во взаимном протяжении наступающего, осуществляющегося и настоящего. Одна эта открытость и только она впервые вмещает привычно известное нам пространство во всей возможной для него широте. Просвет взаимопротяжения наступающего, осуществившегося и настоящего сам допространственный; только поэтому он может вмещать пространство, т. е. иметь место" [106, с. 399.].

112 Практики (то, что произведено) не похожи на габитус (производство).

113 "...Настоящее чревато будущим и обременено прошедшим..." (Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т. 2. / Ред., авт. вступ. статьи и примеч. И.С. Нарский. - М.: Мысль, 1983. - С. 54).

114 Мы выбрали предметом анализа "предпринимательство", как оно представлено в "экономической социологии" потому, что это дает возможность поставить действительно принципиальные научные вопросы, в то время как социологический "ширпотреб", сходящий с конвейера "опросов", просто не дотягивает до профессионального уровня. (Например, см.: Горшков М.К. и др. Есть ли в России средний класс? - М.: РНИСиНП, 1999.)

115 Отсюда следует, что "предметное" существование "социального слоя предпринимателей" не нуждается в доказательствах - оно эмпирически очевидно.

116 В обозримом прошлом восходящей, по-видимому, к Т. Гоббсу. (См.: Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Пер. А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения в 2 т. Т. 2 / Сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; Пер. с лат. и англ. - М.: Мысль, 1991. - С. 174 и след.)

117 Категория "предприниматели", которая порождает группу, создается в отсутствии собственного предмета. В этом смысле у "социальной группы предпринимателей" отсутствует значение.

118 Функция присутствия "предпринимателей" состоит не в том, чтобы представлять или описывать некое означаемое, существующее до и вне социологической практики, а лишь в том, чтобы производить означающее; "экономическая социология" занимается именно таким означиванием этого пустого значения.

119 Мы "заключаем в скобки" понятие "социальной группы предпринимателей" как объект критики - для нас это исключительно предмет исследования.

Тематизация отсутствия "социальной группы" ставит под вопрос определенные исследовательские практики, но не институциональный модус "экономической социологии".

I Под "социальным миром" мы понимаем ансамбль всех условий во всех рядах причин социальных событий. "Социальная реальность" трактуется нами как то, что полностью находится вне социально обусловленного, а "социальная действительность" - как реалистически (или "натуралистически") понимаемый неконцептуальный концепт. (Ср. Куайн У.в.О. Вещи и их место в теориях / Пер. с англ. А.Л. Никифорова // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология): Пер. с англ., нем. - М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. - С. 342.).

II Следует особо подчеркнуть, "...что не всякая рефлексия выполняет объективирующую функцию или, иначе говоря, не всякая рефлексия превращает в предмет то, на что она направлена" (Гадамер Г.Г. Философские основания XX века / Пер. В.С. Малахова // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. - М.: Искусство, 1991. - С. 20).

III Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы: Ч. I. / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. - М.: Гнозис, 1994. - С. 362. В приведенной цитате речь идет о том, что наиболее фундаментальные понятия науки не могут быть определены потому, что для подобных определений нужно было бы обратиться к еще более фундаментальным понятиям. В таком случае на самом глубоком уровне анализа мы имели бы дело с неопределенными и невыразимыми концептами, которые науке надо просто принять, чтобы вообще исходить из какого-либо смысла.

IV Мы следуем логике, предложенной Ж. Дерридой. См.: Derrida J. "Genese et structure" et la phenomenologie // Derrida J. L'(criture et la Diff(rence. - Paris: (d. du Seuil, 1967. - Р. 229-251. В действительности же социальный мир не "центрирован". "Центр", под которым понимается то или иное "присутствие", представляет собой воображаемую сущность.

V Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., сост., послесл. и примеч. А.Б. Гофмана. - М.: Канон, 1995. - С. 20.

VI "...В начале было Дело" - стих гласит" (Гете И.В. Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака // Гете И.В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. - Т. 2. - М.: Худож. лит., 1976. - С. 47).

VII О связи когнитивной и политической презентации см.: Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // СОЦИО-ЛОГОС / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. - М.: Прогресс, 1991. - Вып. 1. - С. 196-205.

VIII См.: Sch(tz A. Common-sense and scientific interpretation of human action // Sch(tz A. Collected papers. - Vol. 1. The problem of social reality / Ed. by M. Natanson.- Boston, The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.

IX Пелевин В.О. Generation "П". - М.: Вагриус, 1999. - С. 48.

X Husserl E. Formale und Transzendentale Logik. Versuch einer Kritik der Logischen Vernunft / Hrsg. von P. Janssen // Husserliana. - Bd. XVII. - Den Haag: Martin Nijhoff, 1974. - S. 281.

XI В которых социальные явления даны "...для других людей и лишь тем самым... и для меня самого..." (Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология: Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Соч. - 2-е изд. - Т. 3. - С. 29).

XII Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т.: Т. 1: Наука логики / Отв. ред. Е.П. Ситковский. - М.: Мысль, 1974. - С. 158.

XIII См.: Bourdieu P. Le Sens pratique. - Paris: (d. de Minuit, 1980. - Р. 60 sq.

- XIV Husserl E. Ideen zur einer reinen Phanomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie / Hrsg. von K. Schuhmann // Husserliana. - Bd. III/1. - Den Haag: Martin Nijhoff, 1976. - S. 136.
- XV См.: Heidegger M. Einführung in die Metaphysik // Heidegger M. Gesamtausgabe / Hrsg. P. Jaeger. - Bd. 40. - Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1976; Heidegger M. Parmenides // Heidegger M. Gesamtausgabe / Hrsg. F.-W. von Herrmann. - Bd. 54. - Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1992.
- XVI Cp. особенно Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge. An essay on the constructivist and contextual nature of science. - Oxford: Oxford University Press, 1981 и Science as practice and culture / Ed. by A. Pickering. - Chicago: Chicago University Press, 1992.
- XVII То есть различия между всем тем в социальной действительности, что зависит от конструктов социального опыта агентов и тем, что не зависит от них.
- XVIII См.: Bourdieu P. Les Règles de l'art. Genèse et structure du champ littéraire. - Paris: Ed. du Seuil, 1992. - P. 462-472.
- XIX Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. - С. 13.
- XX От греч. (??( - "мнение большинства" (Аристотель. О софистических опровержениях. 173а 30), представление, правдоподобное (но не обязательно истинное) предположение.
- XXI На поверхностный взгляд социологический опыт, как и сам интеллектуал, свободен и руководствуется лишь доводами "научного разума". На самом же деле социологическое мышление обусловлено социальными отношениями, наделенными причиняющей силой. Эти отношения направляют научное сообщество без вмешательства чего-либо хотя бы отдаленно напоминающего законы логики: рациональные основания социальных событий очевидны лишь тем, кто их признает, согласен принять. Доводы той или иной научной школы убедительны только тогда, когда мы готовы принять их на веру. Вера в социологические законы, основанные на истине, есть приписывание истины статистической повторяемости и социальному принуждению: научный закон есть вероятностная необходимость статистического вывода, а не Истина. (Ср. Паскаль Б. Мысли 821 (252), 60 (294) / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. - М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. - С. 297-298, 93-94.)
- XXII Cp. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Т. 1. // Шопенгауэр А. О четверояком корне закона достаточного основания. Мир как воля и представление. Т. 1. Критика кантовской философии: Пер. с нем. /Ин-т философии. - М.: Наука, 1993. - С. 125.
- XXIII "...Ночью и днем листайте вы их неустанной рукою!" (Ср. перевод Гораций. Наука поэзии 269 / Пер. М. Дмитриева // Гораций. Собрание сочинений: Пер. с лат. - СПб.: Изд-во Биографический институт "Студия Биографика", 1993. - С. 349.)
- XXIV Паскаль Б. Мысли 120 (148) / Пер. с фр., вступ. статья, коммент. Ю.А. Гинзбург. - М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1995. - С. 107.
- XXVIII Parsons T. The structure of social action. - New York-London: Collier Macmillan Publ., 1968. - P. 3.
- XXVII Особо оговорим, что отношения подобия между структурой социальных позиций и структурой социологических концепций вовсе не равнозначны возможности неопосредованного перехода от социальной позиции к социальной теории или возможности толкования научной продукции как объективации

совокупности социальных условий существования ученого.  
XXVII Образцово-показательным примером легитимации социологии может служить принятное в 1988 г. постановление ЦК КПСС "О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества".

- XXVIII Заславская Т.И. Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. - 1996. - №3. - С. 8.
- XXIX Г. „льдерлин Ф. Германия / Пер. В. Микушевича // Г. „льдерлин Ф. Избранная лирика: Пер. с нем. - Кишинев: Литературный фонд "Axul Z", 1997. - С. 243.
- XXXVIII Гете И.В. Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака // Гете И.В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. - Т. 2. - М.: Худож. лит., 1976. - С. 17.
- XXXIX См.: Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки: пер. с англ. и нем. / Общ. ред. и авт. вступ. ст. И.С. Нарский. - М.: Прогресс, 1986.
- XXXIX См.: Дмитриев А.Н. Политика теории: "левое" и "правое" в социологической классике и современности // Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. - М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1999. - С. 229-270.
- XXXIX Шиллер Ф. Отречение / Пер. с нем. Н. Чуковского // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т.: Т. 1. / Общ. ред. Н.И. Вильмонта и Р.М. Самарина. - М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1955. - С. 148.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Витгенштейн Л. Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы: Ч. I. / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. - М.: Гнозис, 1994. - С. 5.
2. Дэвидсон Д. Об идее концептуальной схемы / Пер. с англ. А.Л. Золкина // Аналитическая философия: Избранные тексты / Сост., вступ. ст. и comment. А.Ф. Грязнова. - М.: Изд-во МГУ, 1993. - С. 144-159.
3. Хайдеггер М. Закон тождества // Хайдеггер М. Тождество и различие. / Пер. с нем. А. Денежкина. - М.: ИТДГК "Гнозис", Изд-во "Логос", 1997. - С. 12-13.
4. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., comment. В.В. Бибихина. - М.: Республика, 1993.
5. Husserl E. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Erstes Buch: Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie / Hrsg. von K. Schumann // Husserliana. - Bd. III. - Den Haag: Martin Nijhoff, 1950. - S. 46.
6. Gadamer G.-H. Phenomenology, hermeneutics, metaphysics // The Journal of the British Society for Phenomenology. - 1994. - Vol. 25. - №2. - P. 104.
7. Хайдеггер М. Онто-тео-логическое строение метафизики // Хайдеггер М. Тождество и различие. / Пер. с нем. А. Денежкина. - М.: ИТДГК "Гнозис", Изд-во "Логос", 1997. - С. 50.
8. Derrida J. Freud et la scène de l'écriture // Derrida J. L'Ecriture et la différence. - Paris: Ed. du Seuil, 1967. - P. 302.
9. Хакинг Я. Представление и вмешательство / Пер. с англ. С. Кузнецова под ред. Е.А. Мамчур. - М.: Логос, 1998.

10. Husserl E. Ding und Raum. Vorlesungen 1907 / Hrsg. von U. Clasges // Husserliana. - Bd. XVI. - Den Haag: Martin Nijhoff, 1973. - S. 141 ff.
11. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Сост., пер. с фр., comment. и послесл. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузырея. - М.: Кастанъ, 1996. - С. 49-96.
12. Фихте И.Г. О понятии научоучения, или так называемой философии / Пер. с нем. Л.В. Успенского // Фихте И.Г. Сочинения. Работы 1792-1801 гг. / Сост., общ. ред., вступ. ст. и примеч. П.П. Гайденко. - М.: Ладомир, 1995. - С. 244.
13. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. - Cambridge: Polity Press, 1987.
14. Goffman E. Frame analysis: an essay on the organization of experience. - N.Y.: Harper&Row, 1974.
15. Dreyfus H. Being-in-the-world: a commentary on Heidegger's "Being and time". - London: MIT Press, 1993.
16. Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение / Пер. К.А. Свасьяна // Ницше Ф. Сочинения: В 2 т.: Т. 2. / Пер. с нем.; Сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьян. - М.: Мысль, 1990. - С. 491.
17. Манхейм К. Идеология и утопия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Манхейм К. Диагноз нашего времени: Пер. с нем. и англ. - М.: Юрист, 1994.
18. Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и примеч. С. Ромашко; общ. ред. и послесл. М. Рыклина. - М.: Ad Marginem, 1997. - С. 37.
19. Bourdieu P. M(ditions pascaliennes. - Paris: (d. du Seuil, 1997.
20. Heidegger M. Vom Wesen des Grundes // Heidegger M. Gesamtausgabe / Hrsg. F.-W. von Herrmann. - Bd. 9. - Wegmarken. - Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1976. - S. 123.
21. Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования / Пер. Е.Я. Гараджи // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: Пер. с исп. / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. - М.: Весь Мир, 1997.
22. Bourdieu E. Savoir Fair. Contribution a une theorie dispositionnelle de l'action. - Paris: (d. du Seuil, 1998.
23. Sch(tz A. Concept and theory formation in the social sciences // Sch(tz A. Collected papers. - Vol. 1. The problem of social reality / Ed. by M. Natanson. - Boston-The Hague: Martinus Nijhoff, 1982.
24. Bourdieu P. Raisons pratiques. Sur la theorie de l'action. - Paris: (d. du Seuil, 1994. - P. 156.
25. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. - М.: Ad Marginem, 1997.
- 25a. Heidegger M. Sein und Zeit. - T(bingen: Max Niemeyer Verlag, 1953.
26. Foucault M. L'Arch(ologie du savoir. - Paris: Ed. Gallimard, 1969. - Chapitre III. - (5.
27. Kiesiel Th. The genesis of Heidegger's "Being and Time". - Berkeley: University of California Press, 1995.
28. Heidegger M. Zeit und Sein // Heidegger M. Zur Sache des Denkens. - T(bingen: Max Niemeyer Verlag, 1969. - S. 11.
29. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Шпета. - СПб.: Наука, 1992.
30. Гуссерль Э. Картезианские размышления / Пер. с нем. Д.В. Складнева. - СПб.: Наука, Ювента, 1998. - С. 64, 69-70.
31. Хайдеггер М. Что значит мыслить? / Пер. А.С. Солодовникова // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред.

- А.Л. Доброхотова. - М.: Высш. шк., 1991.
32. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., коммент. В.В. Бибихина. - М.: Республика, 1993.
33. Derrida J. Le puits et la pyramide. Introduction a la s(miologie de Hegel // Derrida J. Marges - de la philosophie. - Paris: (d. de Minuit, 1972. - P. 96.
34. Делез Ж. Платон и симулякр / Пер. с фр. С. Козлова // Новое литературное обозрение. - 1993. - j 5. - C. 46.
35. Derrida J. La structure, le signe et le jeu dans le discours des sciences humaines // Derrida J. L'(criture et la Diff(rence. - Paris: (d. du Seuil, 1979. - P. 410.
36. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом / Пер. с лат. С.Я. Шейнман-Топштейн // Декарт Р. Сочинения: В 2 т.: Т. 2 / Сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. - М.: Мысль, 1994. - С. 29.
37. Гуссерль Э. Логические исследования. - Том I. - Прологомены к чистой логике // Гуссерль Э. Философия как строгая наука: Пер. с нем. - Новочеркасск: Агентство Сагуна, 1994.
38. Husserl E. Logische Untersuchungen. Zweiter Band: Untersuchungen zur Phanomenologie und Theorie der Erkenntnis. Zweiter Teil: Elemente einer phänomenologischen Aufklärung der Erkenntnis. - Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1993.
39. Derrida J. Ousia et gramme. Note sur une note de "Sein und Zeit" // Derrida J. Marges - de la philosophie. - Paris: (d. de Minuit, 1972.
40. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н.О. Лосского // Кант И. Сочинения: В 8 т.: Т. 3. - М.: Чоро, 1994.
41. Хорхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. - М.: Медиум, СПб.: Ювента, 1997. - С. 154-155.
42. Levinas E. La Théorie de l'intuition dans la phénoménologie de Husserl. - Paris: Ed. Vrin, 1963.
43. Мерло-Понти М. От Мосса к Клоду Леви-Строссу // Мерло-Понти М. В защиту философии / Пер. с фр., примеч. и послесл. И.С. Вдовиной. - М.: Издательство гуманитарной литературы, 1996. - С. 88.
44. Derida J. Spectres de Marx. L'Etat de la dette, le travail du deuil et la nouvelle internationale. - Paris: (d. Galilee, 1993.
45. Merleau-Ponty M. Notes de travail // Merleau-Ponty M. Le Visible et l'Invisible. Suivi de notes de travail. - Paris: Ed. Gallimard, 1964. - P. 238-239.
46. Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики / Пер. с нем. и послесл. О.В. Никифорова. - М.: Русское феноменологическое общество, 1997. - С. 15-19.
47. Gadamer H.G. Wahrheit und Methode: Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. - Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1960. - S. 339.
48. Аристотель. О душе III 2, 426b 10 // Аристотель. Сочинения: В 4 т.: Т. 1 / Пер. с древнегреч.; Ред. В.Ф. Асмус. - М.: Мысль, 1976. - С. 427.
49. Вригт Г.Х. фон. Объяснение и понимание// Вригт Г.Х. фон. Логико-философские исследования: Избр. тр.: Пер. с англ. / Общ. ред. Г.И. Рузавина и В.А. Смирнова; Сост. и авт. предисл. В.А. Смирнов. - М.: Прогресс, 1986. - С. 162-165.
50. Barnard A. Sociology explained. - Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

51. Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии / Пер. с англ. М. Горбачева, Т. Дмитриева. - М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
52. Ric?ur P. *Soi-même comme un autre*. - Paris: (d. du Seuil, 1990. - P. 79-85.
53. Маркс К. Теории прибавочной стоимости: (IV том "Капитала"): Ч. 3. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 26. - Ч. 3.
54. Зиммель Г. Как возможно общество? / Пер. с нем. и примеч. А.Ф. Филиппова // Зиммель Г. Избранное: Т. 2. Созерцание жизни. - М. Юрист, 1996.
55. Шелер М. Положение человека в космосе / Пер. с нем. А.Ф. Филиппова // Шелер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Под ред. А.В. Денежкина. - М.: Гнозис, 1994. - С. 162.
56. Ric?ur P. *Du texte à l'action. Essais d'hermeneutique II*. - Paris: (d. du Seuil, 1986. - P. 337.
57. Davidson D. A coherence theory of truth and knowledge // Truth and interpretation: perspectives on the philosophy of Donald Davidson. - Oxford: Blackwell, 1986.
58. Allen B. Truth in philosophy. - Cambridge Ma.: Harvard University Press, 1993.
59. Рорти Р. Тексты и куски / Пер. с англ. И. Хестановой // Логос. - 1996. - ј 8. - С. 175.
60. Heidegger M. Die Grundprobleme der Phänomenologie // Heidegger M. Gesamtausgabe / Hrsg. F.-W. von Herrmann. - Bd. 24. - Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1975.
61. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций в Коллеж де Франс, 1982. Выдержки / Пер. с фр. И.И. Звонаревой // СОЦИО-ЛОГОС / Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. - М.: Прогресс, 1991. - Вып. 1. - С. 287.
62. Хайдеггер М. О сущности истины / Пер. З.Н. Зайцевой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Дорохотова. - М.: Высш. шк., 1991.
63. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., comment. В.В. Бибихина. - М.: Республика, 1993. - С. 342.
64. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. - М.: Русское феноменологическое общество, 1996. - С. 22-23.
65. Rorty R. Philosophy as science, metaphor, and as politics // Rorty R. Philosophical papers. Vol. 2. Essays on Heidegger and Others. - Cambridge: Cambridge University Press, 1995. - P. 17.
66. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т.: Т. 3: Философия духа / Отв. ред. Е.П. Ситковский. - М.: Мысль, 1977. - С. 233.
67. Нанси Ж.-Л. О со-бытии / Пер. с фр. М.К. Рыклина // Философия Мартина Хайдеггера и современность. - М.: Наука, 1991. - С. 98.
68. Бэкон Ф. Книга вторая афоризмов об истолковании природы, или О царстве человека // Бэкон Ф. Сочинения в 2 т.: Т. 2. - М.: Мысль, 1978. - С. 111.
69. Гоббс Т. О теле // Гоббс Т. Сочинения в 2 т.: Т. 1 / Пер. с лат. и англ.; Сост., ред. изд., авт. вступ. ст. и примеч. В.В. Соколов. - М.: Мысль, 1989. - С. 77.
70. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы: Ч. I. / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; Сост., вступ. ст.,

- примеч. М.С. Козловой. - М.: Гнозис, 1994. - С. 139.
71. Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы: Ч. I. / Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева; Сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой. - М.: Гнозис, 1994.
72. Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии: Пер. с англ. / Общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова. Пер. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. - М.: Прогресс, 1985.
73. Sartre J.P. L'Etre et le Neant. Essai d'ontologie phenomenologique. - Paris: Ed. Gallimard, 1943. - P. 29.
74. Bourdieu P. Homo academicus. - Paris: Ed. de Minuit, 1984. - P. 36-37.
75. Bollnow O.F. Existenzphilosophie. - Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1960. - S. 33.
76. Heidegger M. Prolegomena zur Geschichte des Zeitbegriffs // Heidegger M. Gesamtausgabe / Hrsg. P. Jaeger. - Bd. 20. - Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann Verlag, 1979. - S. 152.
77. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов: (Первоначальный вариант "Капитала"): Ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 46. - С. 106-107.
78. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., коммент. В.В. Бибихина. - М.: Республика, 1993. - С. 175.
79. Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности. - М.: Добросвет, Книжный дом "Университет", 1998. - С. 32-36.
80. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет: Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., примеч. А.В. Михайлова. - М.: Гнозис, 1993.
81. Лейбниц Г.В. О природе тела и движущих сил / Пер. с лат. Н.А. Федорова // Лейбниц Г.В. Сочинения в 4 т.: Т. 3. / Ред. и сост., авт. вступит. ст. и примеч. Г.Г. Майоров и А.Л. Субботин. - М.: Мысль, 1984. - С. 220.
82. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра / Пер. Т.В. Васильевой // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник: Пер. с нем. / Под ред. А.Л. Доброхотова. - М.: Высш. шк., 1991. - С. 47-48.
83. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: В 3 т.: Т. 1. - М.: Мысль, 1970. - С. 140-141.
84. Ritzer G. Postmodern social theory. - New York: McGraw-Hill, 1997.
85. Weber M. Gesammelte Aufs(tze zur Wissenschaftslehre. - T(bingen: I.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1973. - S. 127, 217 u. a.
86. Derrida J. De l'esprit // Derrida J. Heidegger et la question. De l'esprit et autres essais. - Paris: (d. Flammarion, 1990.
87. Хюбнер К. Критика научного разума / Пер. с нем. И.Т. Касавина. - М.: ИФ РАН, 1994.
88. Хюбнер К. Истина мифа / Пер. с нем. И.Т. Касавина. - М.: Республика, 1996. - С. 233.
89. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общество. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., послесл. и comment. А.Б. Гофмана. - М.: Восточная литература, 1996. - С. 67.
90. Барт Р. Лекция / Пер. Г.К. Косикова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К.

- Косикова. - М.: Прогресс, Универс, 1994. - С. 548.
91. Кант И. Критика способности суждения / Пер. с нем. М.И. Левиной // Кант И. Сочинения: В 8 т.: Т. 5. - М.: Чоро, 1994. - С. 177.
92. Шиллер Ф. О наивной и сентиментальной поэзии / Пер. с нем. И. Саца // Шиллер Ф. Собр. соч.: В 7 т.: Т. 6. / Общ. ред. Н.И. Вильмонта и Р.М. Самарина. - М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1957. - С. 390.
93. Барт Р. Мифология / Пер. с фр., вступ. ст. и comment. С.Н. Зенкина. - М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. - С. 270.
94. Шеллинг Ф.В.Й. Философское исследование о сущности человеческой свободы и связанных с ней предметах // Шеллинг Ф.В.Й. Соч.: В 2 т.: Пер. с нем.: Т. 2 / Сост., ред. А.В. Гулыга; Прим. М.И. Левиной и А.В. Михайлова. - М.: Мысль, 1989. - С. 108.
95. Сартр Ж.-П. Что такое литература? / Пер. С. Брахман // Сартр Ж.-П. Ситуации: Сборник: Пер. с фр. / Предисл. С. Великовского. - М.: Ладомир, 1998. - С. 31.
96. Фуко М. Забота об истине // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Сост., пер. с фр., comment. и послесл. С. Табачниковой; общ. ред. А. Пузырея. - М.: Касталь, 1996. - С. 322-323.
97. Mulkey L. Seeing and unseeng social structure: sociology's essential insights. - London: Allyn&Bacon, 1995.
98. Man P. de. Autobiography as de-facement // Man P. de. The rhetoric of romanticism. - N.Y.: Columbia University press, 1984. - Р. 70.
99. Барт Р. Война языков / Пер. С.Н. Зенкина // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. - М.: Прогресс, Универс, 1994. - С. 537.
100. Pinto L. Pierre Bourdieu et la theorie du monde social. - Paris: (d. Albin Michel S.A., 1998. - Р. 201-208.
101. Derrida J. De la grammatologie. - Paris: (d. de Minuit, 1967.
102. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Бурдье П. Начала./Пер. с фр. Н.А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1994.
103. Бурдье П. Кодификация // Бурдье П. Начала. / Пер. с фр. Н.А. Шматко. - М.: Socio-Logos, 1994. - С. 121.
104. Bourdieu P. La Distinction. Critique sociale du jugement. - Paris: (d. de Minuit, 1979. - Р. 191-192.
105. Derrida J. Apories. Mourir - s'attendre aux "limites de la verite". - Paris: (d. Galilee, 1996.
106. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. / Сост., пер., вступ. ст., comment. В.В. Бибихина. - М.: Республика, 1993.
107. Derrida J. La Differance // Derrida J. Marges - de la philosophie. - Paris: (d. de Minuit, 1972.
108. Derrida J. Le Trait de la metaphore // Derrida J. Psyche. Inventions de l'autre. - Paris: (d. Galilee, 1987.
109. Nancy J.-L. L'Oubli de la philosophie. - Paris: (d. Galilee, 1986. - Р. 30-31.
110. Bernet R., Kern I., Marbach E. An introduction to Husserlian phenomenology. - Evanston Il.: Northwestern University Press, 1993.
111. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии: Т. 3.: Ч. 2. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 25. - Ч. 2. - С. 450.
112. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов: (Первоначальный вариант "Капитала"): Ч. 2. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 46.

- Ч. 2.

113. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 годов: (Первоначальный вариант "Капитала"): Ч. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 46.
- Ч. 1.
114. Ясперс К. Духовая ситуация времени / Пер. М.И. Левиной // Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. - М.: Республика, 1991. - С. 310.
115. Давыдов Ю.Н. Социологическое содержание категории *Gemeinwesen* в работах К. Маркса // Социологические исследования. - 1983. - № 4. - С. 48.
116. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. - М.: Медиум, 1995.
117. Searle J.R. The construction of social reality. - N.Y.: Free Press, 1995.
118. Bhaskar R. Beef, structure and place: notes from a critical naturalist perspective // Journal for the study of social behavior. - Vol. 13. - 1985. - P. 85.
119. Арчер М. Реализм и морфогенез / Пер. с англ. О.А. Оберемко // Теория общества. Сборник / Пер. с нем., англ. / Вступ. ст., сост. и общ. ред. А.Ф. Филиппова. - М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 1999. - С. 164.
120. Giddens A. The constitution of society: outline of the theory of structuration. - Cambridge: Polity Press, 1984.
121. Маркс К. Экономическая рукопись 1861-1863 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 47. - С. 286.
122. Аутвейт У. Реализм и социальная наука / Пер. с англ. А.Ф. Филиппова // СОЦИО-ЛОГОС/Сост., общ. ред. и предисл. В.В. Винокурова, А.Ф. Филиппова. - М.: Прогресс, 1991. - Вып. 1. - С. 142.
123. Hartmann N. Das Problem des geistigen Seins. - Berlin: de Gruyter Verlag, 1933.
124. H(ran F. Le seconde nature de l'habitus. Tradition philosophique et sens commun dans le langage sociologique // Revue fran(aise de sociologie. - XXVII. - № 3. - Juillet-septembre 1987. - P. 385-416.
125. Шматко Н.А. "Габитус" в структуре социологической теории // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - Т. 1. - № 2. - С. 60-70.
126. Bhaskar R. Reclaiming reality. - London: Verso, 1989. - P. 4-5.
127. Bourdieu P., Wacquant L.J.D. Réponses. Pour une anthropologie reflexive. - Paris: (d. du Seuil, 1992. - P. 72-73.
128. Gadamer H.-G. Der eine Weg Martin Heidegger // Gadamer H.-G. Gesammelte Werke. - Bd. 3. - Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck) Verlag, 1987.
129. Аристотель. Никомахова этика. I 7, 1098a 18 / Пер. Н.В. Брагиной // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4. / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.И. Довтура. - М.: Мысль, 1984. - С. 64.
130. Радаев В.В. Экономическая социология: общие контуры подхода // Социологические чтения. - Вып. 1. - М.: ИС РАН, 1996. - С. 112.
131. Заславская Т.И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - 1995. - № 6.
132. Левада Ю.А. Элита и "масса" в общественном мнении: Проблема социальной элиты // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - 1995. - № 6.
133. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. - 1995. - № 3. - С. 3.
134. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: понятие,

- структурой, идентификация // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - 1994. - №5. - С. 7.
135. Заславская Т.И. Об изменении критериев социальной стратификации российского общества // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Т.И. Заславской и Л.А. Арутюнян. - М.: Интерпракс, 1994. - С. 144.
136. Заславская Т.И. Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. - 1994. - №5.
137. Радаев В.В. Явление предпринимательства и группы предпринимателей // Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития / Общ. ред. Т.И. Заславской. - М.: Аспект Пресс, 1995.
138. Заславская Т.И. Социальный механизм трансформации российского общества // Социологический журнал. - 1995. - №3. - С. 7.
139. Заславская Т.И. Роль социологии в преобразовании России // Социологические исследования. - 1996. - №3. - С. 6-7.
140. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Пер. с фр. В.П. Гайдамака. - М.: Прогресс, 1993. - С. 59.
141. Радаев В.В. Экономическая социология: Курс лекций. - М.: Аспект Пресс, 1997.
142. Parsons T. (valuation et objectivit( dans le domaine de sciences. Une interpretation des travaux de Max Weber // Revue internationale des sciences sociales. - 1965. - Vol. 17. - №1. - P. 49-69.
143. Заславская Т.И. Социальная структура России: главные направления перемен // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т.И. Заславской. - М.: Остожье, 1997. - С. 168.